

ВЛАДИМИР
БРАЙТ

КОРОЛЕВА
СЕМИ ПАЛАЦЕЙ

Владимир Брайт
Королева Семи Палачей
Серия «Империя неудачников», книга 3

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159224

Королева Семи Палачей: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-22099-1

Аннотация

Принцессам полагается быть прекрасными и невинными. А героям – не менее прекрасными и бесстрашными. И каждый приличный квест заканчивается союзом двух сердец плюс узами Гименея... Размечтались! Во-первых, среди принцесс попадаются те еще штучки. Во-вторых, окажись вы на месте героя, все ваше бесстрашие наверняка предпочло бы забиться в дальний угол и там переждать до лучших времен. А в-третьих, в Империях Неудачников с приличными квестами напряженка, слишком много в них безумных колдунов, отвратительных монстров и дворцовых интриг – тут уж не до личной жизни, только успевай уворачиваться от новых «подарков судьбы»!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
Глава 1	14
Глава 2	35
Глава 3	55
Глава 4	74
Глава 5	106
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	118
Глава 1	118
Глава 2	133
Глава 3	144
Глава 4	165
Глава 5	181
Глава 6	197
Глава 7	213
Глава 8	242
Глава 9	260
Глава 10	276
Глава 11	306
Глава 12	326
Глава 13	353
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	370
Глава 1	370
Глава 2	389

Глава 3	410
Глава 4	431
Глава 5	449

Владимир Брайт

Королева Семи Палачей

Краткое содержание первой книги

Очередная книга цикла «Империя неудачников» продолжает историю молодого героя, волею судеб (точнее, благодаря ошибке выжившего из ума колдуна) оказавшегося в параллельном измерении.

Маг по имени Каль Оми Мораван Паша Оузивад Третий (для нас – просто Компот), основываясь на теории родственно пересекающихся связей и параллельных вероятностей, вычисляет код личности (геном) принца Рентала – единственного наследника огромного королевства. Но старческий маразм, помноженный на неточность в математических вычислениях, приводит к тому, что вместо наследника великой династии колдун похищает совершенно обычного юношу из современного мира. По дороге на рабовладельческий рынок (если кто-то не в курсе – торговля принцами довольно выгодный бизнес) главный герой предпринимает отчаянную попытку к бегству и тем невольно провоцирует начало вооруженных столкновений (а попросту говоря – беспощадной кровавой бойни) между двумя враждующими

кланами, контролирующими один из районов Сарлона – столицы объединившихся измерений.

В самый ответственный момент, когда резня уже в полном разгаре, на сцене появляется еще один любитель легкой жизни – толстяк Билли. Битва коварного колдуна и бесстрашного воина достигает кульминации, но в этот судьбоносный момент на район, охваченный массовыми беспорядками, обрушивается мощнейший магический удар: заклинание, именуемое «Зона стертого измерения».

Реальность буквально разваливается на куски, а вместе с ней разваливаются на куски тела мятежников, посмеявшихся начать беспорядки в день помолвки короля Фромпа Второго и юной принцессы Веи. Оказавшись в самом центре заклинания-урагана, наши герои чудом остаются в живых. После чего попадают в руки доблестных стражей правопорядка. Надежда на спасение ярким светом загорается в их сердцах, однако без лишних разговоров и выяснения обстоятельств все выжившие причисляются к стану мятежников и приговариваются к смертной казни. Впрочем, по случаю знаменательного события – помолвки короля – осужденным дается право выбора: умереть на месте или отправиться в гладиаторский цирк, «Арену искупления». Тот, кто продержится семь раундов против весьма злобных тварей, получит право загадать любое желание. И оно будет в точности исполнено придворными магами короля.

Неудивительно, что при подобном милом раскладе плен-

ники «с радостью» соглашаются на участие в гладиаторской битве. Толпа дружным ревом встречает своих кумиров, а накачанные запрещенными стимулирующими препаратами герои стойко держатся два раунда. Но к третьему их силы иссякают – начинается агония. Огромная тварь под названием «маал» выползает на арену, чтобы всосать и переварить в своем ненасытном чреве обессилевших воинов. И именно в этот момент в достигшую апогея драму неожиданно вмешивается новый персонаж.

И это...

Нет-нет, это вовсе не добрая фея с волшебной палочкой, выводком крыс, недозрелыми овощами, иллюзией хрустальных тувелек и прочими низкопробными фейками¹, предательски принимающими истинный вид ровно в полночь, а безумный колдун, страдающий тягой к насилию и вдобавок обладающий чудовищным чувством юмора. Его имя Асванх Пиринизон (для нас – просто Аспирин). Причем если на насиле еще можно как-то закрыть глаза, то его «невинные шуточки» могут свести с ума кого угодно.

Воспользовавшись неравномерным течением времени в разных мирах (29 суток в гостях у Аспирина – 0,00033 секунды на арене), безумный маньяк выдерживает героев с поля боя и посылает их в соседнее измерение Глов, чтобы они

---

¹ Fake (англ.) – фальсифицировать, фабриковать, подделывать. Часто используется в Интернете для обозначения разного рода фальшивок. (Здесь и далее примеч. автора.)

похитили артефакт, принадлежащий его давнему недоброжелателю, колдуну по имени Зоул. Так как ресурсов хватает на перенос только одного человеческого тела, ментальные сущности колдуна Компота и воина Билли трансформируются в новую форму. Вздорный старик Компот становится ольтиком – мелким животным, напоминающим помесь таксы, водяной крысы, кролика и тушкана, а толстяк – обычным ременным поводком для этого животного. Вдобавок на шею мнимого принца Рентала сажают пиявку Клару, являющуюся проводником-надсмотрщиком и, что намного важнее, мощным жизнеутверждающим стимулом для успешного завершения операции.

Пережив множество «веселых и увлекательных» приключений (больше напоминающих череду готических ужасов), наши герои оказываются у стен Цтинкла – оплота могущественных некромантов. Причем не в качестве экскурсантов, а в составе двухсоттысячной армии рабов и наемников, штурмующих цитадель, защитниками которой выступают ужасные зомби. Прикованный цепью к огромному злобному монстру по имени Гарх, главный герой пытается мужественно перенести все тяготы армейской жизни и выжить в войне с ходячими мертвецами. Если с тяготами все проходит удачно (более или менее...), то бой с зомби оканчивается плачевно.

Гарх неосмотрительно подхватывает инфекцию (укус ожившего трупа всегда чреват неприятностями), после че-

го отрубает себе конечность и теряет сознание. При этом он неудачно падает и придавливает своей тушей юного напарника.

Невольные боевые товарищи приходят в себя утром следующего дня на разделочном колесе для четвертования. Жители цитадели, пережив ужасы нападения двухсоттысячной орды, расслабляются, выпивают и ликуют на празднике жизни. При этом умеренное кровопускание для плененных врагов вполне органично вписывается в картину праздника.

Народные гуляния – в разгаре, а жизнь узников, прикованных к разделочному колесу, должна вот-вот оборваться. Но в этот напряженный момент один из местных провидцев убивает палача и сообщает соплеменникам грустную новость: в ухо юноши вживлен «Растворитель миров» – кристаллическая невообразимо редкого вещества, способного уничтожить целое измерение, по сути – всю эту вселенную. И как только жизнь молодого человека оборвется, «Растворитель» сработает.

Оказывается, коварный Аспирин не собирался ничего красть у своего извечного врага Зоула. Он просто закинул в его мир бомбу замедленного действия.

Легкая паника среди местного населения (плавно перерастающая в полномасштабное кровопролитие) пресекается на корню отрядом зомби – личной гвардией главы местного феода: Антопца. Гарх и мнимый принц Рентал без всякого сожаления покидают гостеприимное ложе разделочного

колеса, чтобы отправиться в подземелья Цтинкла – обитель могущественного и безжалостного некроманта Антопца.

На этом заканчивается первая книга.

Краткое содержание второй книги

В ужасных подземельях крепости Цтинкл выясняется, что организм Гарха обладает повышенным иммунитетом ко всякого рода неприятным заболеваниям (в том числе и укусам зомби). Это удивительное открытие позволяет могущественному чернокнижнику превратить Гарха в полусмертного – создание, сочетающее в себе качества как живых, так и мертвых

Одновременно с вышеописанными событиями к стенам Цтинкла подходит очередная армия под предводительством могущественных магов ордена Кен, требующих выдать мнимого принца Рентала. Безумные колдуны намереваются провести «Обряд семи», в результате которого мир погибнет, а последователи темного культа перейдут на новый уровень существования, став полубогами. Кен перекрывают выход из измерения, сделав невозможным побег в другие миры. А у Антопца недостаточно сил для отражения нападения, к тому же ему необходимо время для сбора компонентов, способных извлечь «Растворитель миров» из уха несчастного юно-

ши. Не найдя иного выхода, Антопц решает оснастить команду героев своими лучшими артефактами и положиться на волю providения. В роли которого выступает стайтрейкс – волшебный супертелепорт, действующий по принципу генератора квестов² стайтрейкс перебрасывает беглецов в бесплодную пустыню, где и начинается новая череда «увлекательных приключений» наших героев³.

В конечном итоге Кен, заручившись помощью гильдии толденов, воинов тени, все-таки добиваются своего: пленяют «принца Рентала» и водружают его на жертвенный алтарь. Мир неуклонно катится в бездну, а жрецы древнего культа торжествуют. Но неожиданно на сцене появляется Антопц в сопровождении Зоула – безумного колдуна, у которого главный герой должен был похитить древний артефакт.

Когда в одном месте собирается очень много сильных и могущественных волшебников (точнее будет сказать – одержимых злым духом мракобесов), ситуация, мягко говоря, выходит из-под контроля.

Финальная битва затмевает все непередаваемые ужасы, творившиеся до этого момента. Противоборствующие сто-

---

² Генератор квестов – понятие, используемое в компьютерных играх. Очень примитивная и глупая вещь, генерирующая дурацкие задания, а также произвольно перекидывающая несчастных в места одно хуже другого.

³ Череда готических ужасов, очень натуралистично описанных в первой книге, не идет ни в какое сравнение с тем нескончаемым кровавым кошмаром, который преследует персонажей романа на протяжении трехсот с лишним страниц книги второй.

роны используют чудовищные заклинания, одно только упоминание о которых может привести в священный трепет кого угодно.

Во время сражения несчастный юноша лишается глаза. Однако Кен обращены в бегство, а победители забирают «жертвенного тельца», несущего в себе «Растворитель миров», обратно в мрачные подземелья Цтинкла.

Проведя обряд экстремально девельтипированной пули-визации (немыслимо дикий ритуал) и подарив «Око скорпиона» (магическое насекомое, заменяющее утраченный глаз), героя вышвыривают из измерения, отправляя в тайное логово Аспирина.

Очередной безумный колдун, опасаясь последствий экстремально девельтипированной пули-визации, не решается убить несчастного юношу, предпочитая отправить его на гладиаторскую «Арену искупления», чтобы тот умер самостоятельно.

Монстры с нетерпением поджидают законную добычу, однако в дело вмешивается хитрый и алчный король, решивший сорвать банк на тотализаторе.

Проведя блестящую серию из шести побед подряд, наши герои благополучно достигают седьмого, заключительного, раунда. И тогда против них выпускают бесплотного и непобедимого демона.

К счастью гладиаторов и несчастью Фромпа (поставившего на кон полкоролевства), оказывается, что во время стран-

ствий по Глову герои выпустили на волю пару демонов, которые в знак благодарности отметили их печатью освободителей. Что и позволило обреченным на смерть гладиаторам договориться с чудовищем и выиграть заключительный раунд.

Солнце садилось. День угасал. Мир стал свидетелем чуда, а трое героев, в мгновение ока вознесшихся чуть ли не на божественный Олимп, стояли в центре «Арены искупления», не испытывая ничего, кроме всепоглощающей усталости...

На этой возвышенной ноте заканчивается вторая книга цикла «Империя неудачников».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МЁРТВАЯ ГОЛОВА

Глава 1

Солнце садилось. День угасал. Мир стал свидетелем чуда, а трое героев, в мгновение ока вознесшихся чуть ли не на божественный Олимп, стояли в центре «Арены искупления», не испытывая ничего, кроме всепоглощающей усталости.

Трибуны по-прежнему сходили с ума, но я уже настолько привык к проявлениям чувств легковозбудимой толпы, что не обращал на нее никакого внимания.

– Думаешь, мы победили? – спросил я у Билли, потому что именно он был самым опытным воином в нашей команде.

– А у тебя есть какие-то другие варианты?

– Вообще-то нет, но все это как-то очень странно.

– А что тут странного? – В отличие от нас с Билли (выглядевших словно пара выжатых лимонов) колдун держался достаточно бодро. – Мы с честью прошли через все испытания, повергли толпы чудовищ, выиграли полкоролевства и теперь празднуем вполне заслуженную победу.

– Полкоролевства... – не слишком-то радостно пробормо-

тал я, чувствуя, что это скорее огромная проблема, нежели удачный выигрыш. – Лучше бы мы выиграли просто деньги.

– Просто деньги? – Старик чуть было не расхохотался. – Да никаких денег в мире не хватит, чтобы купить полкоролевства! Отныне мы сказочно богаты!!!

– *Сразу видно, Компот не только слаб в математике, но и полная бездарность в экономической сфере*, – как всегда, совершенно некстати ожил внутренний голос. – *В отличие от банковского счета управление гигантскими территориями чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Начиная от локальных бунтов и заканчивая...*

– *Давай поговорим о последствиях чуть позже*, – резко оборвал я своего вечного спутника. – *Сейчас мы празднуем победу, и это главное. Все остальное может подождать до более благоприятного момента. Тем более что Фромп явно собирается что-то сказать.*

Пока я пререкался с собственным подсознанием, монарх встал с кресла и поднял вверх правую руку – знак, призывающий людей к тишине.

Только что он проиграл больше, чем можно вообразить, – половину королевства. И тем не менее держался совершенно спокойно. Как будто речь шла о каких-нибудь пустяках, не заслуживающих особого внимания.

Алчный старик все еще оставался королем, поэтому возбужденная до предела толпа успокоилась достаточно быстро.

– В жизни нередко случается удивительное, – начал

Фромп издалека, – и сегодня мы стали свидетелями одного такого чуда. Поистине уникального события, рассказы о котором будут передаваться из поколения в поколение на протяжении многих тысячелетий. Со временем этот поединок обрстет массой неправдоподобных деталей и глупых вымыслов и исказится до неузнаваемости. Но...

Прерывающийся от волнения голос короля на мгновение смолк, а затем продолжил с нарастающей силой:

– Но мы с вами знаем всю правду об этом великом событии. Да. Сегодня я проиграл половину своего королевства, но скажу полага руку на сердце – даже если бы я знал это наперед, я не задумываясь отдал бы все владения ради возможности увидеть эту прекрасную битву. Слова и эмоции переполняют меня до краев, и поэтому все, на что я способен сейчас, – просто воскликнуть: «ВИВАТ НАШИМ ГЕРОЯМ!!!»

– Виват нашим героям! – повторил Фромп, победно вскинув руки вверх.

И сотысячная толпа взревела в ответ:

– ВИВАТ!!!

ВИ-И...

...ВА-АТ!!!

ВИ-ВА-АТ!!!

ВИ-И-И...

Они неистовствовали, сходили с ума и безумствовали в прямом смысле этого слова. Никакие другие определения не

подходят к тому, что творилось на трибунах «Арены искупления» – проклятого гладиаторского амфитеатра, который я искренне ненавидел.

– *Старый лис Фромп даже из поражения умеет извлекать выгоду,* – печально вздохнул внутренний голос.

Меня тоже не смогли ввести в заблуждение восторженные крики и фальшивое ликование.

– *Боюсь, наши проблемы только начинаются,* – невесело согласился я. – *Симпатии народа вновь на стороне короля, а этот злопамятный кровосос не успокоится до тех пор, пока сполна не рассчитается с нами за пережитое унижение. У тебя имеются какие-нибудь соображения по этому поводу?*

– *Да. Я предлагаю бежать. Вот только не знаю, как и куда.*

– *Не слишком свежая идея.*

– *Хоть какая-то. Ты, как я посмотрю, вообще ничего предложить не можешь.*

Я уже собрался ответить что-нибудь резкое, но в последний момент передумал. Выяснить отношения с собственным подсознанием можно будет и позже. А сейчас имелись дела поважнее. Хотелось узнать, чем в конечном итоге закончится этот слегка затянувшийся спектакль. А именно, позволят ли героям живыми и невредимыми покинуть арену, или произойдет еще одно «замечательное чудо» – и вся наша команда окажется в каком-нибудь отвратительном месте.

Память услужливо вытащила на свет портрет Антопца –

повелителя древнего Зла. Затем добавила облезлую пуму, то есть Зоула – "ближайшего соратника и стратегического партнера Антопца. И напоследок «порадовала» Аспирином – безумным во всех отношениях психопатом, одно только упоминание имени которого бросало меня в нервную дрожь.

Пока я перебирал в уме портреты зловещих чернокнижников, толпа ликовала. А точнее, бурно выражала свои эмоции. Однако, даже если наступит конец света, эти самые эмоции рано или поздно пойдут на спад (включая и эмоции тех, кто по счастливой случайности переживет апокалипсис). Поэтому нет ничего удивительного в том, что, набушевавшись вдоволь, трибуны стали успокаиваться.

Я даже успел порадоваться столь быстрому финалу представления. Но оказалось, моя радость была преждевременной. До конца еще было очень далеко, и шоу явно удалось во всех отношениях.

После короля слово взял Сайко – тот самый безумец, кто поставил все свои деньги (которых у него не было) на нашу победу. И как ни странно, умудрился сорвать банк в десять миллионов.

Не мудрствуя лукаво, он поступил точно так же, как и Фромп, – поднял правую руку, призывая трибуны к тишине. Ничего удивительного, что толпа успокоилась практически мгновенно. Этот бойкий юноша, обладатель несметных богатств, вызывал у собравшихся целую гамму чувств: восхищение, удивление, зависть и т. д. и т. п. Список можно про-

должить, но суть от этого вряд ли изменится. Баловень фортуны явно заслуживал, чтобы его выслушали.

– Друзья!!! – прерывающимся от волнения голосом начал новоиспеченный миллионер. – Сегодня моя вера в чудо вознесла меня поистине на невообразимую высоту.

После этих слов каждый из присутствующих непроизвольно вздохнул, подумав: «Какого, собственно, хрена лично у меня не хватило ума поверить в чудо?»

– Но все произошло не благодаря моему везению, глупости или наивности... – Сайко сделал паузу, поднеся не первой свежести носовой платок к увлажнившимся глазам. – Нет!!! – всхлипнул молодой человек, с трудом пытающийся сдержать слезы. – Моя глупость или везение здесь совершенно ни при чем, потому что сегодня ночью мне было Видение.

«Прожженный плут!» – криво усмехнувшись, подумал Компот.

«А парень-то явно не промах!» – развеселился Билли.

– *Вот настоящий игрок из высшей лиги, – восторженно воскликнул внутренний голос, – как тонко и красиво играет! Не то что ты со своими штампами из примитивных женских романов... Набившими оскмину штампами,* – немного подумав, добавил он.

«...!» – выругался про себя Фромп, почувствовав, что прямо сейчас проклятый заморыш скажет нечто плохое.

Предчувствие не подвело старого короля: Сайко действительно взорвал бомбу.

Очень натурально закатив глаза под верхние веки (остались видны только белки), он изменил модуляцию голоса. Создавалось такое впечатление, будто вместо него говорит другой человек или демон.

– Посланец великого бога Винтуба явился ко мне ночью и предсказал...

– *Для полноты образа ему нужно пустить слюну или забиться в эпилептическом припадке,* – прокомментировал ситуацию я, обращаясь к внутреннему голосу.

– *Может быть, парень слегка переигрывает, но публике это явно импонирует.* – Судя по всему, мое второе «я» уже записалась в фан-клуб Сайко.

– *«Слегка переигрывает» – это не то определение, которое подходит...*

– *Замолчи, пожалуйста, я хочу дослушать историю про Видение!*

«Полный бред», – подумал я, но не стал спорить.

В конце концов, на этой арене каждый блефовал как мог, извлекая максимум выгоды из создавшегося положения. Однако меня не оставляло стойкое предчувствие, что самым большим шулером останется мерзкий хитрый король. Потому что это была его игра, его крапленые карты, его деньги и его королевство. А мы...

Мы оставались всего лишь глупыми провинциалами из деревенской глубинки, которым по счастливому стечению обстоятельств (или по недосмотру Фромпа) пришла на руки

kozyрная карта.

– Посланец сказал: «День, что сменит ночь, войдет в историю этого мира. Будет большая битва, и придут герои, равных которым еще не было. Они станут сражаться во славу великого Винтуба, а ты, Сайко, должен будешь построить новый прекрасный храм».

Зрачки оратора вернулись в нормальное положение, и после незначительной паузы (по всей вероятности, означавшей конец сеанса перевоплощения) он продолжил уже вполне нормальным голосом:

– Сначала я не понял смысла этого Видения. Конечно, у меня были сто тысяч – деньги племени, которыми предстояло распорядиться. Но этой суммы явно недостаточно, чтобы построить прекрасный храм.

– Каков гаденыш! – с ненавистью прошипел Фромп, обращаясь к стоящему рядом магу. – Сейчас кинет жирный кусок алчным жрецам – и они вознесут его до небес. Давно хотел покончить с последователями этого нездорового культа, но все никак руки не доходили.

– Ваше величество, эти так называемые алчные жрецы до сего дня верой и правдой служили короне, – смиренно ответил маг по имени Сервел.

– Они всегда делают только то, что им выгодно! – Лицо короля побледнело от гнева, а на самом дне глаз плескалась с трудом сдерживаемая ярость.

– Ваше величество...

– Замолчи. Я больше не желаю тебя слушать.

Сервел почтительно склонил голову, всем видом выражая смирение и покорность. Он знал, что его повелитель бывает вспыльчив, но гнев быстро проходит, уступая место трезвому расчету. Оставаться на троне тридцать с лишним лет, особенно когда вокруг шныряет столько врагов и недоброжелателей, может далеко не каждый. Да, вне всякого сомнения, удар, обрушившийся на короля, был более чем страшным. Это был даже не удар, а потрясение чудовищной силы. Но пока что еще не все потеряно. Есть рубежи, за которыми можно переждать бурю. А раз так (маг не удержался от кривой усмешки) – лично он не хотел бы оказаться на месте пронырливого плута, сорвавшего банк, или этих троих оборванцев. Им удалось обмануть толпу, каким-то непостижимым образом договорившись с могущественным демоном. Но это только видимость победы – и не более того.

– ...величественным храмом, упоминание о котором будет приводить в трепет сердца почитателей Винтуба, – продолжал Сайко свою пылкую речь. – И когда я услышал предложение нашего любимого правителя, – оратор изящно поклонился в сторону королевской ложи, – о невероятном пари, то...

Молодой человек сделал очередную паузу, назидательно подняв вверх указательный палец. Он стал похож на умудренного жизненным опытом учителя, рассказывающего ученикам чрезвычайно поучительную историю.

– Жутко передергивает, – не удержался я от едкого комментария.

– Ты просто завидуешь настоящему Таланту с большой буквы, – отозвалось предательское подсознание.

– Ничего подобного, я лишь...

– То сразу же понял, – с трудом сдерживая готовые хлынуть слезы, продолжал Сайко, – посланец Винтуба был прав. Мне предстоит воздвигнуть невиданно прекрасный храм, и... и... и я сделаю это.

Не выдержав накала эмоций, молодой человек наконец разрыдался, а толпа потрясенно молчала, не смея нарушить тишину, воцарившуюся над ареной.

«О боги, какой же я идиот! – желчно воскликнул про себя Фромп. – Старый, выживший из ума идиот! Трое бродяг обвели меня вокруг пальца, как ребенка, и плюс ко всему этот хитрый змееныш, мерзкий актеришка, гнусный червяк, так немисливо возвысился за мой счет! Старею! Теряю хватку! Становлюсь жалким посмешищем!»

Но старому королю только казалось, что над ним уже жестоко посмеялись. Он еще не испил чашу унижения до дна – история с храмом была всего лишь началом. Причем самым безобидным.

– И вот теперь, – продолжал Сайко, после того как справился со слезами, – я отдаю половину выигранных денег – пять миллионов – на строительство прекрасного храма во славу великого бога Винтуба!

– Этой суммы хватит, чтобы воздвигнуть пять прекрасных храмов, – шепнул мне на ухо Билли. – Парень явно решил заручиться поддержкой церкви, чтобы его не прирезали раньше времени.

– Нам бы тоже это не помешало, – тихо ответил я, намекая на то, что обладателей половины королевства вполне могут прирезать *намного раньше времени*.

А если мы не заручимся поддержкой какой-нибудь могущественной структуры, мстительный король разделается с нами очень быстро.

– А-А-А!!! – взревели сотысячные трибуны, потрясенные неслыханной щедростью Сайко.

– А-А-А!!! – продолжала бушевать и бесноваться толпа, не подозревавшая даже, что можно вот так легко, без всякого сожаления расстаться с такой огромной суммой.

– Признаю, твой фаворит действительно чрезвычайно ловкий парень, – обратился я к своему подсознанию. – *Теперь его точно не прирежут раньше времени. Хотя...*

– *Что?* – тревожно встрепенулся внутренний голос, – что ты подразумеваешь под этим тревожным «хотя»?

– *Всегда найдется какой-нибудь воинствующий фанатик, приверженец иной веры, который с удовольствием разделается с твоим любимцем. Хотя бы по той простой причине, что он обошел вниманием остальных богов. Затем, как и положено в таких случаях, будут пышные похороны. И лживый король, направивший руку убийцы, выступит с про-*

чувствованной речью. Со слезами на глазах он сообщит, что общество лишилось своего лучшего сына и т. д. и т. п. В общем, с какой стороны ни посмотри, у бедняги не так много шансов насладиться неожиданно свалившимся на голову богатством.

– А у нас?

– У нас этих шансов вообще нет.

– Ты уверен?

– Более чем. Но эту проблему лучше обсудить позже – Сайко собирается продолжить свою блестящую речь.

И действительно, «благородный меценат», только что пожертвовавший церкви половину состояния, вновь поднял руку, призывая народ к тишине.

Сердце Фромпа предательски екнуло, почуяв неладное, и старый король вновь не ошибся: проклятый юнец продолжал разбрасываться миллионами.

– Я знаю, что в этом мире есть приверженцы иных вер, и им мое решение о возведении храма во имя лучезарного Винтуба может показаться несправедливым. Именно поэтому я заключаю пожизненный контракт с кланом Утешителей.

– А-а-а-ах! – судорожно вздохнули трибуны.

Потому что в столице объединившихся измерений все от мала до велика слышали о легендарных Утешителях.

Некогда это была гильдия наемных убийц, для которых не существовало понятия «невыполнимое задание». Если они

подписывали договор, то можно было считать, что с этого момента человек обречен. Но однажды один из киллеров нарушил кодекс гильдии, отказавшись убить младенца.

Их было трое... Трое наемников, вырезавших целую усадьбу с многочисленной и хорошо вооруженной охраной. Они ликвидировали всех, но, когда дело дошло до грудного ребенка, мирно спящего в колыбели, один из убийц заявил, что не позволит тронуть невинное дитя. Мнения разделились. Второй высказался против, а третий решил сохранить нейтралитет, решив, что примкнет к победителю. Отступник выиграл схватку, и дитя осталось жить. Беспристрастный судья не смог нарушить своего слова и присоединился к победителю. Именно так пара убийц основала новую гильдию – телохранителей. Эти двое были опытными воинами, поэтому долгое время бывшие коллеги по цеху не могли уничтожить предателей. А те, кто достиг совершенства в изоциренном искусстве убийства, смогли подняться на новую ступень, научившись охранять. Со временем у них появилось множество последователей, и в конечном итоге после полуторавековой войны гильдия убийц перестала существовать. А Утешилители стали самыми известными и высокооплачиваемыми телохранителями измерения. Пожизненный контракт с ними стоил миллион золотых и включал в себя пункт, согласно которому в случае насильственной смерти клиента родственникам погибшего возвращали всю сумму и жестоко карали убийцу. Никто не знал, какие ужасы подразумеваются

под термином «жестоко карали», но предполагалось, что потеря миллиона самым негативным образом скажется на настроении алчущих возмездия телохранителей.

«Проклятье!» – в сердцах выругался Фромп, сохраняя спокойное выражение лица (сказывалась многолетняя привычка).

Отвратительная пиявка присосалась к его казне, продолжая выбрасывать на ветер огромные суммы наличных. И продажные жрецы, и эти гадкие Утешители непременно возьмут свои деньги – в этом не приходилось сомневаться. Казна уже лишилась шести миллионов, но, судя по легкомысленному виду хитрого подонка, это было далеко не все, на что он способен.

– Еще один миллион, – продолжал свое сольное выступление Сайко, – я отдаю племени, возрадившему меня и поставившему на ноги. Научившему быть благородным и честным, великодушным и справедливым, удачливым... И щедрым, в конце-то концов!

– ВИ-И-И-ВА-А-АТ!!! – взорвалась толпа восторженным криком, ничуть не сомневаясь в том, что дикое племя варваров могло вложить столько положительных качеств в отдельно взятого индивидуума.

Тот, кто с подобной легкостью расстался с семью миллионами, наверняка должен был обладать всеми перечисленными качествами. В этом не было никаких сомнений, так же как не было сомнений в неслыханной и невиданной щедро-

сти молодого человека.

– Тебе не кажется, что раздача праздничных слонов слегка затянулась? – прокричал я в ухо Билли, начиная уставать от этой дешевой комедии.

– У него остались последние три миллиона! – проорал в ответ толстяк. – Так что скоро все закончится.

– Надеюсь!

– Можешь не беспокоиться, еще никто...

Совершенно неожиданно у меня в голове родилась блестящая мысль, которую я немедленно озвучил:

– Билли, а мы не могли бы заключить пожизненный контракт с Утешителями? Как-то мне не очень уютно в роли героя. Я конкретно устал и слегка не в форме. Ну... Не знаю, как тебе, а лично мне бы охрана не повредила.

– Они принимают только наличные.

– Но у нас же полкоролевства! Наверняка это стоит больше трех миллионов.

– Не уверен, что при разделе нам нарежут самые плодородные и богатые провинции. Пустыня Стумс, расположенная на юго-западе, занимает чуть ли не пятую часть королевства. А есть еще бесплодные земли на...

– Можешь не продолжать, – устало махнул рукой я.

– Предлагаем три миллиона тонн песка вместо трех миллионов золотых монет, – оживился внутренний голос. – Прекрасная сделка, от которой не в силах будут отказаться даже легендарные Утешители.

На это я мог бы ответить довольно язвительно, но не стал этого делать. Во-первых, я не видел никакого смысла пререкаться с самим собой, а во-вторых, Сайко, выжав максимум эффекта из потраченных семи миллионов, продолжал разбрасываться деньгами. Создавалось такое впечатление, что его тяготит нежданно свалившееся на голову состояние и он желает как можно быстрее избавиться от него.

«Утешители – Утешителями, – невесело подумал я, – но Фромп обладает достаточно внушительным потенциалом, чтобы найти управу на кого угодно. Столица объединившихся измерений – это не какой-нибудь провинциальный городишко с ежегодной ярмаркой, куда съезжаются фермеры со всей округи, чтобы выпить и повеселиться, а колоссальная сила во главе с человеком, которого только что очень серьезно поимели».

Вполне возможно, наши имена будут золотыми буквами вписаны в историю Сарлона, но я бы с удовольствием поменял все богатство и славу на возможность спокойно и без эксцессов покинуть этот огромный город. И желательно, чтобы по моим следам шла не банда кровожадных убийц, а принцесса Вея...

– Ты опять пошло и бездарно скатываешься в пучину примитивного женского романа, – одернуло меня подсознание. – Сольное выступление Сайко в самом разгаре, а ты терзаешь свой разум глупыми несбыточными фантазиями.

– ...На пятьсот тысяч я устраиваю грандиозные народ-

ные гулянья с бесплатной выпивкой и небывалым фейерверком...

Толпа в который уже раз ликующе взревела, услышав, что ее будут бесплатно поить и развлекать. Причем этот восторженный рев был самым громким и радостным. Звук, одновременно исторгшийся из десятков тысяч глоток, оказался настолько мощным, что мне даже показалось: еще немного – и барабанные перепонки лопнут, не выдержав чудовищного напряжения.

Переждав пятиминутный взрыв эмоций, народный любитель Сайко опять поднял руку, призывая к молчанию, и после того, как трибуны наконец успокоились, скромно потупившись, сообщил:

– А еще один миллион мне бы хотелось пожертвовать на строительство зоопарка...

– Строительство чего? – потрясенно переспросил Фромпи у стоявшего за спиной Сервела, потому что просто не поверил собственным ушам.

– Молодой человек намеревается инвестировать миллион золотых в строительство вольеров для животных. – Несмотря на то что умудренный сединами маг выглядел совершенно спокойно, голос старца звучал слегка напряженно.

Впрочем, король пребывал в такой ярости, что даже не заметил этого.

– Зо-о-пар-ка?! – четко, по слогам повторил монарх с перекошенным от ярости лицом. – Этот щенок собирается на

мои кровные деньги построить *зоопарк*?

Сервел мог бы возразить, что так называемый «щенок» намеревается построить зоопарк на свои собственные деньги, но благоразумно промолчал. Его господин был страшен и непредсказуем в гневе. А сейчас состояние Фромпа нельзя было назвать просто гневом, это было что-то намного хуже и страшнее. Нечто такое, что невозможно описать словами.

Вероятно, не только король, но и его народ не понял причуды новоявленного миллионера. Последние слова Сайко были встречены гробовым молчанием.

– *Твой фаворит стремительно теряет популярность,* – обратился я к внутреннему голосу. – *Его идея с зоопарком – несомненно, самая болезненная пощечина самолюбию короля, но, кроме нас с тобой, навряд ли кто-нибудь ее оценил.*

– *Толпе никогда не понять настоящего гения,* – печально вздохнуло мое второе «я» и после короткой паузы добавило: – *Нужно немедленно спасать парня.*

Вообще-то я не испытывал никаких теплых чувств к молодому человеку по имени Сайко. Но если вспомнить известную поговорку, враг моего врага – мой друг. А в том, что новоявленный миллионер являлся заклятым врагом безжалостного мясника Фромпа, не приходилось сомневаться.

– Зоопарк! – с фальшиво-наигранным энтузиазмом воскликнул я, нарушив гнетущую тишину арены.

– *Подними вверх окровавленный меч, для убедительности,* – тактично посоветовал внутренний голос.

– Зоопарк, в который мы соберем самых ужасных и удивительных монстров из всех измерений! – закричал я, взметнув вверх окровавленный меч. – Это будет восьмым чудом света, и паломники со всего мира начнут стекаться в наш прекрасный город, чтобы удивиться и восхититься великолепием нового зоопарка!

«Насчет восьмого чуда света – это было не очень удачно», – запоздало спохватился я, вспомнив, что нахожусь не дома, а совершенно в другом измерении. Здесь могли вообще не слышать ни о каких чудесах света.

Однако толпу не интересовали такие незначительные детали, как нумерация чудес. Народ жаждал хлеба и зрелищ, а самые ужасные монстры из всех измерений были именно тем зрелищем, которое могло взбудоражить умы кровожадных зрителей арены.

– ЗО-О-О-ПА-А-АРК!!! – начала дружно скандировать толпа. – ЗО-О-ПАРК!!!

Билли с Компотом догадались поднять вверх руки, сжимающие рукояти мечей, после чего практически законченная картина массового помешательства обрела последний недостающий штрих.

Сказать, что Фромп был раздавлен, значит не сказать ничего. Он был уничтожен морально, физически и нравственно. Никогда еще за всю свою долгую жизнь король не испытывал подобного немислимого унижения. Такого позора не смыть даже кровью.

«Нет, – мрачно подумал монарх, лишившийся половины королевства. – Смерть – это слишком легкая участь, эти подонки ее не заслужили. Для начала они ответят за все. Затем будут очень долго корчиться в муках и только после того, как выпьют чашу страданий до дна, завершат свой жизненный путь на виселице. Да... да. Повесить этих негодяев, словно разбойников с большой дороги, и смотреть, как они будут дергаться в петле! Только это сможет вернуть мне хорошее настроение, или, по крайней мере, избавить от черной депрессии».

– Пора заканчивать мерзкий балаган, – прошипел король, обращаясь к магу. – Скажи толпе, что сегодня ночью я устраиваю во дворце пир, посвященный великой победе. И разумеется, приглашаю прославленных героев принять участие в празднестве. Именно там они смогут загадать желание, которое мои маги исполнят. Да, и не забудь про любителя зоопарков. У меня для него будет припасено нечто особенное. – Последние слова сопровождала нехорошая улыбка, здорово смахивающая на оскал гиены.

Но когда Фромп повернул голову к сидящей рядом принцессе, его лицо выглядело безмятежно спокойным.

– Пойдем, милая. Нам пора, – ласково произнес этот страшный двуличный человек.

Будущая невеста обиженно надула красивые губки и, словно капризный ребенок, не получивший в подарок игрушку, спросила:

– Разве мы не останемся посмотреть, чем все закончится?

– Все и так уже закончилось, – ответил король, занятый своими черными мыслями. – Теперь нас ждет пир во дворце и... Впрочем, не будем до поры до времени раскрывать карты, я хочу сделать тебе маленький сюрприз.

Глашатай уже объявил собравшимся зрителям волю их «лучезарного монарха», поэтому Фромп встал со своего кресла и, помахав на прощание рукой, с достоинством удалился в сопровождении многочисленной свиты.

«У меня тоже есть для тебя сюрприз, дорогой, – подумала та, что выглядела как молодая красивая девушка, а на самом деле была намного старше своего будущего супруга. – Но, как ты правильно выразился, до поры до времени не стоит раскрывать карты. Самая большая и интересная игра еще не началась...»

Глава 2

Слухи всегда разносятся с невероятной скоростью и обрастают такими немислимыми подробностями, что зачастую становится непонятно, есть ли во всей этой чудовищной мешанине лжи и нелепых домыслов хотя бы крупинка правды.

Не прошло и получаса после окончания поединка на «Арене искупления», как подавляющее большинство жителей столицы и окрестностей были свято уверены в том, что:

А) Трое смельчаков изрубили в куски сотню огромных демонов. Причем рубили до тех самых пор, пока не сломались мечи, а затем рвали адских созданий на части голыми руками.

Б) Таинственный незнакомец, оказавшийся принцем, был настолько прекрасен и неотразим, что невеста короля, забыв о всех приличиях и чести, бросилась в его страстные объятия и...

Дальше шли различные варианты, но даже у самых завязатых лгунов не хватило фантазии описать сцену неистового секса на глазах стотысячной толпы. Так что в «официальной версии» были только «страстные объятия». А дальше уже каждый мог найти или дорисовать в своем порочном воображении все, что угодно.

В) Король лишился всего королевства и отрекся от престола. На прощание решил устроить грандиозный пир во

дворце, а затем постричься в монахи и пойти просить милостыню на большую дорогу.

Г) Молодой человек, вождь могучего племени варваров, поспорил с королем на сто миллионов и выиграл пари. После чего начал раскидывать деньги направо и налево, так что каждый из зрителей набрал столько золота, сколько смог унести. Наконец, устав швыряться деньгами, он объявил что выкупает Тельминские пустоши (пригород столицы), сделав их заповедником для самых ужасных и диких монстров из всех измерений. Никто не понимал, зачем ему это понадобилось и как скажется на жизни города столь близкое соседство многомиллионного мегаполиса с заповедником для чудовищ (и будут ли эти самые чудовища периодически навещать к горожанам), но варвары – народ особый. Поэтому до поры до времени (во избежание паники среди населения и падения цен на недвижимость) на этой пикантной новости старались не акцентировать внимания.

Д) Ходили также смутные домыслы о снижении налогов и неминуемом нашествии гигантских треххвостых крыс. Но если в приближение хищных орд грызунов-мутантов еще с натяжкой верили, то снижение налогов считалось нонсенсом, о котором и упоминать-то в приличном обществе не пристало.

В общем, много слухов и сплетен возникло сразу же после окончания битвы, вошедшей в историю королевства. Но одно оставалось бесспорным: «Арена искупления» явила миру

удивительное чудо в лице трех героев, сумевших выйти живыми из поединка с непередаваемо ужасными тварями.

Ну а что же сами герои?

Они-то как раз чувствовали себя совсем не так хорошо, как могло показаться со стороны. Выбраться живыми с арены было только половиной дела. Главная опасность подстерегала их под крышей дворца «гостеприимного и милостивого» Фромпа, жестокого и алчного злодея, никогда не прощавшего нанесенных ему обид...

Ворота гладиаторского колизея с противным скрежетом затворились, ознаменовав окончание кровавой резни...

И начало дворцовых интриг и тайных козней, которые зачастую оказываются намного опаснее, нежели открытое противостояние.

* * *

Как самым почетным и дорогим гостям, нам были отведены роскошные апартаменты в королевском дворце. Пышность убранства пяти огромных комнат не шла ни в какое сравнение с тем, что я когда-либо видел прежде (в телесериалах из жизни королей). Либо бюджет Фромпа намного выше, чем у всех, вместе взятых, киностудий в моем мире, либо...

Либо этот безжалостный кровосос выжимает последние соки из своих несчастных подданных, пируя на костях трудового народа.

Впрочем, проблемы угнетенных трудящихся меня волновали меньше всего. Гораздо больше тревожила судьба трех славных героев, одним из которых по глупой случайности оказался ваш покорный слуга.

Судя по мрачному виду Билли, его тоже одолевала тревога. И только Компот (не иначе как растерявший остатки мозгов во время многочисленных испытаний, выпавших на его долю) выглядел совершенно счастливым.

– Жизнь удалась! – радостно потирая руки, воскликнул старик, как только мы переступили порог королевских апартаментов. – Без всякого сомнения, жизнь удалась! – повторил он, буквально лучась от счастья.

– Ты имеешь в виду нашу победу на арене или что-нибудь другое? – устало поинтересовался толстяк, грузно опускаясь в роскошное кресло.

– Ах, какая может быть арена? – небрежно взмахнул рукой колдун. Он сказал это с таким видом, будто речь шла не о кровавой мясорубке, чуть было не засосавшей нас в свое ненасытное жерло, а о какой-нибудь сущей безделице. – Арена здесь совершенно ни при чем. Мы выиграли полкоролевства! Вы хоть понимаете, что значит выиграть *половину королевства*?

– Да понимаем, – вяло откликнулся я, безуспешно пы-

таясь забыть о своем несчастном сломанном носе и тупой непроходящей боли, вгрызающейся в мозг. – Это означает стать счастливым обладателем бескрайней пустыни Стумпс и быть похороненным (хорошо, если не заживо) в своей родовой земле. То есть в этих же самых песках.

– Ерунда! – Компот находился в том состоянии нездоровой эйфории, когда на человека совершенно не действуют доводы рассудка. – Будь я обладателем хотя бы сотой части таких огромных земель, то уже одно только это сделало бы меня толстосумом. А у нас имеется половина королевства на троих! Мы невообразимо богаты!

Мы с Билли обменялись мрачными понимающими взглядами и, не сказав вслух ни единого слова, пришли к одинаковым выводам: «Сейчас не самое подходящее время открывать старику глаза на суровую правду жизни. Быть может, это наш последний вечер. И если Компот вдруг решил, что его жизнь удалась и все замечательно, то пусть и дальше пребывает в этом заблуждении. К тому же на предстоящем пире нам придется лучиться оптимизмом и радостью (чтобы не выказать страха), поэтому нездоровое ликование Компота оказалось как нельзя более кстати.

– Н-да... Жизнь действительно удалась, – не слишком уверенно протянул я, безуспешно пытаясь вдохнуть в свои похоронные интонации хотя бы каплю веселья. – Мы и правда настолько богаты, насколько это вообще можно представить.

– Ну вот видишь, мой мальчик, – глаза старика сияли, словно бриллианты, – ты наконец-то прозрел.

Он был настолько воодушевлен, что от прилива чувств чуть было не потрепал меня по щеке. Но вовремя был остановлен упреждающим голосом Билли:

– Этого мальчика зовут принц Рентал, и он является нашим господином, так что не забывайся, выживший из ума колдун.

Глаза толстяка очень красноречиво указали на дверь и на стены. Он недвусмысленно намекал, что вокруг может быть масса подслушивающих и подглядывающих слуг Фромпа.

Но колдун находился не в том состоянии, чтобы принимать во внимание такие несущественные мелочи.

– Мой господин? – истерично взвизгнул старик, мгновенно переходя из состояния возвышенной радости к низменному гневу. – Ты сказал «мой господин»? – Его уши отказывались верить такой чудовищной лжи.

«Заткни старого маразматика, пока не поздно», – хотел было попросить я Билли, но не успел.

И без моих слов толстяк понял, что для общего блага нужно временно нейтрализовать взбалмошного колдуна. Тяжелая рука воина легла на высохшее от старости плечо колдуна, а вторая слегка сдавила худое горло.

– Как преданный друг и телохранитель принца, я не позволю никому разговаривать в подобном тоне с моим господином, – предупредил Билли.

При этом в его голосе слышалось столько напора и внутренней силы, что ни у кого из присутствующих (и подслушивающих) не осталось даже капли сомнения: если старик не сбавит развязный тон хотя бы на пол-оборота, его шея будет сломана самым немилосердным образом.

– Мы поняли друг друга? – спросил новоявленный телохранитель после непродолжительной паузы.

Вероятно, отсутствие кислорода самым положительным образом сказывалось на мыслительных процессах истеричного колдуна. Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что он так быстро и практически без борьбы согласился.

– Прекрасно, – кивнул Билли, удовлетворенный результатами своего вмешательства. – Раз мы разобрались с вопросами субординации, давайте поговорим о...

Но о чем именно хотел поговорить толстяк, так и осталось неясным, так как одновременно с последними словами моего телохранителя двери покоев отворились и на пороге возник посланец короля.

«Интересно, Фромп специально подбирает себе персонал с такой отталкивающей внешностью или подлецы и негодяи всех мастей слетаются к его двору, словно пчелы на мед?» – устало подумал я.

– *Скорее второе*, – радостно откликнулось мое подсознание, должно быть устав от слегка затянувшегося молчания. – *Но не исключено, что...*

– *Заткнись*, – предельно жестко ответил я.

Если на корню не пресечь все эти идиотские разговоры, можно сойти с ума, не дожидаясь момента, когда подлый Фромп сотворит с моим телом какую-нибудь отвратительную гадость. Разумеется, я не горел желанием узнать, какую именно гадость придумает мерзкий король, но и сходить с ума (преждевременно) тоже не хотелось.

– *Ты еще пожалеешь о своей грубости,* – надрывно-фальшиво простонал внутренний голос, но все-таки замолчал.

– Честь и слава великим героям! – с самого порога воскликнул посланец короля, широко расставив в стороны руки, как будто намеревался обнять всю нашу компанию.

– Приветствуем гонца лучезарного и солнце-подобного монарха! – с не меньшим энтузиазмом отозвался Билли, как будто все время только и ждал этой встречи.

А затем с удивительной резвостью подбежал к неожиданному гостю и стиснул его в своих богатырских объятиях.

– Еще немного – и наш темпераментный друг выдавит из несчастного все внутренности, – поделился я ценным наблюдением с Компотом.

– Глупо было бы ожидать чего-нибудь другого от человека с повадками мясника, – хрипло отозвался колдун, чье горло еще не отошло от недавней экзекуции.

«По... мо... ги... те!» – зывали о помощи глаза посланца короля.

При этом его лицо побагровело, а ноги, оторванные от пола, судорожно подергивались.

На фоне столь brutальной сцены мое замечание насчет выдвинутых внутренних не казалось художественным преувеличением.

– Билли, я уверен, наш гость уже понял, насколько мы воодушевлены его приходом, – мягко сказал я, положив руку на плечо не в меру расшалившегося телохранителя. – Отпусти его – и давай послушаем, что нам хотели сообщить.

Было очевидно, что толстяк с трудом удержался от желания расплющить слугу ненавистного Фромпа, но все же в конечном итоге здравый смысл возобладал.

– Конечно, давай послушаем! – фальшиво-радостно воскликнул он, разжимая стальные объятия. – Я всегда рад послушать интересного и умного человека!

Но сам «интересный и умный человек» в данный момент времени находился не в том состоянии, чтобы рассказывать какие-либо истории.

Он лежал на полу, судорожно хватая воздух широко раскрытым ртом, и было очевидно – его самым горячим желанием было оказаться как можно дальше от безумных героев.

– Мой принц, могу ли я помочь встать нашему гостю? – почтительно обратился ко мне Билли, видимо задумавший какую-то очередную невинную проказу.

– Полагаю, он справится и без нашей помощи, – подчеркнуто медленно ответил я.

После чего бросил достаточно красноречивый взгляд на посланца короля, чтобы тот понял – для собственной же без-

опасности нужно как можно скорее принять вертикальное положение.

Может быть, Фромпа сплошь и рядом окружали одни только подлецы и негодяи, но это были умные негодяи. Лежащий на полу человек правильно истолковал мой взгляд. И даже несмотря на то, что чувствовал себя словно выжатый лимон, поспешил встать на ноги.

Впрочем, на этом его потрясения не кончились.

– Мой друг! – патетически воскликнул Компот. – Мне больно видеть, как бесцеремонно обошелся с вами этот грубиян, поэтому давайте я помогу вам.

И, не дожидаясь согласия, шагнул навстречу несчастному посланцу, вытянув вперед свои худые, костлявые руки.

В этом простом жесте доброй воли не было бы ничего угрожающего, если забыть о том, что пару часов назад старик играючи разделался со стаей кровожадных грегсов.

«Ней-Лан» – вспомнил я о древнем боевом искусстве, с помощью которого наш престарелый товарищ превратил в фарш орды коварных чудовищ. Похоже, одновременно та же мысль пришла на ум и Билли.

– Ней-Лан! – весело закричал толстяк. – Покажи-ка нам, старая развалина, на что ты способен!

Этот задорный крик оказался последней каплей, уже окончательно добившей посланца Фромпа. Его зрачки закатились, голова запрокинулась, и подогнувшиеся колени увлекли бесчувственное тело на пол.

– Слабак! – презрительно махнул рукой Билли, вновь опускаясь в кресло. – Доверенное лицо короля, а нервы ни к черту. Пугается собственной тени и падает в обморок, словно девчонка, при первом же легком порыве ветра.

– Легком порыве ветра... – задумчиво повторил я и, несмотря на то что в комнатах было достаточно тепло, зябко поежился.

«Легкий порыв ветра» был напрямую связан с древним искусством Ней-Лан, о котором Компот совершенно ничего не знал – до тех самых пор, пока не заглянул за Пальтилойскую грань и не вернулся оттуда, притащив с собой в наш мир...

Что-то очень нехорошее. Нечто такое, о чем лучше забыть и никогда не думать, как будто этого вообще не существовало. И то, что загадочное создание проявляло себя достаточно редко (пока – только один раз, в битве с грегсами), ровным счетом ничего не значило. В любой момент тело колдуна может развалиться на части, и оттуда выползет нечто ужасное.

Брр...

От подобных мыслей я зябко поежился, неожиданно почувствовав, что порыв холодного ветра оказался самым что ни на есть настоящим.

«Откуда здесь взяться ветру?» – хотел было спросить я, но не успел.

Дальняя стена комнаты взорвалась фонтаном осколков и камней, а в образовавшуюся брешь ввалился огромный ка-

менный голем. Чудовище, покрытое пылью и осколками битого кирпича, сделало два шага вперед, после чего застыло на месте, будто размышляя, какие действия следует предпринять дальше.

Если бы этот монстр действительно мог думать, то подобная задержка не выглядела бы столь откровенно пугающей. Но всем известно, что каменные големы думать не могут, так как являются марионетками в руках опытного колдуна. И раз наш незваный гость остановился, значит...

Довести мысль до логического завершения опять не удалось, потому что за спиной голема появилась черная клякса, стремительно увеличивающаяся в размерах.

– Нечто подобное мы уже видели однажды. В ванной, – ожил внутренний голос, – когда выживший из ума колдун прорубил межпространственный тоннель между измерениями, похитив нас из...

Черная клякса набухла и раздулась, словно гигантский нефтяной пузырь, а затем лопнула, выбросив наружу несколько отвратительных низкорослых созданий.

– Спасайся кто может! – истерично взвизгнул Компот, рухнув плашмя на распростертое на полу тело королевского посланника.

«Фромп мог бы убить нас и менее экзотическим способом», – мелькнула испуганная мысль, а в следующий момент я тоже падал на пол, сбитый с ног мощной подсечкой.

Краем глаза я успел заметить, как Билли рывком выбра-

сывает свое грузное тело из кресла и прыгает в сторону, а затем...

Начался увлекательный и захватывающий абордаж в лучших традициях низкосортных фильмов про пиратов Карибского моря.

* * *

Гарха разрубили на части, оставив гнить в чистом поле⁴. Причем в данном случае выражение «гнить» подходило как нельзя более точно. Пропитанная трупным ядом плоть полусмертного не могла быть съедена падальщиками, поэтому ей не оставалось ничего иного, как лежать и медленно разлагаться под лучами палящего солнца. Может, в этом состоянии не было бы ничего страшного, если бы вместе с плотью не гнили мозги медленно, но верно сходящего с ума Гарха...

Полусмертного нельзя убить при помощи одного только холодного оружия, но трое толденов и не ставили перед собой подобной задачи. Их вполне устроило то, что телохранитель выбыл из большой игры, главным призом которой являлся юноша, несущий в себе «Растворитель миров».

По большому счету команда преследователей вообще не

---

⁴ Описываемые события происходили во второй книге цикла «Империя неудачников» – «Принц фальшивых героев».

стала бы связываться с этим поразительно живучим созданием, но оставлять у себя за спиной потенциального врага было не в правилах воинов тени.

Три грациозные фигуры вытащили из ножен клинки и разошлись в разные стороны. В отточенных движениях не чувствовалось излишней спешки и ненужной суеты. Они были профессионалами – практически совершенными воинами, поэтому предстоящий поединок воспринимали совершенно спокойно.

Их противник также не выказывал признаков беспокойства в ожидании неизбежной атаки. У него не было иллюзий насчет исхода противостояния, но имелись определенные надежды на то, что удастся достойно проиграть. При другом раскладе Гарх мог бы даже попытаться выиграть. Ему не раз и не два удавалось ввести в заблуждение противников, а затем уничтожить. Но сейчас был явно не тот случай. Враги прекрасно знали о сильных и слабых сторонах друг друга, и решающим фактором было именно численное превосходство нападавших.

Трое толденов заняли вершины классического равнобедренного треугольника, в центре которого находилась одинокая точка – их жертва. Выйдя на исходную позицию атаки, они неожиданно остановились. Может быть, задержка являлась частью древнего ритуала или служила данью уважения смелости противника. Но как бы там ни было, воины просто-таки застывшими изваяниями в течение пары секунд, после

чего практически синхронно начали сокращать расстояние до жертвы.

Гарх не стал суетливо озираться, пытаясь отбить нападение со спины. Толдены были слишком хорошими воинами, чтобы позволить жертве отражать атаки одновременно с трех сторон. Нет. У зажатого в тиски полусмертного был единственный шанс – уничтожить противника, идущего в лобовую атаку, до того момента, как двое остальных разделяются с ним.

Медлить было нельзя, поэтому Гарх сделал первый ход. Тихо прошелестев, рассекло воздух лезвие клинка всадника Апокалипсиса⁵, устремившееся к намеченной жертве. Но вместо того, чтобы пронзить тело врага, ударило в пустоту. Там, где мгновение назад находился воин тени, сейчас осталась только его тень, а сам он, сделав короткий шаг в сторону, оказался в безопасности. И уже в следующую секунду атаковал – легко, как будто играючи взмахнул мечом, намереваясь отрубить голову противника. Будь он чуть поточнее, а Гарх немного медленнее – и поединок закончился бы досрочно. Но толден не рассчитал, и поэтому, вместо того чтобы попасть в шею, лезвие меча скользнуло по голове, которая была надежно защищена⁶.

---

⁵ Этот клинок трансплантировал Гарху вместо отрубленной руки чернокнижник Антопц в ходе подготовки к миссии.

⁶ Антопц, отрубив голову Гарха, покрыл ее защитной пленкой, не позволяющей трупному яду, циркулирующему в теле, проникать в мозг. Эта же пленка являлась надежной защитой против холодного оружия. Но корпус полусмертно-

Клинок срикошетил от черепа Гарха и, врезавшись в плечо, глубоко вошел в вязкую неживую плоть. Если бы толден выпустил из рук свое оружие, оставив его в теле обреченного врага, то наверняка бы остался жить. Но воин, оставляющий свое древнее оружие ради того, чтобы спастись, – не воин, а всего лишь жалкое его подобие.

Стремительный рывок сильной руки – и вот уже меч, испачканный в отвратительной слизи, взметнулся вверх, разбрызгивая черные капли. Древнее оружие в последний раз салютовало своему хозяину за то, что тот не предал его и...

Два одновременных удара с разных сторон отсекали ноги полусмертного от туловища. А низвергнутый с Олимпа титан или, точнее, пропитанное трупным ядом чудовище падало вперед на треть укороченным.

Для того чтобы достичь цели, каждый из нападавших сделал стремительный выпад, сместив тяжесть своего тела на согнутую в колене ногу...

Если бы время могло остановиться, то оно запечатлело бы все тот же прекрасный треугольник: два вытянувшихся в струну тела по бокам, отвратительный обрубок посередине и взметнувшийся вверх меч, являющийся вершиной – на этот раз пирамиды.

Картина выглядела практически совершенной, но время не способно застыть ледяной каплей вечности, а значит, красота остановившегося мгновения рано или поздно разобьет-

ся на мелкие осколки.

Уже падая вперед, Гарх легко, словно талантливый художник, коснулся кистью-клинком живота своего противника. Легкий мазок – и незаконченная картина расцвела новыми яркими красками...

Будь реакция толдена не такой быстрой, его тело сразу же развалилось бы напополам. Но в самый последний момент он успел слегка отклониться, поэтому «всего лишь» получил глубокое проникающее ранение. Впрочем, и оно не оставляло ни единого шанса на спасение.

Ярко-красная кровь выплеснулась наружу веером мелких брызг, и то, что еще секунду назад казалось безусловной победой, неожиданно обернулось абсолютным поражением.

Воин тени отдавал себе отчет в том, что рана смертельна, а в песочных часах Судьбы осталось всего несколько крупинок-секунд, отделяющих жизнь от последнего рокового мгновения.

Обычный человек в такой ситуации наверняка бы попытался зажать рану и закричал от страшной боли, огненными клешнями разрывающей внутренности. Или же упал бы на землю, забившись в конвульсиях.

Но толден не был обычным человеком и поэтому продолжал стоять, взметнув оружие к небу – туда, где, по преданию, находится последнее пристанище всех настоящих мужчин. А в том, что он был настоящим мужчиной, не сомневался никто.

Все душевные и физические силы умирающего бойца устремились вверх – к острию древнего меча, перешедшего к нему по наследству. И как ни странно, этот последний, отчаянный бросок к небесам увенчался успехом. По обжигающе холодной поверхности лезвия пробежала слабая искра, и когда она достигла самого острия клинка, то взорвалась ослепительной звездой, поглотившей в своих недрах сознание еще одного великого воина. Он упал, так и не выпустив оружие из рук, и умер счастливым.

Однако его убийца тоже не долго радовался победе. Лишившись ног, укороченный обрубок не смог ничего противопоставить двум искусным бойцам. Разумеется, Гарх попытался ударить мечом ближайшего толдена, но тот легко увернулся от выпада. Второй воин в это же время сильным и точным ударом отрубил голову распластанному на земле противнику. Но, не ограничившись этим, коротко разбежался и со всей силы пнул страшный обрубок.

Этот поступок был продиктован не злостью или ненавистью, а обычным расчетом. Толден знал, что не может убить полусмертного, поэтому сделал все возможное, чтобы чудовище не регенерировало.

Никто не сможет найти одинокую голову посреди бескрайней степи, а это значит, что рано или поздно мозги этого ужасного создания сварятся вкрутую или элементарно высохнут.

Если бы толден знал, что в распоряжении Гарха совсем

нет времени по той простой причине, что в голове циркулирует неочищенная кровь, то был бы полностью удовлетворен. Но даже и без этого можно было считать, что возмездие совершено и павший товарищ отомщен. Убийца одного из воинов тени будет долго и мучительно умирать, не раз и не два пожалев о содеянном.

«.....!» – подумала голова Гарха сразу же после того, как приземлилась на землю после впечатляюще долгого полета.

– ..... толдены! – выругалась она уже вслух.

А затем в недрах ее большого сознания родилось такое чудовищное ругательство, что ей стало не по себе.

– Я этого не говорил и даже не думал! – хрипло произнесла голова и без всякого перехода продолжила: – Я отомщу! Жестоко и беспощадно отомщу всем толденам, как только смогу. Эти ублюдки еще пожалеют, что связались со мной!

Отрубленная голова еще долго сыпала ругательствами и проклятиями, обещая жестокое возмездие, но воины тени были уже далеко. Поэтому никто, кроме равнодушных небес, не мог слышать ее криков. А небесам было совершенно неинтересно слушать безумную, ни на что не способную голову.

Все равно этот обрубок не смог бы претворить свои угрозы в жизнь. У крошечного бумажного кораблика, затерянного среди необъятных просторов океана, намного больше шансов оказаться подобранным каким-нибудь случайным кораблем, чем у безумной головы.

В эти бесплодные степи никогда не забредали даже кочевники, не говоря уже о более цивилизованных путниках. Максимум, на что было способно это говорящее недоразумение — проболтать неделю или две. После чего безжалостное солнце сделает то, чего не смогли толдены со своим хваленым оружием. Нет, определенно судьба головы была предрешена и потому не вызывала у небес абсолютно никакого интереса.

Глава 3

Пол королевских покоев тряхнуло так сильно, будто наши комнаты вдруг оказались в эпицентре землетрясения. Если бы я уже не лежал, то наверняка бы упал.

– Проклятье! – Мое отчаяние вылилось в дикий крик. – Нет нигде мне покоя!

Насчет покоя это было очень верно подмечено. Абордажные крючья, полетевшие вслед за появлением голема, явно указывали на то, что «морские дьяволы» настроены более чем решительно. И не успокоятся до тех пор, пока не пережуют глотки команде торгового судна, то бишь нам, не перекачают содержимое трюмов в отсеки своего корабля и не утопят хлипкое суденышко к чертям собачьим. А если быть до конца точным – к морским чертям.

Хотя в сложившейся ситуации что морские, что собачьи – роли не играло. Главное, что нападение оказалось внезапным, хорошо подготовленным и прекрасно спланированным. Остальные детали можно было уточнить позже – при условии, что в живых останется хоть кто-нибудь, способный на уточнение этих самых деталей.

Если на ограниченном пространстве начинается дикая резня, то лучше отползти куда-нибудь в сторону – чтобы элементарно не быть затоптанным. Этот нехитрый урок я усвоил во время своих «романтических странствий» по кошмар-

ному Глову. И сейчас в очередной раз применил его на практике.

Извиваясь ужом, я умудрился доползти до стены – и только тогда, в более или менее спокойной обстановке, смог оценить масштабы сражения.

Ну что я могу сказать... Масштабы, как обычно, были впечатляющими. Видимо, голема вызвали или сотворили в комнате, расположенной рядом с нашими апартаментами. Он проломил стену, а затем... Открылся портал, или черная дыра, или дверь между мирами, или что-то очень сильно напоминающее все перечисленное. И из этой самой дыры полетели канаты с абордажными крючьями. Каким-то непостижимым образом они цеплялись за голема и впускали в наш мир отвратительных вертких созданий, отдаленно напоминающих многоруких мохнатых обезьян.

Мысль о том, что подобная операция была произведена с ведома Фромпа, отпадала сразу же. Да, вне всякого сомнения, король с превеликим удовольствием разделался бы с нами при первом же удобном случае. Но наводнять собственный дворец выводком многоруких обезьян, крушащих все на своем пути... Простите, это было бы слишком даже для такого законченного негодяя, как Фромп. И если отбросить в сторону версию участия коронованного мерзавца, то оставалось только одно более или менее логичное объяснение всему этому хаосу: визжащие орды низкорослых монстров явно принадлежали какой-то третьей силе.

В чем именно провинилась наша компания и почему эта сила вознамерилась уничтожить трех славных героев, с огромным трудом выживших на пропитанном кровью песке «Арены искупления», оставалось только догадываться.

Хотя вряд ли мне стало бы легче, узнай я, за какие такие грехи нас собираются прирезать.

Только в глупом кино злодей, перед тем как убить главного героя, полчаса излагает ему свою мотивацию. В жизни все совсем не так. Никто не тратит время на болтовню. Короткий удар в сердце – и всё. Можешь разбираться сам (на небесах), за что и почему тебя убили...

Атака оказалась настолько стремительной, а количество нападающих столь велико, что они легко, практически не напрягаясь, могли выполнить задуманное.

У нас не было ни единого шанса спастись. Мы были обречены. Подавлены и разбиты. Моральный дух героев упал до нулевой отметки...

Можно еще долго нагнетать напряжение, описывая наше незавидное положение, но я не стану этого делать. По той простой причине, что к нам на помощь пришли шестеро супергероев. Или прекраснотеликих ангелов во главе с женщиной-воином потрясающей красоты, или...

А впрочем, когда на вас набрасывается визжащая орда отвратительных тварей, вы легко идеализируете своих защитников.

Однако мне не понадобилось слишком много времени для

того, чтобы разочароваться в «ангелах». Во-первых, они оказались не такими уж прекрасноликими, а во-вторых, могли преследовать точно такие же цели, как и орда низкорослых чудовищ. Совершенно дикая мысль, что противоборствующие стороны бьются за право обладания нашими скальпами, при более тщательном анализе выглядела не такой уж и дикой. Пожалуй, именно это и было страшнее всего – осознать, что два хищника дерутся за право обладания несчастной жертвой.

А чтобы подогреть интерес публики к кровавому поединку, организаторы очередного кровавого шоу пригласили на роль жертв любимцев сцены, суперзвезд первой величины, славных героев и т. д. и т. п. В общем, для тех, кто не еще понял, объясняю: в роли жертв, как обычно, выступали я, Билли и Компот.

Мы уже успели снять доспехи и сложить оружие в соседней комнате, поэтому в момент внезапной атаки оказались совершенно беспомощными. Наверное, справедливости ради стоит отметить, что будь мы даже вооружены до зубов, это ничего бы не изменило: Численный перевес обезьян был подавляющим.

Но в отличие от трех жалких людей (нашей команды) шестеро «прекрасноликих» воинов напоминали несокрушимую скалу, о которую разбивались волны нападавших. Казалось, эту преграду невозможно сломить никакими атаками – многочисленные «пираты», выскакивающие из черных

недр межпространственного тоннеля, практически мгновенно разрубались на части более высокими и сильными противниками.

Эта резня (по-другому и не назовешь) продолжалась до тех пор, пока один из нападавших не совершил неожиданный маневр: вместо того чтобы броситься в лобовую атаку, он резко рванулся в сторону, высоко подпрыгнул, оттолкнулся от стены и, словно мячик, отскочивший от твердой поверхности, устремился к цели.

Не будь «прекрасноликий» воин занят тремя низкорослыми монстрами, атакующими его с фронта, то наверняка бы отбил и эту атаку. Но численный перевес нападавших наконец сказался, и рука оборонявшегося, метнувшись в сторону, опоздала на какую-то долю секунды.

Это промедление стоило ему жизни. Короткий меч, направленный в горло, пронзил ключицу, войдя глубоко в тело. Воин был уже мертв, но рука с клинком, направленным на убийцу, по инерции завершила начатую дугу и достигла цели, разрубив нападавшего пополам. Два фонтана крови – черный и темно-красный – смешались воедино, после чего ноги поверженного защитника подкосились и он повалился ничком в самую гущу атакующих. Тело еще не успело упасть, а кто-то из проворных врагов успел отрубить ему голову. Удар был настолько сильным, что отделенная от шеи голова взлетела высоко вверх, перевернулась несколько раз и, словно небрежно отпасованный футбольный мяч, покати-

лась по полу в мою сторону.

Не могу сказать, что я был чрезмерно напуган или шокирован. К счастью (или к несчастью), на Глове я достаточно насмотрелся на отрубленные части тел вообще и головы в частности. Поэтому успел более или менее привыкнуть к подобным зрелищам. К примеру, тот же Гарх с отрубленной головой (которую сначала основательно проварили в ужасной похлебке, а затем приклеили на какой-то суперволшебный клей) являлся вообще олицетворением ожившего кошмара. Что не мешало нам мило общаться.

Нет, могу заявить совершенно авторитетно, простые отрубленные головы меня уже не смущали. Вся беда заключалась в том, что именно эта голова не была простой. Правая половина лица принадлежала красивому мужчине, а левая...

Левая являлась ужасным слепком какого-то невообразимого монстра. Убитый носил длинные волосы на прямой пробор, что позволяло ему закрывать половину лица. Таким образом, в зависимости от настроения он мог выглядеть как прекрасный воин или же как ужасное чудовище.

Однако это еще далеко не все. Пожалуй, самое неприятное заключалось в том, что у него была черная кровь. И это наталкивало на чрезвычайно грустные мысли, от которых становилось совсем уж не по себе.

Даже на просторах ужасного Глова я не видел никого с черной кровью. Хотя там водились крайне отвратительные существа, один только вид которых мог вогнать в священный

трепет даже человека с крепкой психикой. Но такого зловещего цвета крови мне там не встречалось.

– *Не скажу, что обезьяны-пираты мне очень нравятся, – робко заметил внутренний голос, – но элю двуликое существо не вписывается вообще ни в какие рамки.*

– *Ты предлагаешь сменить фаворитов?*

– *В каком смысле?*

– *В прямом. Сначала мы считали, что «прекрасноликие ангелы» – наши защитники, и поэтому искренне желали им победы. А в свете последних открытий...*

Я еще плотнее вжался в стену, пытаюсь отодвинуться от лужи крови, растекающейся по полу.

– *В свете последних событий мне кажется, что дрессированные обезьяны могут оказаться не такими уж плохими, – заявил внутренний голос.*

– *Не знаю, на что ты надеялся, но лично я сразу понял – в этом «заповеднике монстров» нет плохих и хороших по той простой причине, что здесь плохие абсолютно все.*

Пока я подавленно размышлял о том, что в очередной раз оказался между молотом и наковальней, левый фланг защитников подвергся успешной атаке, в результате которой монолитные ряды обороняющихся сократились еще на одного воина.

Понятия не имею, сражались обезьяны за меня или против, но их чрезмерная жестокость внушала серьезные опасения. Можно просто убить врага, отрубив ему голову, но ко-

гда бездыханное тело расчленяется на части...

Это свидетельствует о том, что мозги злобных существ поражены коррозией безумия. Либо таким оригинальным способом они пытаются вселить ужас в сердца противников. Но какими бы соображениями ни руководствовались зловещие обезьяны, ничего хорошего от них ждать не приходилось.

Да и вообще, по большому счету нужно было как можно скорее покинуть место сражения. Жаль только, что эту блестящую идею не представлялось возможным претворить в жизнь. Как уже было сказано, отведенные нам покои состояли из пяти комнат. Зал, где разворачивались драматические события, являлся самым большим помещением, своеобразной приемной, соединяющейся небольшим коридором с остальными комнатами. И вот на месте этого самого коридора зияла вторая черная клякса – портал, через который пришли в наше измерение двуликие воины.

Правда, существовала еще входная дверь. Но, во-первых, в непосредственной близости от нее бушевали нешуточные страсти (кого-то постоянно разрубали на куски), во-вторых, она открывалась внутрь, а в-третьих, проход загромождал Компот, малодушно закрывшийся телом бесчувственного посланца Фромпа. И, судя по неважному виду колдуна, он явно не собирался демонстрировать нам чудеса древнего искусства Ней-Лан. Или искусство действовало исключительно на крокодилов-грегсов и ни на кого более, или старик задумал уйти на покой, решив, что достаточно сегодня пораз-

влекал публику, а теперь нужно предоставить шанс проявить себя более молодым и отважным героям.

Но молодые герои тоже не спешили вступить в бой. Осторожный Билли прислонился к стене напротив меня. Правда, в отличие от нас с Компотом он не лежал, а стоял, готовый в любую минуту отразить возможное нападение. При этом его руки сжимали рукояти коротких клинков – очевидно, он озаботился подобрать оружие поверженных «обезьян». В общем, воин остается воином в любой ситуации. А выжившие из ума колдуны и псевдопринцы, как обычно, щемятся по углам, словно трусливые крысы.

– Я бы попросил не оскорблять меня подобными сравнениями, – обиженно отозвалось мое ненормальное подсознание.

– А я бы попросил тебя умерить свои амбиции и замолчать хотя бы до тех пор, пока все это не кончится.

– После того как это кончится, мы можем замолчать уже навсегда, так что я хотел бы высказаться, пока еще не поздно.

– Ты уже высказался, и я принял к сведению твою позицию.

– Нет, я еще...

В этот момент обороняющиеся ангелы-демоны потеряли еще одного бойца. Хотя если быть до конца точным, то не совсем потеряли – ему лишь перерезали сухожилия на ноге и он упал на одно колено, продолжая отбиваться даже в

такой неудобной позиции. Но всем, включая и самого раненого, было предельно ясно – эта агония не может продлиться долго. После того как число воинов сократится до трех, у них не останется не единого шанса избежать окружения.

Мои мысли в панике заметались, ища выхода из совершенно безвыходной ситуации. Но единственно возможным вариантом при подобном раскладе было нырнуть в темное чрево портала, из которого пришли создания, в чьих жилах текла черная кровь

Может быть, в конечном итоге я именно так бы и поступил, но воплотить в жизнь этот безумный план не удалось.

Раздался резкий гортанный крик – и в следующее мгновение воин с перерезанным сухожилием резко оттолкнулся здоровой ногой, бросив свое тело назад. Во время полета с него каким-то непостижимым образом слетели доспехи, но это было еще не самое удивительное.

Девушка-демон, являющаяся предводителем небольшого отряда, также отпрыгнула назад, а двое оставшихся бойцов шагнули вперед, в самую гущу визжащего яростного клубка, состоящего из множества тел. Это было явное самоубийство, причины которого я понял чуть позже. Но в эти мгновения меня поразило даже не безрассудное самопожертвование двоих воинов, а то, что отскочившая назад девушка со всего размаха ударила локтем своего раненого товарища в область груди. Удар был настолько мощным, что пробил грудную клетку несчастного, после чего изящная рука погру-

зилась внутри забившегося в предсмертной агонии тела.

Девушка стояла на коленях, опустив голову, как будто прислушиваясь к последним затухающим ударам сердца, и я видел человеческую половину ее лица. Это было настолько завораживающе прекрасное создание, что на какое-то мгновение я даже перестал дышать, совершенно забыв обо всем на свете.

Но очарование момента разрушилось, уступив место беспощадно жестокой реальности.

Хладнокровная убийца резко повернула голову, так что мне стала видна другая половина ее лица. А затем выбросила вверх руку (вторая по-прежнему оставалась в теле несчастного), издав еще один длинный гортанный крик.

Именно после того, как я увидел ее демоническую сущность, я, наверное, впервые в жизни в полной мере осознал смысл выражения «кровь застыла в жилах». Может быть, в этом был виноват чудовищный контраст во внешнем облике, или ситуация, мягко говоря, складывалась не совсем удачно. Но как бы там ни было, я вдруг превратился в замерзшую бесчувственную сосульку, не способную даже пошевелиться, не говоря уже о чем-то другом.

Хотя, может быть, это было и к лучшему. То, что произошло вслед за тем, как женщина-демон закричала, лучше было вообще не видеть. Или, на худой конец, лицезреть именно в таком полузамороженном-полузаторможенном состоянии.

Сначала с руки, а затем и с обезображенной части лица

начала осыпаться плоть. Создавалось впечатление, что ее туловище состоит из мелкой пыли или песка. Корпус был защищен доспехами, поэтому я не мог с уверенностью сказать – коснулось ли разрушение только руки и лица или же всего тела. Впрочем, лично мне хватило и того, что рука и половина черепа потеряли всю свою плоть до самых костей...

Зловещего чернокнижника Антопца можно было назвать олицетворением древнего зла, но при этом он имел какой-никакой внешний облик – пусть ужасный, но все же облик. Что позволяло мне хоть как-то удерживать в узде свой непередаваемый ужас во время наших непродолжительных встреч.

Однако в данном случае перед моими глазами предстало не древнее зло, а скорее наглядное олицетворение смерти. И я очень пожалел о том, что оказался в ненужное время в ненужном месте и увидел весь этот кошмар воочию.

Впоследствии из объяснений Компота выяснилось, что обороняющаяся сторона использовала какое-то невероятно древнее заклинание, связанное с перекачкой жизненной силы. Именно поэтому обреченный на смерть воин позволил убить себя.

Но об этом я узнал позже, а сейчас просто лежал и смотрел, как женщина-демон сначала стремительно теряет свою плоть, а затем наращивает ее заново. Двое шагнувших вперед воинов пожертвовали собой, но выиграли необходимые для заклинания секунды.

После чего их предводительница попросту смела всех врагов.

Все выглядело так, будто наводящая порядок хозяйка смахнула крошки в совок, а затем выбросила весь мусор в ведро – и захлопнула крышку.

От горы наваленных трупов осталось несколько обезображенных тел, а портал, через который чудовища проникали в наш мир, бесследно исчез. Все завершилось настолько быстро, что даже не верилось – еще секунду назад помещение было наполнено болью и яростью бушующего сражения. Сейчас об этом напоминали только несколько кровавых ошметков и обильно залитый кровью пол.

Если бы в этот момент я мог говорить или думать, то наверняка выдавил бы из себя нечто наподобие: «Вау!!!»

Но ни говорить, ни думать я был не в состоянии, поэтому просто лежал и зачарованно смотрел, как женщина-демон обрастает плотью, встает, спокойно подходит к Билли и коротким, хлестким ударом клинка рассекает ему горло...

Затем поворачивается и идет к старику.

Словно зачарованный, я не мог оторвать от нее глаз, а в голове не было не то что испуга – абсолютно ничего. Даже слабого намека на какое-либо чувство или хотя бы самую простую мысль.

Мелькнула в воздухе молния-лезвие – и несчастный старик повторил судьбу мужественного Билли, а хладнокровная убийца направилась ко мне, чтобы разделаться с последним

ИЗ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ.

* * *

Нельзя сказать, что голова Гарха чувствовала себя плохо. Это было бы в корне неверно. Выражение «плохо себя чувствовать» обычно употребляется, если что-то не ладится или идет не так, как планировалось изначально. В данном же случае более уместным было определение «непередаваемо отвратительно». Потому что ни о каких глупых «ладится – не ладится» речь вообще не шла. И если бы несчастная голова могла грызть землю от ярости, то, скорее всего, нашла бы отдушину в этом увлекательном занятии. Но беда заключалась в том, что она лежала на затылке, и до земли ей зубами было не достать. Поэтому грызть было нечего, а дикое бешенство, затопившее пропитанные ядом мозги, могло свести с ума кого угодно.

Но даже и это было еще далеко не все. И без того безнадежную ситуацию усугубляло беспощадно палящее солнце, как будто решившее жестоко посмеяться над обреченным полусмертным.

Но полусмертному (точнее, его жалким останкам) было совсем не смешно. Может быть, именно поэтому первые два дня голова сходила с ума молча. Затем громко кричала и вы-

ла, потом опять замкнулась в себе. На пятый день пришло неожиданное просветление, и голова поняла, что если не хочет основательно прокоптиться, превратившись в некое подобие высохшей мумии, то нужно что-нибудь срочно предпринять.

Идея, вне всякого сомнения, была свежей и актуальной, но не более того. Так как лежащая на затылке голова не могла совершать никаких действий, то выхода из сложившейся ситуации не было.

Она еще немножко походила с ума, покричала и повывла, помечтала о том, как было бы расчудесно погрызть землю, а затем...

В момент очередного кратковременного просветления поняла, что обладает одной чрезвычайно ценной и полезной вещью. И называется эта прекрасная вещь – язык. А что, пожалуй, самое замечательное – этот язык находится внутри головы.

– Жизнь прекрасна и удивительна!!! – в неподдельном восторге вскричала несчастная голова и от полноты чувств прищелкнула языком.

Звук получился звонким и чистым, словно цокот копыт игривого жеребенка.

Мысли головы перескочили было на жеребят, кобыл, гордых жеребцов – и она даже на некоторое время забыла и про язык, и про все остальное, но, к счастью, опомнилась.

«Думай о языке, – строго-настрого приказала себе голо-

ва, – потому что только он может спасти тебя».

Но, как оказалось, это было достаточно трудно. Трупный яд, циркулирующий в голове, не способствовал концентрации, и ей с огромным трудом удавалось сохранить в своем нестабильном сознании образ языка-спасителя.

Может возникнуть вполне уместный вопрос: что же такого замечательного было в этом языке?

По большому счету – ничего. Это был обычный язык и не более того, но при всем при том у него имелось одно чрезвычайно ценное свойство – его можно было съесть. После того как зловещий некромант Антопц покрыл голову полусмертного Гарха защитной пленкой, все, что осталось у несчастного из прошлой жизни, – мозги и язык.

Но пожертвовать мозгами голова навряд ли бы согласилась, а вот рискнуть языком можно было смело. Хуже все равно бы уже не стало.

И как только решение окончательно оформилось в глубине сознания Гарха, он сразу же и вышел на охоту. Самую главную и захватывающую охоту всей своей жизни. Причем все, что от него требовалось, – открыть пасть и высунуть наружу язык, чтобы пожиратели падали слетелись на угощение.

Терпение и выдержка – главный залог успеха предстоящего мероприятия. Но когда проблески сознания бывают не чаще, чем слабый луч солнца, пробивающийся сквозь пелену, то ни о каком терпении и выдержке не может быть и речи...

Одинокий стервятник, опустившийся неподалеку, был полон решимости полакомиться изысканным деликатесом. Но, к несчастью, именно в этот момент голова вошла в фазу полного затмения и начала громко ругаться, выть и сыпать разного рода проклятиями.

Не то чтобы стервятник испугался этого всплеска эмоций. Нет. Он был старым и мудрым, поэтому знал, что отрубленные головы особого вреда причинить не способны. Они могут сколько угодно щелкать зубами и яриться, но это ни на что не влияет. Так как всегда можно зайти со стороны макушки и совершенно спокойно выклевать глаза. Именно этим стервятник и занялся... Полусмертный пришел в себя как раз оттого, что ему пытались выклевать глаза.

– О? .....!!! – в страшном гневе закричала голова, понимая что это уже слишком даже для ее дурацкого положения.

Многое повидавший в своей жизни стервятник, вне всякого сомнения, был по-своему умен, но даже ему понадобилось достаточно много времени, чтобы осознать: глаза этой странной головы не выклеваются.

Это противоречило всему его прежнему жизненному опыту, но факт оставался фактом – можно было скорее сломать себе клюв, чем выклевать эти сверкающие бешеной яростью глаза.

«Не судьба», – философски подумал стервятник и, тяжело захлопав огромными крыльями, грузно поднялся в воздух и отправился искать другую добычу.

– Не вышло! – злорадно расхохоталась голова. – *Не вышло!!!* – прокричала она вслед удаляющейся птице, ощущая себя победителем этого противостояния. – Не вышло... – еще раз повторила голова – и только после этого осознала, что стервятник улетел. А вместе с ним улетел и призрачный шанс на спасение.

«Не надо паниковать, – неожиданно спокойно подумала голова. – То, что одна птица улетела, еще не значит, что сюда не слетятся другие. В конце-то концов, это бесплодная степь, а не изобильный плодородный край. Так что волноваться нечего. Немного терпения – и все будет в порядке».

Но по прошествии получаса, не ознаменовавшегося появлением новых стервятников, в сознание головы, и без того нездоровое, начало закрадываться ужасное подозрение, что количество пожирателей падали жестко ограничено. И теперь никто больше не прилетит для того, чтобы отведать вкусного и сочного языка.

«Ничего в порядке уже не будет, – напряженно подумала голова, ощущая, как на нее неотвратимо накатывает очередной приступ дикого безумия. – Ничего в порядке уже не будет, потому что прямо сейчас меня сотрут в порошок».

Справедливости ради стоит отметить – она не ошиблась. На этот раз ее накрыла не какая-нибудь жалкая рябь помешательства, а огромная, страшная волна-цунами, сметающая и уничтожающая все на своем пути. Бороться с этой разрушительной стихией не представлялось возможным, поэтому ра-

зум несчастного Гарха в очередной раз был затянут в стремительный круговорот хаоса. Черную страшную воронку, откуда для простого смертного не было дороги назад.

Глава 4

У нее была удивительно легкая походка – словно у большой грациозной кошки. Когда к человеку приближается смерть, его чувства настолько обостряются, что он начинает слышать не только биение собственного сердца, но и струящуюся по венам кровь.

Впрочем, моя кровь была заморожена, а убийца двигалась настолько бесшумно, что я не слышал вообще ничего. Ни единого шороха. Как будто начисто оглох или попал в звукоизолированную комнату, надежно отгороженную от внешнего мира.

От этой чудовищной тишины можно было сойти с ума. Что наверняка бы и произошло, не вмешайся в дело мое больное подсознание.

– Я же говорил: после того как это закончится, мы можем замолчать уже навсегда, – с удовлетворением заявил внутренний голос.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла не о том, что прямо сейчас нам перережут горло, а о невинном пари по поводу праздничного пирога миссис Хендриксон, который окажется не таким замечательным, как в прошлом году...

Если бы у меня оставалось в запасе хоть немного времени, я наверняка бы взбесился. Но в планы женщины-демона не входило затягивать процедуру убийства, поэтому я не успел

среагировать на замечание своей второй половины.

Безжалостное лезвие метнулось к моей шее и...

И ровным счетом ничего не произошло.

Не было ни боли, ни смерти, ни...

– Кровь героев – нектар для богов, – произнесла эта странная женщина и секунду спустя продолжила: – Лепестки забвения принесут им покой.

Словно ребенок, выпускающий в небо божью коровку, она разжала кулак и дунула в раскрытую ладонь. Не могу ничего сказать насчет божьих коровок или каких-либо других насекомых, но мне было отлично видно, как три бледно-розовых лепестка поднялись в воздух.

– Ты вообще что-нибудь понимаешь? – озадаченно спросил внутренний голос, явно разочарованный тем, что его мрачные пророчества не сбылись.

У меня не было ни сил, не желания продолжать этот бредовый разговор. Поэтому я просто смотрел на удивительно красивое создание (к счастью, ее демоническую половину лица закрывали волосы) и не хотел ни о чем думать.

Закончив непонятный ритуал с лепестками, женщина-воин направилась к зияющей бездне портала, но, не дойдя до него пару шагов, неожиданно остановилась и, обернувшись ко мне, произнесла:

– Королева Семи Палачей стоит за твоей спиной. Чтобы спасти голову, одной удачи будет мало...

После чего развернулась и шагнула в темный провал тон-

неля, связывающего измерения. А спустя секунду после того, как исчезло это чарующе-странное создание, пропало и окно между мирами.

Как обычно, все произошло настолько быстро и неожиданно, насколько это вообще можно себе представить. А если не принимать во внимание залитый кровью пол, проломленную стену и несколько обезображенных трупов, то можно было подумать, что произошедшее не более чем сон или какая-нибудь нездоровая галлюцинация, вызванная общим переутомлением организма.

– Все живы? – вывел меня из глубокой задумчивости голос Билли.

– Не знаю, как старик, а лично я жив.

– Чтобы убить великого мага, нужно нечто большее, чем стая диких прелтов.

«А как насчет женщины-демона, вспоровшей твое горло?» – хотел было спросить я, но сдержался и задал другой вопрос:

– Но почему мы до сих пор живы?

– Этому созданию не нужна была наша смерть, она пришла всего лишь за несколькими каплями крови.

– Кровь героев – нектар для богов, – автоматически повторил я и продолжил: – Но ведь для этого ей пришлось бы как минимум надрезать кожу, или я чего-то не понимаю?

– Да, пришлось, – легко согласился Билли, переворачивая кресло, серьезно пострадавшее во время сражения. – У меня

остался небольшой, но достаточно чувствительный порез.

– Тогда почему я ничего не чувствую?

Вероятно, Компоту тоже было чрезвычайно интересно узнать ответ на этот вопрос. Ничем другим нельзя объяснить то, что он резво подбежал ко мне и осмотрел рану.

– Сумасшедшая девица взяла кровь из тела пиявки!⁷ – хрипло рассмеялся старик. – Эта хитрая тварь настолько виртуозно сливается с твоей шеей, что заметить ее практически невозможно.

– Вот так номер! – весело засмеялся Билли и от полноты чувств размашисто хлопнул себя по колену. – Вот так история!

– Действительно, вот так история, – задумчиво пробормотал я, после чего задал очередной вопрос: – А эти самые боги, случайно, не обидятся за то, что вместо крови героя им подсунули кровь пиявки?

– Обидятся или не обидятся – нам-то какое до этого дело? – продолжал веселиться колдун. – Это уже их проблемы!

«Переход Пальтилойской грани окончательно высушил его мозги», – неприязненно подумал я, но все-таки постарался, чтобы мой ответ прозвучал не слишком резко.

– Если они обидятся, то могут послать своих слуг, чтобы

---

⁷ Отправив троих героев в измерение Глов, сумасшедший колдун по имени Асванх Пиринизон (сокращенно – Аспирин) посадил на шею мнимого принца Рентала пиявку Клару, которая должна была проследить за тем, чтобы герои не сбились с пути, в точности выполнив все инструкции выжившего из ума злодея («Королевства, проигранные в карты»).

те сцедили из нас всю кровь до последней капли. Нечто напо-
добие жизнерадостных доярок, опустошающих вымя флег-
матичных коров.

– Н-да... – В отличие от старика Билли соображал намно-
го быстрее, а может, пример с доярками оказался достаточно
красочным, чтобы разом пропало всякое веселье. – Навер-
ное, это будет на самом деле не очень-то приятно выглядеть.
Поэтому давайте надеяться – кто бы ни скрывался под мас-
кой богов, они не заметят подмены.

– О'кей, – легко согласился я, решив, что у нас и без того
хватает неприятностей, чтобы забивать себе голову чем-то
еще. – А пока не набежали слуги Фромпа, давайте по-быст-
рому выясним пару вопросов. Кто такие прелты и что за ко-
ролева Семи Палачей стоит за моей спиной?

– Прелты – это наемники. Мерзкие ублюдки, к чьим услу-
гам прибегают, когда нужно повернуть какое-нибудь особо
грязное дело.

– То есть чисто теоретически их мог послать кто угодно,
включая и короля?

– Ну, старый мерзавец, конечно, даст сто очков форы лю-
бому негодяю, – задумчиво протянул Компот, – но связы-
ваться с прелтами... Это все-таки слишком даже для него.

– Значит, наемников могла послать королева Семи Пала-
чей?

– Не исключено. Хотя, если откровенно, за всю свою дол-
гую жизнь я ни разу не слышал подобного имени.

– Я тоже не слышал, – эхом отозвался Билли.

– В таком случае у нас появилась масса новых проблем. – Я начал загибать пальцы. – Первая: Фромп со своей ненавистью и желанием нас уничтожить. Вторая: королева с выводком палачей. Третья: неизвестные боги с их нездоровой жаждой крови, раненой пиявкой и... А впрочем, давайте остановимся пока что на этих трех. В сравнении с ними все остальное – такие мелочи, что даже не стоит о них думать.

Так как особых возражений не последовало, я переключился на собственные проблемы.

– Клара, ты живая? – За всеми этими потрясениями у меня совершенно вылетело из головы, что пиявка, угнездившаяся на шее «героя», может быть серьезно ранена.

Не то чтобы меня сильно волновало самочувствие верной спутницы, но кто знает, как устроен ее организм? И не начнет ли она биться в предсмертных конвульсиях, выделяя какой-нибудь яд. А то и почище – решит пройти курс реабилитации после ранения, проникнув в мои вены.

К счастью, волновался я совершенно напрасно и до подобного экстрима дело все-таки не дошло.

Одно несильное сжатие горла являлось утвердительным ответом, который меня вполне устроил. Задавать же дополнительные вопросы я не стал. Как говорится, меньше знаешь, дольше живешь. – *Насчет меньше знаешь – прекрасная мысль, – вновь ожил внутренний голос. – Но как насчет «ушей» и «глаз» Фромпа, наблюдающих за нами? Не слыши-*

ком ли ты расслабился, начисто забыв об осторожности?

На этот раз он был прав. Крыть было нечем – я действительно расслабился, совершенно упустив из виду то, что каждое наше движение и слово контролируются шпионами короля.

– Совсем забыл упомянуть еще об одной проблеме, – похоронным голосом начал я.

– Может, на сегодня уже хватит того, что есть? Прибережем что-нибудь интересное на завтра?

Было очевидно, что ни Билли, ни тем более Компот не в восторге от моих откровений.

– Нет, это важно... Я... Мы... Ну, в общем, мы тут совершенно не к месту разоткровенничались. – Мой более чем красноречивый взгляд указал на стены.

– Ах, какая чушь! – Колдун в очередной раз противно рассмехался. – Какая глупая несуразная чушь!

Судя по всему, Компот сошел с ума, но убеждать его в обратном было совершенно бесперспективным занятием, поэтому я ограничился коротким: «Почему чушь?»

– Потому что «лепестки забвения» решили все наши проблемы со шпионами.

– В каком смысле?

– В прямом. – Высокомерная гримаса старика свидетельствовала о том, что он считает нас с Билли круглыми идиотами. – Кем бы или чем бы ни являлась эта женщина-демон, у нее хватило ума сообщить тебе информацию так, чтобы

о ней не узнали другие. «Лепестки забвения», слетевшие с ее ладони, проникли сквозь стены и опустились на головы шпионов.

– Откуда такая уверенность?

– С ладони слетели три лепестка. – Компот с трудом сдерживал раздражение. – И если бы они предназначались нам, то мы бы сейчас не разговаривали, а стояли с остекленевшими глазами, бессмысленно пуская слюни. Впрочем, меня гложут не лишены оснований подозрения, что кое-кого из присутствующих лепестки все же задели. Судя по уверенному тону, старик знал, о чем говорил.

– *Впервые его магические знания пригодились*, – язвительно прошелестел внутренний голос.

– Значит, с этой стороны мы надежно защищены? – Я не смог удержаться и не задать последний вопрос.

– Абсолютно.

– Ну, тогда все в порядке! – наигранно бодро воскликнул я, в глубине души совершенно не веря собственным словам.

– *И правильно делаешь, что не веришь*, – вновь ожило мое вечно во всем сомневающееся подсознание. – *Посланник короля наверняка притворяется, изображая глубокий обмороч, а на самом деле фиксирует наш разговор.*

– Ты что-нибудь слышал о паранойе? – желчно поинтересовался я.

– *Что-то слышал. Но не могу тебя порадовать конкретными деталями. Какие-то спонтанные отрывки. Кстати,*

если хочешь узнать об этом заболевании подробнее, рекомендую спросить у Билли. Кажется, он пришел к выводам, схожим с моими.

Переведя взгляд на толстяка, я увидел, что слишком долгий обморок королевского слуги и ему показался на редкость подозрительным.

– Я перережу горло шпиона мечом прелтов, – произнес толстяк, делая решительный шаг в сторону распростертого на полу тела, – и еще одним негодяем станет меньше.

– Отличная идея! – Компот чуть было не захлопал в ладоши от радости.

«Такое впечатление, что наш "веселый волшебник" закинулся какой-нибудь возбуждающей таблеткой», – подумал я.

– Па-а-а-альтило-о-ойска-а-а-ая гра-а-а-ань, – заунывно простонало «привидение», поселившееся в самом потаенном уголке моего «чердака». – *Во всем виновата Пальтилойская грань!*

Если оно хотело напугать меня, то скажу откровенно – это удалось. Одно только упоминание о жуткой грани приводило меня в нездоровый трепет.

– Будем искренне надеяться, что наш друг решил на старости лет сказать «да» наркотикам. – Я сделал безуспешную попытку отбиться от кошмара, начинающего обретать вполне реальные контуры (благодаря моей ненормальной второй половине). Но трюк не прошел.

– *Вряд ли Компот встретил наркодилера по дороге к ко-*

ролевским покоем. – Мерзкое подсознание всегда било ниже пояса. – *Нет, нет, это определено Па-а-а-а...*

– *Заткнись! Заткнись! Заткнись!!! Заткнись!!!*

Сам того не замечая, последние слова я прокричал вслух. Именно эта неожиданная вспышка ярости спасла гонца Фромпа.

Пораженный до глубины души Билли остановился в паре шагов от бесчувственного тела и, обернувшись в мою сторону, поинтересовался:

– В этой комнате есть кто-то невидимый?

– Насколько я знаю, здесь никого, кроме нас, нет.

– Тогда на кого ты кричал?

Сейчас был не самый подходящий момент объяснять моим спутникам особенности мыслительных процессов, истекающих в подсознании мнимого принца Рентала. Поэтому я ограничился кратко-туманным:

– На себя, – и постарался перевести направление разговора в другое русло: – Мне кажется не стоит убивать посланника короля.

– Конечно! – хрипло прокаркал Компот, мгновенно забыв о моей истерике. – Пускай этот лизоблюд все расскажет своему господину – и добавит в нашу раздувшуюся копилку проблем еще несколько свежих неприятностей.

Я не стал отвечать на его колкость, а просто посоветовал внимательнее присмотреться к позе, в которой лежал хитроумный предатель. Причем интересна была не столько сама

поза, сколько пара второстепенных деталей.

Посланец Фромпа лежал на спине, нелепо раскинув в стороны руки и неестественно подогнув одну ногу. Его голова была повернута вбок, а рот полуоткрыт.

Во всем этом не было бы ничего необычного, если бы поперек его лица не лежала отрубленная конечность прелта. Можно было объяснить нелепую позу и даже попытаться не брать во внимание стекающую по щеке кровь, частично попадающую в рот несчастного. Быть может, во имя короля его верный слуга был готов стерпеть и не такие отвратительные гастрономические ужасы. Но отрубленную ногу обильно покрывала густая шерсть, и обрубок лежал таким образом, что перекрывал нос.

Можно привыкнуть к неудобной позе, не обращать внимания на полный рот крови, но справиться со щекоткой – невозможно. В этом у меня не было ни малейших сомнений.

– Может быть, ты и прав. – Было очевидно, что мои доводы убедили старика. – Но во избежание различного рода недоразумений лучше все-таки прирезать негодяя.

Не скажу, что судьба королевского посланника меня особо волновала. Точно так же как его наверняка не интересовали проблемы трех гладиаторов, бившихся на «Арене искупления» с ордами чудовищ несколькими часами раньше. Но от убитого не будет вообще никакой пользы, тогда как человек, чью жизнь мы спасли, мог когда-нибудь пригодиться. Разумеется, было бы глупо надеяться, что в порыве бла-

годарности он совершит нечто такое, что позволит нам произнести: «Большое спасибо, уважаемый, теперь мы квиты. Вы сполна рассчитались с нами за ту небольшую услугу, которую мы имели честь оказать вам сегодняшним вечером».

Однако иногда полезно иметь в стане врага даже просто сочувствующего, не говоря уже о безмерно благодарном. Поэтому слугу Фромпа все-таки было разумнее оставить в живых.

После непродолжительных колебаний мои соратники хотя и с видимой неохотой, но все-таки согласились с этими выкладками.

– А привести его в чувство все-таки позвольте мне. – Компоту явно не терпелось разобраться с доверенным лицом ненавистного короля.

– Разумеется, это твое полное право, – легко согласился я, – но только прежде, чем ты оживишь этого несчастного, ответь, пожалуйста, на один вопрос: почему, вместо того чтобы в очередной раз насладиться древним искусством Ней-Лан, мы с Билли вынуждены были гадать – перережут нам глотки или ограничатся несколькими каплями крови?

– Да, и мне тоже ужасно интересно. – Во взгляде Билли, обращенном на старика, читалось нескрываемое любопытство.

– Сейчас не самое подходящее время для всяких идиотских вопросов, – недовольно проскрипел Компот и, чтобы разом прекратить бесполезную дискуссию, сделал короткий

разбег, со всей силы ударил ногой в почку бесчувственного посланника короля.

– Ва-а-агрххх! – Вместе с болезненным полувздохом-полухрипом изо рта лежащего на полу человека выплеснулся фонтан крови.

«Ты не переусердствовал?» – хотел было спросить я, но вовремя вспомнил, что это кровь расчлененного прелта.

– О-о-о-ох!!! – вполне членораздельно простонал приведенный в чувство человек, после чего его вырвало.

Зрелище было не из разряда приятных (к тому же ситуацию усугублял вид отрубленной волосатой конечности, валяющейся поблизости), поэтому все мы, словно по команде, отвернулись и...

И увидели, как падают сорванные с петель двери и в зал врывается вооруженная до зубов стража.

«Мы продолжаем шоу даже после завершения основной части программы», – подумал я, подразумевая дикую резню на «Арене искупления».

– *Главное, не забудь выжать из сложившейся ситуации максимум эффекта*, – тактично посоветовал внутренний голос.

– *Поверь мне на слово, в нашей бродячей труппе и без меня хватает шоуменов, способных не просто зажечь толпу и выжать максимум эффекта, но произвести настоящий фурор.*

Если я в чем-то и ошибался, то это были всего лишь незна-

чительные детали. По большому счету шоуменов в нашей тройке действительно хватало...

Человек, ворвавшийся в комнату в авангарде многочисленной стражи, несомненно, принадлежал к числу безрас-судно смелых, но не слишком-то умных командиров. Вид трех героев, окруживших посланника короля (раскинувшего в кровавой луже), вне всякого сомнения, натолкнул его на мысль о злодейском заговоре против основ существующей власти. И если бы кроме своей смелости этот мужчина был обременен тягой к скоропалительным решениям, нас уничтожили бы до того, как мы сумели бы хоть что-то объяснить.

Однако, к счастью, предводитель многочисленного отряда дворцовой стражи не смог мгновенно сориентироваться в ситуации, а когда решение напасть фактически оформилось в его голове, вперед уже выступил Билли. Причем ни его забрызганная кровью одежда, ни большие сильные руки, сжимающие рукояти двух коротких мечей, ни даже повадки, выдающие бывалого воина, наверняка бы никого не остановили, но...

Толстяк сделал красивый жест – и выиграл несколько драгоценных секунд: его пальцы разжались, и оружие выпало из рук. Пара клинков, преодолев незначительное расстояние до пола, вонзились в паркет. Со стороны могло показаться, что наш друг сдается на милость победителей, но это было далеко не так.

Герой, вышедший живым с «Арены искупления», где выстоял в семи жесточайших поединках, не стал бы сдаваться какой-то жалкой кучке (пускай и многочисленной, но все равно жалкой) дворцовых охранников.

С точки зрения Билли, в сдаче на милость победителей не было никакого смысла. Справедливости ради стоит отметить, что мы с Компотом непременно сдались бы, но нашего мнения никто не спрашивал.

– Жалкие твари! – Голос толстяка прогрохотал, словно шум морского прибоя, разбивающегося о скалы.

«Начало, несомненно, впечатляющее, – напряженно подумал я, – но кто подразумевается под этим термином?»

Ответа на незаданный вслух вопрос не пришлось долго ждать, так как следующие слова развеяли всякие сомнения. «Жалкими тварями» называли многочисленную группу отлично вооруженных и решительно настроенных людей, которые всерьез помышляли о том, чтобы умертвить нас наиболее быстрым и безболезненным способом.

– *Насчет «жалких» еще куда ни шло, но с «тварями» он все-таки явно перебрал,* – пытаюсь сохранить хотя бы видимость спокойствия, глухо прошелестел внутренний голос.

Судя по «слегка напряженному» виду Компота, чье лицо неожиданно покрылось влажной испариной, не один я считал, что наш друг слегка погорячился.

– Жалкие твари!!! – продолжало перекатываться под сводами высокого потолка громогласное эхо. – Как вы посмели

врываться в покои почетных гостей короля?! Героям, душившим на арене демонов голыми руками, – в качестве подтверждения собственных слов Билли потряс в воздухе огромными кулаками, – не нужна помощь жалких людишек, чтобы разметать орду беснующихся прелтов, – нога пнула фрагмент мохнатого тела, – и спасти посланника лучезарного Фромпа.

Вместе с последними словами большая ладонь протянулась к жестоко страдающему человеку, и пораженный до глубины души гонец (только сейчас в полной мере осознавший, от чего его спасли) протянул дрожащую руку навстречу своему спасителю.

Если до этой минуты кое-кто в комнате считал, что «жалкие твари» – слишком сильное выражение, сейчас он в корне изменил свою позицию. И был готов прибавить еще пару неблагозвучных эпитетов вроде «тупые мерзавцы» или «подлые гады». Но в последний момент я (а это был я) сдержал эмоции, ограничившись лишь легким кивком, полным достоинства и внутренней силы.

«Принц полностью разделяет точку зрения своего слуги и не намерен сотрясать воздух никому не нужными повторениями» – вот что означал этот жест. К чести ворвавшихся в наши покои людей, они правильно его истолковали.

– Так... так значит... Значит... – Командующий отрядом пребывал в явном смущении.

Только что он чуть было не совершил чудовищную ошибку.

ку, которая могла стоить ему жизни – не пади он от рук победителей демонов, его бы непременно казнил король. И поэтому растерявшийся воин совершенно не знал, что сказать.

– Значит, молодой человек, – наставительно изрек Компот, – нужно доложить королю о том, что его благородные гости спасли замок от вторжения полчищ кровожадных наемников. Впрочем, – продолжил он с легким оттенком пренебрежения, – что значат несколько сотен глупейших прелтов, сопровождаемых парой десятков демонов? Уважаемый...

– Лаонтис, – едва слышно пробормотал посланник короля, после того как буравящий взгляд старика уперся в него.

– Уважаемый Лаонтис пропустил самое интересное – битву с демонами, но в полной мере наслаждался уничтожением прелтов.

Так как взгляды всех присутствующих переместились на перепачканного кровью и остатками собственного ужина посланца, то он не нашел ничего лучшего, как потрясенно пробормотать:

– Да... да... Это было ужасно...

– Для простого обывателя – безусловно ужасно. – Старик настолько вошел в роль, что его уже было невозможно остановить. – Но для тех, кто встал на нелегкий и тернистый путь благородных героев, небольшая разминка никогда не помешает. Особенно перед обильным праздничным ужином.

Несмотря на то что Лаонтис пребывал в самом что ни на есть жалком и плачевном состоянии, его мозг лихорадочно

работал. Было бы странно, если бы владыка такого калибра, как Фромп, держал у себя на службе посредственность. Нет, нет... Его окружение можно было обвинить в чем угодно (включая и немыслимо дикие пороки), но только не в глупости. Даже сейчас, с трудом справляясь с острой болью в боку (создавалось такое впечатление, как будто ему начисто отбили почку), Лаонтис мучительно размышлял о том, как доложит своему господину о происшествии. Если бы не видел он собственными глазами, как пару часов назад этот щуплый на вид старикашка походя и совершенно не напрягаясь уничтожил стаю ужасных грегсов, то, без всякого сомнения, поднял бы на смех заявление о сотне убитых прелтов. Но в данном случае смеяться было не только неуместно, но, пожалуй, и опасно. Поэтому хитроумный слуга ограничился робким вопросом:

– В отличие от доблестных героев я не воин, поэтому был повержен слишком быстро и не помню подробностей битвы...

«Надо было отбить ему обе почки, – с плохо скрываемой ненавистью подумал я. – А еще лучше – убить. Без всякого сомнения, этот мерзкий прислужник подлого короля еще не раз и даже не два основательно попортит нам кровь».

А чтобы Компот не наговорил чего-нибудь лишнего, я поднял руку, призывая к вниманию, и после некоторой смысловой паузы сообщил:

– Некий злодей проник в комнату, примыкающую к на-

шим покоем, и вызвал каменного голема. Затем чудовище проломило перегородку, – моя рука указала на огромную дыру в стене, – и сразу же вслед за этим появился портал, из которого посыпались орды прелтов. На помощь к ним через некоторое время подоспели несколько демонов. Когда мы поняли, что не отобьемся одним лишь холодным оружием, то использовали магию. С ее помощью мы отбросили нападавших и закрыли межпространственное окно. Обратите внимание на потолок, – моя «царственная» рука указала в направлении фрагмента стены с несколькими прилипшими частями отрубленных конечностей, – и вы поймете, что произошло.

Если у недалеких охранников могли возникнуть какие-либо вопросы, то Лаонтису стало предельно ясно – здесь действительно была использована чрезвычайно сильная магия.

Непонятно только, каким образом удалось преодолеть антимагическую защиту дворца, но сейчас это было не столь важно.

«В конце концов, всю правду можно узнать у шпионов, – решил про себя королевский гонец, – и после этого идти на доклад к повелителю, а пока...»

– Переведите наших гостей в Розовые покои, – властно распорядился человек, выглядевший словно нищий бродяга, упившийся дешевым вином, – и проследите, чтобы на этот раз их никто не тревожил.

После чего Лаонтис отвесил низкий поклон (в испачканной рвотой одежде это смотрелось несколько странно) и с достоинством удалился.

Четверым охранникам не понадобилось много времени, чтобы препроводить нас в новые апартаменты. И как только дверь за стражей закрылась, а мы наконец-то остались одни, я решил, что все волнения и тревоги остались в прошлом. Теперь можно спокойно отдохнуть, расслабиться и выпить в спокойной обстановке...

Это было одно из самых глубоких заблуждений, какие только можно представить. Прошло не более десяти минут, и я понял, насколько серьезно ошибался. Но было уже слишком поздно. Колесо истории совершило очередной оборот, расплющив и намотав на свой обод троих закоренелых неудачников.

А затем покатилося дальше, оставляя на земле нескончаемый кровавый след.

* * *

Великая и блестящая столица объединенных измерений Сарлон бурлила и клочкотала, словно потревоженный улей. Вечерний полумрак опустился на улицы, но в такой великий день никто и не помышлял о покое или сне. Наоборот,

люди хотели продлить ощущение удивительного чуда, произошедшего на «Арене искупления». Большой пир в королевском дворце предназначался для избранных, а к услугам всех остальных были многочисленные харчевни, постоянные дворы и, в конце концов, просто площади, где можно посидеть за импровизированными столами, выпить чего-нибудь покрепче, поспорить или подраться. В общем, устроить себе небольшой, но яркий праздник из тех, что стали редкостью в жизни вечно озабоченных и куда-то постоянно спешащих обитателей столицы.

В некотором роде это напоминало быструю горную реку, заставляющую крутиться колесо водяной мельницы. Изю дня в день поток воды бежит и торопится, как будто боится не успеть или, еще хуже, безнадежно опоздать в какую-то неведомую даль. Но однажды происходит нечто удивительное – наводнение, ураган или засуха, – и вдруг этот бешеный поток осознает, что если ненадолго остановиться и успокоиться, то ничего страшного не произойдет.

Точно так же думали едва ли не все граждане Сарлона. И несмотря на то что завтра был не выходной день, почти все, кто мог самостоятельно передвигаться, вышли на улицы вечернего города. «В конце-то концов, – думали про себя горожане, – не каждый день наш король лишается половины своего королевства, а трое отважных героев выходят победителями с "Арены искупления"!» События подобного масштаба случаются раз в несколько тысяч лет, поэтому было бы глу-

по упустить такую прекрасную возможность выпить и повеселиться. Кто знает, может быть, с потерей половины королевства великую процветающую империю захлестнет кровавый вихрь гражданской войны или еще что-нибудь похуже. Поэтому нужно брать от жизни все, пока имеется такая возможность.

Именно из подобных соображений в этот теплый летний вечер на улицы Сарлона высыпало чуть ли не все его многомиллионное население. А счастливые владельцы питейных заведений за одну только ночь сделали месячную выручку, распродав все запасы вина. Поистине трое великих героев стоили того, чтобы выпить за их успех...

Кстати, одна такая попойка, начавшись довольно удачно, завершилась более чем плачевно. В этом не было бы ничего примечательного (безудержное пьянство обычно и заканчивается поножовщиной), если бы в качестве возмутителя спокойствия не выступил довольно необычный персонаж.

Все началось безобидно. Счастливо улыбающийся одному ему ведомым мыслям старичок, сопровождаемый маленькой собачкой неизвестной породы (скорее всего, обыкновенной дворнягой), подошел к группе слегка разгоряченных парами алкоголя молодцов, выпивающих прямо на улице. Слегка прокашлявшись, старик очень вежливо спросил, как пройти к королевскому дворцу.

– Зачем тебе туда надо, папаша? – добродушно поинтересовался огромный мужчина, больше похожий на разбойника

с большой дороги, нежели на законопослушного гражданина.

– Видите ли, юноша, – предельно корректно ответил жизнерадостный старичок, – у меня имеется неотложное дело и оно не может ждать до утра. Я мог бы поклясться, что это жизненно важный вопрос, касающийся некоей таинственной персоны, желающей остаться инкогнито. Но, боюсь, ваш неразвитый интеллект не сумеет в полной мере осознать все вышесказанное. Поэтому давайте ограничимся тем, что вы просто укажете мне путь.

Что-то в речах и повадках веселенького старичка очень не понравилось мужчине, которого неосмотрительно обозвали юношей. Весь остальной набор невнятных слов можно было попросту не принимать в расчет, сделав скидку на возраст и безумие глупого старикашки, но «юноша»...

Это все-таки было слишком.

– Ты кого назвал юнцом, глупый старик? – угрожающе спросил человек, чьи большие руки не раз и не два были обгарены кровью жалких людишек, не способных понять простую истину: в этом мире главным и единственным аргументом является сила.

– Везде одно и то же, – печально вздохнул старик, обращаясь к умной дворняге, спокойно сидящей рядом и наблюдающей за плавным развитием конфликта. – Собираешься приятно и культурно провести вечер, путешествуя инкогнито по незнакомым местам. И чем это оборачивается?..

Вероятно, дрессированная собака заранее знала ответ на этот риторический вопрос. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что она в притворном испуге закрыла лапой глаза.

– Да-да, ты абсолютно прав, мой друг. Мир слишком глуп для того, чтобы двое неординарных существ могли хотя бы на минуту расслабиться и почувствовать себя неотъемлемой частью чего-то возвышенно-прекрасного!

Горожанин выпил уже достаточно, чтобы быть готовым свернуть шею любому мерзавцу, называющему его глупцом, но еще не настолько, чтобы сделать это прямо на улице среди массы людей.

– Давай-ка, папаша, отойдем в сторону, и я объясню тебе насчет дороги к дворцу и про все остальное.

Он дружески приобнял тщедушные плечи глупого старикашки, дожившего до седых волос и не сумевшего ничего понять в жизни, увлекая его по направлению к темной подворотне.

Несколько собутыльников из компании оскорбленного обменялись понимающими взглядами – и как ни в чем не бывало продолжили пить. Их совесть была совершенно чиста. Да, этому глупцу, вне всякого сомнения, свернут шею. Но он вел себя крайне невежливо и заслужил смерть. Сегодня, конечно, великий день, но никакие великие дни не могут служить оправданием для безумца, посягнувшего на честь представителя славной воровской гильдии. По большому счету тщедушному старикашке еще повезло, что он нарвался на

воров. Здесь ему, по крайней мере, быстро и безболезненно свернут шею, а вот если бы он оскорбил мясников с рынка или, того хуже, замороженных малолеток-нищих... Вот тогда бы понял, что такое долгая и мучительная смерть.

Пятеро мужчин продолжали лениво потягивать вино из огромных глиняных кружек, выкинув из головы всяких глупых стариков. Их внимание сосредоточилось на пышных формах официантки. Ладная девица проворно шныряла между многочисленными посетителями, расположившимися прямо на улице, рядом с таверной. Зрелище было настолько увлекательным, что мужчины не сразу поняли – голос, дребезжащий от горя, обращается именно к ним.

– Вашего друга неожиданно разбил паралич, – со слезами на глазах сообщил старикашка, который если и должен был разговаривать, то не иначе как с ангелами на небе. – Совершенно нетипичное заболевание для такого молодого, цветущего организма, но будем откровенны – нездоровый образ жизни, злоупотребление спиртными напитками, неразборчивые половые связи со всякого рода подозрительными женщинами...

Старичок нравоучительно поднял вверх указательный палец и прерывающимся от волнения голосом произнес:

– Да что там с подозрительными... Будем откровенны, друзья мои! Эти самые подозрительные женщины – попросту дешевые пошлые шлюхи, служащие источником распространения самых что ни на есть ужасных болезней!

Пятеро взрослых, сильных, уверенных в себе мужчин были достаточно пьяны, чтобы принять на веру простую истину об опасности венерических заболеваний, распространяемых дешевыми проститутками, но... Они выпили слишком много, чтобы понять, отчего этот назойливый человек все еще жив и куда подевался их друг.

– Постой-постой, – прервал поток старческого красноречия один из выпивох. – Что, ты говоришь, разбило нашего друга?

– Паралич, – с готовностью отозвался вежливый старичок. – Это такая ужасная вещь, когда лежишь со сломанным позвоночником и задаешь себе чисто риторический вопрос: «Зачем нужно было тащиться в какую-то темную, грязную и вонючую подворотню?»

– Наш друг лежит в подворотне со сломанным позвоночником? – Они все еще не могли поверить в услышанное.

– Не просто лежит, а взывает о помощи. Молит, чтобы верные товарищи поскорее пришли и избавили его от страданий. Ведь правда, дружок? – Старичок вновь обратился к дворняге.

Умный пес утвердительно кивнул, после чего ни у кого из присутствующих не осталось сомнений – произошло нечто из ряда вон выходящее.

Дружно, как по команде, пятеро воров сорвались со своих мест и побежали по направлению к указанной подворотне. Рядом с ними семенил, быстро-быстро перебирая ножками,

тщедушный старичок со своей непонятной безродной собачонкой.

Процессии не понадобилось слишком много времени, чтобы достигнуть места трагедии. Огромное тело лежало на грязной мостовой, и ворам хватило одного мимолетного взгляда, чтобы опознать в нем предводителя их небольшой группы.

– А ты здоров шутить, – с облегчением рассмеялся мужчина, находившийся ближе всех к телу и успевший заметить, что их товарищ дышит. – Мы и вправду на секунду подумали, что произошло...

– Недоразумение? – услужливо подсказал веселый старичок.

– Ну, что-то типа того... – В интонациях говорящего проскользнула едва заметная искра неуверенности.

Их было пятеро – взрослых, сильных, уверенных в себе мужчин. А если считать «шутника», то шестеро. Но этот непонятный старик, несмотря на все свое показное добродушие и приветливость, вызывал необъяснимое чувство тревоги.

– Уверяю вас, молодые люди, – произнес странный незнакомец, – никакого недоразумения здесь нет. Все предельно ясно и просто.

И чтобы подтвердить несомненную правоту своих слов, он живо наклонился и приподнял ногу огромного вора. Затем для пущей убедительности слегка подергал ее и только

после всего этого небрежно отпустил. Безвольно упавшая конечность нагляднее всяческих слов подтвердила – ни о каких шутках не может быть и речи. Все абсолютно серьезно.

Хороший вор всегда должен на полшага опережать своего противника. Из пятерки воров, окруживших тело своего искалеченного товарища, минимум трое были не просто ворами хорошими – они были отличными ворами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они практически одновременно пришли к одному и тому же выводу: незнакомца нужно как можно скорее убить. Потому что он предельно опасен. Ведь для того, чтобы сломать спину здоровому и ловкому жожаку, нужно нечто большее, чем простое везение...

Секунда с небольшим – и вот уже в руках у двоих короткие ножи, а третий сжимает кастет. Один точный удар стального кастета может прикончить даже здорового, крепкого мужчину, не говоря уже о каком-то тщедушном старикашке.

Короткий размах...

Удар...

Сухой треск пробитой височной кости – и слишком задержавшийся на этом свете старик грузно опадает на землю, словно мешок картошки, сброшенный с телеги.

– Всего-то и делов! – с презрением цедит человек с кастетом, поворачиваясь к друзьям, чтобы задать вопрос о дальнейшей судьбе несчастного жожака.

Но слова застревают в его горле, потому что лезвие предательского ножа проводит ярко-алую черту между жизнью

и смертью, вспарывая горло от уха до уха...

– За что?! – пытается спросить умирающий человек, отчаянно цепляясь за эту последнюю тонкую ниточку, отделяющую его от вечного небытия. – За что?! – громко кричит он, но его так и не озвученный вопль тонет в противном, хрипло булькающем звуке, издаваемом устремившейся наружу кровью.

Тело заваливается на спину, и его мертвый хозяин уже не видит, как коварный убийца, безжалостно располосовавший горло товарища, в свою очередь получает нож под лопатку...

Сердце останавливается мгновенно. Все происходит настолько быстро, что несчастный даже не успевает испугаться...

Трое из пятерых уже мертвы, но это еще не конец. Колесо безумия продолжает бешено вращаться, не останавливаясь ни на секунду.

Человек, ударивший в спину приятеля, стоит с окровавленным ножом над своей жертвой, и в этот момент судьба жестоко мстит ему за коварное предательство. Пятый вор бьет четвертого в спину, но неудачно – в последний момент рука его слегка дрогнула, и лезвие проходит в паре сантиметров от сердца. Рана из разряда безнадежных, но последняя яростная вспышка гнева разворачивает обреченное тело, и рука, сжимающая окровавленное оружие, выбрасывается вперед, филигранно точно пронзив горло противника... Три или четыре секунды два человека стоят неподвижно,

как будто пытаюсь понять, что же произошло и почему теплый хмельной вечер вдруг превратился в пронзительно холодную, безжалостную ночь. Но ответ на этот вопрос лежит за гранью понимания обреченных на смерть. Ответ на него суждено узнать только последнему оставшемуся в живых, и никому другому. Таковы правила этой страшной игры.

Они падают одновременно. Судорожно сжатая рука не выпускает рукоять ножа, пронзившего горло, и когда тело убитого вора заваливается на бок, то увлекает за собой и смертельно раненного убийцу. Жертва умирает чуть раньше, но глаза палача уже подернуты мутной пеленой, которая не позволяет ему увидеть огромную страшную тень, закрывающую собой весь мир.

Агония продолжается несколько коротких секунд – и все заканчивается. Шесть неподвижных тел лежат на мостовой, обильно залитой кровью. И, глядя на трупы, невозможно даже представить – не далее как пять минут назад все эти сильные и уверенные в себе люди спокойно сидели и пили, даже не подозревая о том, что смерть уже дышит им в затылок.

– Обычная простенькая иллюзия, а насколько чисто и эффективно сработала! – Непонятно, то ли жизнерадостный старичок обращается к своей потрепанной собачонке, то ли размышляет вслух. – Глупцы полагали, что убивают несчастного путника, а на самом деле резали сами себя. Вот уж действительно – все гениальное просто. Как будто подтверждая слова хозяина, дворняга радостно скалится. Ее уже давно

не пугает вид крови. А «невинные проказы» господина хоть как-то скрашивают бесконечно долгое и унылое существование, в котором нет ни малейшего смысла. Будь ее воля, она бы с удовольствием поменялась местами с любым из этих пятерых, но смерть – это особо дорогой и желанный подарок, который нужно еще заслужить.

– Ну так что, мой юный друг, – старичок наклоняется к человеку со сломанным позвоночником, – теперь нам уже ничто не мешает. Ни глупость, ни страх, ни злость, ни даже чрезмерные амбиции или еще какая-нибудь чепуха. И я надеюсь, что смогу получить ответ на простой и невинный вопрос: как пройти к дворцу?

«Он ошибается, – понимает дворняга. – Господин ошибается, потому что не понимает – когда страстно желаешь умереть, то ничего не боишься. Этот некогда сильный человек не хочет жить, и поэтому...»

– Там за поворотом, – тихо шепчут пересохшие губы, – есть улица.

– И? – Старичок склоняется ниже над распростертым телом, чтобы не пропустить ни единого слова.

– И там... Там тебе уж точно кишки выпустят.

Большое, некогда сильное тело уже не принадлежит вору, но глаза... Смеющиеся глаза фартового вора смотрят с каким-то обреченно-веселым вызовом.

– Там тебе точно выпустят кишки, – для пущей убедительности повторяет парализованный человек, несмотря на свое

ужасное положение сумевший сохранить остатки бывшего мужества. – Выпустят кишки и намотают на шею. – Сделав короткий вдох, вор плюет в лицо своему убийце.

– Нет-нет, молодой человек! – жизнерадостно восклицает чудаковатый старичок, ничуть не опечаленный оскорблением. – Вам не удастся меня разозлить.

«Это точно», – печально размышляет про себя дворняга, продолжая весело скалиться.

– Пойду спрошу дорогу у кого-нибудь более дружелюбного. А вы пока полежите, отдохните и непременно подумайте о своем поведении. Если останетесь здесь до того времени, как я разберусь со всеми своими делами во дворце, то с удовольствием научу вас хорошим манерам. А пока что разрешите откланяться.

Он галантно расшаркивается и, не оглядываясь, покидает место кровавой драмы.

Дворняга некоторое время неподвижно сидит, как будто решая какую-то чрезвычайно сложную задачу, а потом резко срывается с места, устремляясь вдогонку за своим господином.

«Смерть – это дорогой и желанный подарок, который нужно еще заслужить, – думает на бегу она. – А этот "фартовый парень" при всем своем мужестве ее пока еще не заслужил».

Глава 5

Розовые апартаменты отличались от ранее занимаемых нами покоев только количеством залов. Их было не пять, а три. Все остальное, включая и цвет, не играло особой роли, потому что могло быть охарактеризовано как богато обставленные меблированные комнаты. Впрочем, было бы удивительно, если бы они оказались обставленными бедно. Особенно если учесть тот факт, что находились они не где-нибудь, а в королевском дворце. В другом месте и в другое время я бы наверняка обратил внимание на все эти немаловажные детали. Но после череды пережитых кошмаров лично меня вполне бы устроила и обычная койка в каком-нибудь третьесортном отеле. Главное, чтобы там было тихо и никто не беспокоил.

С тишиной в этом месте все было в порядке, а вот насчет безопасности... Тут возникали определенные сомнения, о которых лучше было не думать. Тем более обстановка располагала к спокойному отдыху, а не к тревожным метаниям в поисках ответа на вопрос: «Как спастись и что делать потом?»

«Отложим пока все проблемы. Сейчас нужно просто отдохнуть, выкинув из головы все тревоги и волнения», – благоразумно решил я, опускаясь в удобное кресло, рядом с которым стоял изящный столик, сервированный легкими за-

кусками и батареей разнокалиберных бутылок. Одних только вин было три или четыре сорта. Не говоря уже о ликерах и более крепких напитках.

«Отдыхать здесь явно умеют, – расслабленно-удовлетворенно подумал я. – А еще...»

Мысль о том, что в родовом гнезде стервятника Фромпа нас могут элементарно отравить, слабой искрой вспыхнула на периферии сознания и сразу же потухла, не получив продолжения. Голод и желание пропустить пару фужеров хорошего вина взяли верх над здравым смыслом и нелепыми страхами.

Пока я размышлял, мои друзья, не теряя времени даром, жадно накинулись на еду и напитки.

– Прекрасная кухня и великолепные вина, – философски заметил Компот после того, как залпом выпил пару до краев наполненных бокалов, – что еще нужно обеспеченному человеку?

– Обеспеченному *чем?* – поинтересовался Билли, не переставая жевать.

– Всем. – Было очевидно, что алкоголь размягчил старика и теперь он находится в благодушном настроении.

– «Всем» – это чем? – Толстяк не собирался сдаваться просто так.

– Деньги, слава, ветреные красавицы, огромные земельные наделы, прочая недвижимость, успех, власть... – Колдун смаковал каждое слово, как дорогое вино.

Он был настолько убедительно небрежен, что на какой-то миг я ему чуть не поверил. Особенно порадовали пункты, касающиеся ветреных красавиц и денег.

По всей вероятности, в моих неожиданно заблестевших глазах Билли заметил нечто такое, что заставило его рассмеяться.

– Слава, власть и ветреные красавицы! – захохотал он. – Прекрасные мечты, непременно стоит рассказать о них Фромпу! Вне всякого сомнения, он согласится с вашими бредовыми фантазиями. И отвалит по полной программе славы, власти и – до кучи – стаю ветреных красавиц, которые погребут вас под своей массой, словно рой прожорливой саранчи. А когда они схлынут, останутся только несколько обглоданных костей да пара бессмысленно уставившихся в вечную пустоту черепов. «Наших героев не смогли победить демоны, но свела в могилу всепоглощающая похоть!» – печально вздохнет безутешный король, бросая горсть земли в ваши могилы.

«Какая-то безрадостная картина получается», – тревожно подумал я, слишком ярко представив стаю ветреных красавиц, навалившуюся на два несчастных худых тела.

– Ах, какая ерунда! – легкомысленно отмахнулся Компот. – Похоть, которая свела в могилу блистательных героев! Что может быть глупее и надуманнее?

«Что бы это ни было, но у подлого властелина, лишившегося половины королевства, наверняка найдется в арсенале

немало способов разделаться с врагами», – хотел было сказать я, но не стал этого делать. Совершенно неожиданно мое внимание переключилось на крошечное существо, облокотившееся на вазу с фруктами.

Небольшой человечек размером со спичечный коробок – этакий Оле Лукойе – стоял в расслабленной позе, явно прислушиваясь к нашему разговору. Но как только увидел, что его присутствие обнаружено, высоко подскочил в воздух и, сделав двойное сальто, удачно приземлился на ноги. Видимо, этого ему показалось мало, и с удивительным проворством новоявленный гимнаст сорвал ближайшую к себе виноградину. Затем острыми зубками прокусил кожицу, всосав в себя весь сок. Учитывая его крошечные размеры, это выглядело более чем удивительно. Но представление не ограничилось элементарным поглощением фруктов. Вытащив из-под сморщенной кожуры несколько виноградных косточек, он начал ловко ими жонглировать, при этом выделявая ногами потешные и замысловатые па.

Зрелище было настолько увлекательным, что я практически мгновенно позабыл обо всем на свете, очарованный искусством маленького циркача.

Компот все еще продолжал что-то бубнить, но ни я, ни Билли его уже не слушали. Старик не мог наблюдать за происходящим, потому что ваза с фруктами закрывала ему обзор. А мы с толстяком могли. Увлеченный созерцанием «цирка лилипутов», Билли даже перестал жевать, вперив-

шись взглядом в крошечную фигурку.

Виноградные косточки подлетали вверх все быстрее и быстрее и в какой-то момент слились в размытое кольцо, а кольцо начало стремительно увеличиваться в размерах...

– На что это вы там так засмотрелись? – донесся откуда-то издалека недовольный голос колдуна. – Что такого интересного можно обнаружить в обычной вазе с фруктами? – Высохшая от старости рука протянулась вперед, отодвинув в сторону закрывающую обзор вазу.

– Повелитель иллюзий! – истошно закричал Компот, в отличие от своих недалеких товарищей сразу же осознав, с кем имеет дело. – Прихлопните эту мерзкую тварь, иначе она...

Но закончить предложение не удалось. Крошечная фигурка иллюзиониста резко повернулась в сторону единственного человека, не попавшего под влияние чар, и запустила те самые виноградные косточки, которые до этого момента выполняли роль шариков жонглера. Пять маленьких снарядов практически мгновенно преодолели расстояние до цели, врезавшись в голову несчастного старика.

Компот успел почувствовать, как на него обрушилась серия мощнейших ударов, и оставался в сознании вплоть до четвертого. А затем его голова безвольно мотнулась в последний раз – и внезапно обмякшее тело откинулось на спинку мягкого кресла.

Коварный жонглер еще раз высоко подпрыгнул, сделав двойное сальто, и, встав на ноги, произнес слова древнего

заклинания. В результате в комнате появилось не просто окно между мирами, а зловещая воронка. Темное чрево ее поочередно всосало в себя троих бесчувственных героев, а затем в нее прыгнул и сам лилипут.

Повелитель иллюзий блестяще справился с поставленной перед ним задачей, в одиночку совершив то, на что не хватило сил у скопища пушечного мяса, называемого прелтами. Теперь ловкач получит соответствующее вознаграждение, а что станет с несчастными, которых он доставит по назначению?

Такие глупости его совершенно не интересовали.

«С делами покончили, – весело подумал он, перед тем как скрыться в темном провале межпространственного тоннеля, – теперь нужно позаботиться о том, как и где можно повеселиться».

И если крошечный злодей мог сам выбрать, где и как веселиться, то жертвы его хитроумных чар не имели свободы выбора. Потому что им предстояло «веселиться» в очень мрачном и жутко неприятном месте, чрезвычайно напоминавшем безумно-красное измерение Глов.

* * *

Судя по солнцу, успевшему скрыться за линией горизон-

та, приступ безумия продолжался достаточно долго. А когда голова снова пришла в себя, то обнаружила, что откусила кончик собственного языка.

– А-а-а!!! – бешено взвыла несчастная голова, готовая вновь погрузиться в пучину хаоса, откуда только что выбра- лась с превеликим трудом.

Но, как ни странно, этот бешеный крик пробился в под- сознание Гарха, и несчастный наконец осознал, что никчем- ный обрубок, называющий себя головой, это и есть он сам. Только он и никто другой.

Чувство было достаточно странное и неприятное, но Гарх сумел справиться с острым приступом паники и успокоиться в достаточной мере, чтобы прийти к неутешительному выво- ду – *это конец*. Финишная черта, за которой уже ничего нет.

«Если я начинаю пожирать самого себя, – мрачно подумал Гарх, – то шансов на спасение нет. Пора смириться с неиз- бежным, приготовившись к худшему».

Ему даже почти удалось осуществить задуманное (при- готовиться к худшему), но, к счастью, именно в это вре- мя неподалеку пробежал фремс – большая хищная ящери- ца, питающаяся в основном мелкими грызунами. Фремсы – не пожиратели падали, но запах свежей крови явно указы- вал на то, что поблизости находится потенциальная добыча. День выдался не слишком удачным, а этот восхитительный пряный запах крови смешивался с отвратительным трупным зловонием. Но все же голодный охотник решил посмотреть,

кто умирает (или уже умер), поэтому свернул с намеченного пути и побежал в направлении источника запаха.

Гарх, пребывающий в состоянии странного оцепенения, издалека заметил приближающуюся ящерицу. Когда пять или шесть дней сходишь с ума в бесплодной степи, чувства обостряются до предела. А любое появление какого-нибудь жалкого суслика вносит приятное оживление в унылую и однообразную картину жизни. В хорошем смысле этого слова бодрит и волнует, заставляя быстрее течь кровь по венам. И, что, пожалуй, самое главное, хотя бы ненадолго прочищает мозги.

«Ящерка не очень большая, не больше полуметра длиной, но на первый раз хватит». – Глаза Гарха плотоядно заблестели.

Он чуть было не облизнулся, но вовремя вспомнил, что нужно изображать из себя мертвую голову с аппетитным *языком* – иначе ничего не получится.

Откушенный кончик языка валялся неподалеку, в пределах прямой видимости, а сам язык уже перестал кровоточить, покрывшись засохшей коркой.

«Иди ко мне, мой сладенький». – Гарх послал мысленный сигнал в сторону приближающегося хищника.

Однако фремс не только не принял сигнала, но даже более того – остановился в нерешительности в нескольких метрах от странной головы. Во-первых, она таила в себе какую-то непонятную угрозу, а во-вторых, создавалось впечатление,

будто умерла она пару недель назад.

«Иди к папочке!» – продолжал мысленно заклинать Гарх, одновременно с этой горячей мольбой с предельной осторожностью сдавив зубами язык.

Фремс собрался было уйти, но в самый последний момент запекшаяся корка лопнула и густые темно-бордовые капли упали на землю, разнося по округе пьянящий запах свежей крови.

Большая ящерица в нерешительности остановилась, все еще не до конца уверенная в том, что хочет подойти к этой странной голове.

«Это все, что я могу предложить», – мысленно простонал Гарх, понимая, что если эта трусливая тварь сейчас развернется и уйдет, то он сойдет с ума окончательно.

«Это все, что есть у папочки!!!» – взвыла про себя несчастная голова, ощущая приближение очередной гигантской волны безумия.

«Все, что у меня есть!!!

Все...

что...

можно...

сожрать!!!»

Вряд ли крошечный мозг фремса воспринимал какие бы то ни было ментальные сигналы. В данном случае свое веское слово сказал голод, который в конечном итоге все же вообладал над страхом.

Осторожно подойдя к маленькому кусочку плоти, некогда называвшемуся кончиком языка, фремс решился его попробовать.

«Ну, давай же! Я же вижу – тебе понравилось!» – мысленно заклинал Гарх, отчаянно желая, чтобы мерзкий хищник пришел в восторг от изысканного угощения.

Несмотря на то что мясо выглядело достаточно свежим, оно явно отдавало какой-то непонятной тухлятиной. Несколько раз фремсу приходилось есть нечто подобное, однако воспоминания об этих трапезах никогда не вызывали у него особого восторга. Но желудок настойчиво требовал продолжения банкета. Поэтому хищная ящерица, преодолев свои страхи, медленно подошла к голове и, внимательно осмотрев ее со всех сторон, пришла к выводу: кроме отгаливающего запаха, ничего опасного в ней нет.

Удар хвоста опрокинул голову набок, и от столкновения с землей сомкнутые челюсти открылись, обнажив внутренности глотки, в которой уютно расположился огромный мясистый *язык*.

Не было смысла ждать чего-то еще, поэтому фремс вонзил свои острые зубы в кровоточащий кончик языка...

«О-ля-ля!!! – мысленно воскликнул Гарх, зажмурив глаза от страшной боли. – Вот уж и не думал, что смогу почувствовать что-либо в этой жизни».

Оторвавший кусок мяса фремс вкусно почавкивал совсем рядом. А тот, кого он с таким удовольствием пожирал,

думал о том, как ужасна будет его месть.

Съев первый кусок, осмелевшая ящерица вернулась и вновь вонзила острые зубы в сочную мякоть...

Вообще-то это было не особенно нужно, но все же для подстраховки Гарх резко втянул язык внутрь, одновременно сомкнув зубы. Голова фремса оказалась зажатой между страшными зубами и...

Добыча и хищник поменялись местами, а степь, озаренную последними лучами солнца, огласил такой страшный полухрип-полурев, что содрогнулись даже самые сильные и стойкие обитатели этих пустынных равнин.

И лишь одно небо оставалось совершенно безучастным. Оно все еще не проявляло интереса к этой глупой голове. Потому что даже после того, как она перемелет глупую ящерицу и нарастит немного плоти, все равно ничего не сможет предпринять. Максимум, на что ее хватит, – отталкиваясь жалким обрубок, перекатываться, словно головешка из костра, влекомая неизвестно куда веселым бродягой ветром.

«Ох уж этот шутник ветер, – с усмешкой подумало небо, озарив сгущающиеся сумерки ослепительно яркой вспышкой молнии. – Ох уж этот шутник. Вечно он напридумывает что-нибудь этакое».

И, не в силах сдержать безудержный смех, небо разразилось громовым хохотом, сопровождаемым вспышками молний. А когда этот смех наконец перешел в слезы, на бесплодные сухие равнины пролились капли долгожданного благо-

словенного дождя, символизирующего возрождение жизни.

– Я восстану из мертвых, детка! – почти ласково пообещал Гарх, обращаясь неизвестно к кому и при этом медленно пережевывая мясо и выталкивая размягченную плоть наружу.

Кровавая каша стекала по щеке и достигала обрубленной шеи, буквально на глазах превращаясь в новую плоть.

– Я вернусь, чтобы отомстить всем. И жестокие страдания этой перемолотой в мелкий фарш ящерицы, сожравшей часть моего языка, покажутся просто обидой. Легкой, не заслуживающей особого внимания обидой. К которой не стоит относиться слишком серьезно.

Причем я не просто гарантирую, а ручаюсь головой...

Я
ручаюсь
своей

.....
головой!

И беру в свидетели небо, что не успокоюсь до тех пор, пока не выполню эту страшную клятву...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РАНВЕЛЬТИЛЬСКАЯ ДЕВСТВЕННОИЦА

Глава 1

– ... Что наводит нас на мысль... о переходе... несмотря... впечатляюще прекрасно!!!

Сквозь плотно сжатые веки я видел световые блики. Кроме того, до моих ушей носились смутные обрывки невнятного разговора. Первые несколько секунд у меня не было ни сил, ни желания вслушиваться в слова, пытаясь соединить их хотя бы в какое-то подобие связных предложений.

Прошло немного времени, и желание все-таки появилось, а вместе с ним пришло осознание того неприятного факта, что я нахожусь не в королевском дворце. Не могу точно сказать, откуда взялась эта уверенность, но после того, как я открыл глаза, мои смутные подозрения подтвердились. На смену Розовым pokojам пришли какие-то новые декорации.

– Билли, где мы? – спросил я, облизывая неожиданно пересохшие губы и безуспешно пытаюсь вспомнить, как отключился.

Толстяк сидел напротив меня в глубоком кожаном кресле,

и, судя по его расслабленному виду, явной опасности рядом не наблюдалось.

– Мы в гостях, – широко улыбнувшись, ответил старый товарищ, протягивая мне фужер с вином.

– Впечатляюще прекрасно! – автоматически повторил я услышанную фразу. – Но кто выступает в качестве радушно-го хозяина?

Билли кивком указал в сторону, и, переведя взгляд в том направлении, я увидел нечто среднее между изысканным кутюрье, облаченным в некое подобие мини-юбки, и до предела взвинченным геем, обладающим аффективно-экзальтированным темпераментом.

– *Он просто слегка безумен или тяжело и неизлечимо болен?* – устало поинтересовалось мое подсознание.

– *Кто бы говорил! Для начала на себя посмотри,* – вяло отозвался я, безуспешно пытаюсь понять, что все это может значить.

Пока я терзался сомнениями, незнакомец порывисто встал и, стремительно преодолев несколько метров, остановился прямо передо мной.

– Позвольте представиться. Полтенвеуд Мио Четвертый. Для друзей – просто Мио Четвертый...

– А мы что, друзья? – Вопрос вырвался сам собой.

Я все еще находился в некоем подобии заторможенного транса, поэтому не до конца себя контролировал.

– Не побоюсь этого слова, – на глаза впечатлительного хо-

зьяина навернулись вполне натуральные слезы, – мы больше, чем просто друзья. Мы... – его голос прервался от волнения, – самые лучшие, преданные и искренние друзья, каких только можно себе вообще представить!

– *Этот не в меру слезливый хозяин все больше и больше меня беспокоит*, – поделился своими тревогами внутренний голос.

– Вы имеете в виду какого-то конкретного друга или всех нас вместе? – осторожно поинтересовался я, сделав рукой широкий полукруг, указывающий на Билли и старика.

– Всех! – не задумываясь ответил Мио Четвертый.

– О!

У меня отлегло от сердца. Быть самым преданным, искренним и лучшим другом, какого себе только можно представить, лучше в компании приятелей, а не в одиночку. Особенно когда перед вами стоит явно нездоровый индивидуум в странном наряде, чьи понятия о дружбе могут не только в корне отличаться от общепринятых образцов, но и вообще простирались настолько далеко и глубоко, что... Для собственного же спокойствия лучше об этом не думать.

– Всех в целом и вас, мой юный друг, в частности! – внес очень существенную поправку Мио Четвертый, сопроводив слова широкой, «располагающей к дружбе» улыбкой.

После этого объявления мой желудок, сжавшись в комок, стремительно опустился вниз, а затем резко подпрыгнул вверх чуть ли не до самого горла. В растерянности я

оглянулся вокруг, как будто пытаюсь найти поддержку, но увидел только печально пожимающего плечами Билли.

«Что поделатъ, друг мой, – говорил весь его облик, – в конце концов, ты самый молодой из нас...»

А Компоту вообще было глубоко плевать на любые проявления дружбы. Он лежал с разбитым лицом и закрытыми глазами. То ли еще не пришел в себя, то ли элементарно притворялся, дожидаясь радостного момента, когда будет официально объявлен «самый большой друг».

– Вы, наверное, всесильный колдун? – с плохо скрываемой дрожью в голосе поинтересовался я, попутно размышляя, нельзя ли как-нибудь прикончить этого нездорового маньяка.

– Ах, право, какой там всесильный! – жестом избалованного ребенка взмахнул холеной ручкой зардевшийся Мио. – Так, сущие пустяки, о которых даже неловко упоминать!

– Не скромничайте! – охрипшим от волнения голосом попросил я. – Между настоящими друзьями не может быть никаких секретов.

– Ну, если вы обещаете никому не говорить...

– Клянусь! – Я был олицетворением искренности.

Он наклонился вперед, глубоко прогнув спину, и, картинно поднеся палец к пухлым губам, томно прошептал:

– Тсс! Большая-ая та-айна-а!

– Мы будем немые как могилы! – заверил я хозяина.

Можно было добавить: «Даже под страхом смерти не раз-

гласим большой тайны, доверенной нам в столь интимной, таинственной обстановке», – но я не стал этого делать, решив ограничиться «могилой».

– Блистательный Анифей Сухопарый мне даже в подметки не годится!

По виду Мио можно было догадаться, что персона Анифея широко известна в кругах местных колдунов-психопатов.

– *Безнадёжная трата времени*, – вынес окончательный приговор внутренний голос. – *Выяснить, как далеко простираются пределы его могущества, все равно не удастся. Ясно одно – его сил вполне хватит, чтобы предотвратить любое покушение.*

– Простите за нескромный вопрос, – неожиданно вклинился в разговор молчавший до сих пор Билли. – А насколько силен блистательный Анифей Сухопарый?

«Бред, – устало и раздраженно подумал я. – Полный, законченный бред, от которого хочется как можно дальше убежать, но не получается, потому что он является неотъемлемой частью жизни героев».

Вероятно, хозяину доставляло немислимое, ни с чем не сравнимое удовольствие похотливо изгибаться и, приложив палец к пухлым губам, произносить: «Тсс! Большая тайна!»

Ничем другим я не могу объяснить тот факт, что на вопрос толстяка отреагировали с такой потрясающей скоростью.

– Слово воина! – на полном серьезе пообещал Билли в ответ на очередное «тсс».

– Блистательный Анифей Сухопарый поверг Урбанта Пятого в прах.

– Последний вопрос, – весело крикнул я, быстро смекнув, что Билли не интересовали ни Анифеи Сухопарые, ни Урбанты Пятые, ни вообще кто бы то ни было из местной шайки.

Он просто хотел, чтобы Мио Четвертый повернулся ко мне спиной и я увидел...

Увидел...

В общем, что-то очень похожее на женские трусики-стринги.

– Был ли Урбант Пятый достойным соперником Анифея Сухопарого или нет? – Я игриво подмигнул толстяку из-за спины хозяина.

Судя по всему, вопрос был сформулирован неправильно. Вместо того чтобы в очередной раз продемонстрировать свое нижнее белье, экспрессивный хозяин не стал изгибаться, а просто ответил:

– О да! Урбант Пятый был воистину достойным соперником.

Мио Четвертый помолчал некоторое время, как будто прислушиваясь к чему-то или анализируя собственные чувства, а затем печально, вяло махнул рукой и тяжелой шаркающей походкой глубокого старика проследовал к своему

креслу.

– Советую в дальнейшем обходить стороной щекотливую тему Урбанта Пятого, – ожил внутренний голос.

– Спасибо за ценный совет, я об этом уже и сам догадался.

– Никогда не помешает лишний раз напомнить и подстраховаться.

– Может, и не помешает, если...

– Ах, друзья мои! Не будем о грустном! – воскликнул экзальтированный колдун, решительно отбрасывая в сторону печальные мысли и вновь расцветая дружелюбной улыбкой.

– Давайте не будем! – с легкостью согласился Билли и без всякого перехода продолжил: – А почему наш старый друг до сих пор не пришел в себя? Не случилось ли с ним чего-нибудь нехорошего в момент прыжка между измерениями?

– Уверю вас, в это время с ним ничего не случилось! – Тучи рассеялись, выглянуло яркое солнышко, и впечатлительный Мио Четвертый вновь пребывал в отличном расположении духа. – Если что-либо и произошло, то только до того момента, как ваш престарелый товарищ появился в моем доме.

Решив доказать правоту своих слов, хозяин порывисто встал, подошел к креслу, в котором распластался несчастный Компот, и, ощупав лицо старика изнеженно-нервными пальцами, пришел к неутешительному выводу:

– Этого человека серьезно отделали.

– Насколько серьезно? – практически одновременно спросили мы с Билли.

– Достаточно, чтобы он провалялся в коме минимум полдня и пропустил самое интересное.

Понятия не имею, что было на уме у толстяка, но лично я пожалел, что на этот раз досталось Компоту, а не мне. Если бы можно было принять на себя град ударов, предназначавшихся колдуну, я бы с радостью это сделал. Причем во все не из соображений высокой морали, а исключительно из трезвого расчета. Если в логове безумного колдуна заходила речь «о самом интересном», то...

Не знаю, как всем остальным, а мне становилось ясно – приближается что-то большое, конкретное и ужасно дерьмовое.

И вот это самое дерьмовое лучше всего переждать в бессознательном состоянии.

– А разве нас ждет что-то интересное? – замогильно-тусклым голосом прошелестел я, сжавшись, словно стальная пружина.

– Ну конечно ждет! И еще как ждет! – От прилива эмоций хозяин чуть было не задохнулся. – Я бы не стал просто так приглашать прославленных героев, легенды о которых будоражат наши земли вот уже несколько лет...

– Уфф! – не скрывая огромного облегчения, громко выдохнул я.

Только что с моих плеч свалился непомерно тяжелый

груз.

– Мио, мне искренне жаль, но вы ошиблись, приняв нас за кого-то другого. Не знаю, чем занимались мои спутники, а лично я несколько лет назад числился в учениках младших классов и не помышлял ни о каких героических подвигах...

Концовка предложения оказалась слегка смазанной, потому что я увидел скривившееся в постной гримасе лицо толстяка. Мой друг уже понял – от созерцания стрингов не отвертеться.

Раздалось очередное «Тсс! Бо-ольша-ая та-айна-а!» – и Мио Четвертый в своей фирменной манере упруго прогнулся, демонстрируя шокирующее откровенное нижнее белье несчастному Билли.

А мне по большому секрету сообщили, что разница во времени между некоторыми измерениями составляет достаточно внушительную величину, поэтому в мире, называемом Сартифлак, узнали о нашем героическом подвиге несколько лет назад.

На ум пришло сравнение со «старым добрым Гловом», после чего все стало предельно ясно.

– Значит, – прошептал я, нервно облизывая пересохшие губы, – вы не ошиблись?

– Ну конечно же нет! – обрадованно всплеснул руками не в меру эмоциональный хозяин. – Конечно же я не мог ошибиться, потому что это стоило бы мне очень и очень дорого!

Убойная смесь из «чего-то интересного» вкупе с «очень

и очень дорого стоило» привела меня к мысли, что это конец. Полный и абсолютный конец, без какой-либо надежды на возможность счастливого исхода.

И, как показало дальнейшее развитие событий, я не ошибся в своих мрачных прогнозах. Это действительно оказался самый настоящий конец...

* * *

Ночь уже давно опустилась на улицы столицы, но Сарлон продолжал веселиться и праздновать как ни в чем не бывало. Свет десятков тысяч факелов до неузнаваемости преобразил город. Площади, заполненные многочисленными гуляющими. Таверны, задыхающиеся от наплыва посетителей. Предприимчивые торговцы и лоточники, выставившие на улицах свой товар. Призрачные тени, пляшущие на границе света и тьмы, как будто предостерегая от посещений зловещих подворотен. Шум, смех, пьяное веселье и бессмысленная суэта – все это служило верным признаком того, что сегодня замечательный день. И, судя по всему, предстоит не менее замечательная ночь...

Развеселого вида старичок, играючи расправившийся с бандой воров, посягавших на его драгоценную жизнь, так же, как и все, пребывал в прекрасном расположении духа. Его

радовали веселые горожане, суматошное оживление, царящее на улицах, прекрасная погода и ощущение всенародного ликования. И не важно, что сам народ в полной мере не отдавал себе отчета, почему он ликует. Главное – столица объединившихся измерений пропиталась настроением праздника. И это настроение поневоле передавалось всем, кто в поздний час находился на улицах.

– Величественно и восхитительно! – обратился старичок к семенившей рядом дворняге. – По отдельности все эти люди не представляют ровным счетом никакого интереса и не обладают никакими замечательными качествами. Но все вместе образуют огромный прекрасный организм, который не может не вызывать восхищения!

Все так же продолжая сосредоточенно бежать, собачонка кивнула на ходу, соглашаясь с выводами хозяина.

– А обрати, пожалуйста, внимание на женщин! Игра теней, полутона, неяркий свет – все это придает им некую загадочность, делает более привлекательными и свежими, молодыми и обольстительными.

Собаку совершенно не интересовали «привлекательные и обольстительные» представительницы прекрасного пола. В силу ее собачьей природы ей были глубоко безразличны все красавицы мира, однако она в очередной раз утвердительно кивнула. Первое правило домашнего любимца гласило: «Хозяин всегда прав». А второе напрямую вытекало из первого: «С хозяином всегда надо соглашаться».

– А вот посмотри направо. – Старческая рука указала в сторону разбитной полноватой женщины, которая стояла в более чем вызывающей позе, прислонившись к обшарпанной стене.

Собачка механически повернула голову в указанном направлении.

– Богиня! Прекрасная и возвышенная богиня! Других слов нет!

В черно-белом изображении (как известно, собаки цветов не различают) так называемая богиня выглядела как обыкновенная немолодая, дешевая и слегка обрюзгшая проститутка. Может быть, в цвете все было по-другому, и, решив не рисковать, верный питомец утвердительно кивнул. Правда, сделал он это с некоторой задержкой и исключительно из-за второго правила домашних любимцев, но тем не менее...

– Давай подойдем к ней и спросим, не согласится ли она проводить нас к королевскому дворцу!

Собачка в который уже раз не нашла в себе сил отказать сумасбродному хозяину и последовала за ним к «прекрасной и возвышенной богине».

– Мадам, – галантно расшаркался расчувствовавшийся старик, – не будете ли вы столь любезны согласиться препроводить меня к резиденции Фромпа Второго?

В пьяно-шалых глазах «мадам» мелькнула задорная искра, чуть было не вылившаяся в традиционное «а не пошел бы ты .... глупый старик, со своими предложениями!», но в

конечном итоге верх взял трезвый расчет.

– Половина за час и один золотой за всю ночь, – лениво процедила падшая женщина, возомнив себя если не богиней, то как минимум королевой.

Это было ужасно самонадеянно с ее стороны. Потому что за ту цену, которую запросила эта потрепанная шлюха, можно было нанять в эскорт двух молодых и красивых жриц любви.

Но, как ни странно, веселого старичка вполне устроило данное предложение. И даже более того – он нашел его слишком великодушным.

– Мадам, – все в той же галантно-изысканной манере произнес он, – королеве не пристало продаваться задешево. Я счел бы ниже собственного достоинства спекулировать на вашем благородстве. Вот пять золотых. – Старческая рука залезла в карман и небрежно вытащила россыпь золота, в которой даже на беглый взгляд угадывалась сумма, намного превышающая заявленную. – Будем считать, что вы оказали мне дружескую услугу.

Никогда в жизни женщина не видела подобной суммы. И уж тем более никто не предлагал ей столько денег за «небольшую услугу». Это было не просто необычно, это наводило на нехорошие подозрения...

Время от времени в Нижних кварталах поговаривали о появлении какого-нибудь взбесившегося маньяка, беспричинно убивающего простых обывателей. Но при том обилии

криминала, что имело место в бедняцких районах, периодические вспышки насилия были скорее обычным явлением, нежели чем-то из ряда вон выходящим. А все эти «маньяки» придумывались для того, чтобы отвести подозрение от истинных виновников трагедии, которыми зачастую являлись члены противоборствующих группировок, ведущих непрерывающуюся борьбу за сферы влияния.

«Столько денег мне в жизни не заработать», – поняла «королева», не в силах оторвать взгляд от руки с пригоршней золота.

– Я... Я согласна на все... – охрипшим от волнения голосом выдавила она, до конца не веря, что все это происходит на самом деле.

– Прекрасно! – Видя, что его избранница не решается взять протянутые деньги, веселенький старичок сделал коротенький шагок вперед и ссыпал золотые монеты в глубокий вырез более чем откровенного декольте. – Мадам! – Истинный кавалер сделал приглашающий кивок, выставив вперед локоть правой руки.

Чисто автоматически, как будто находилась во сне или в глубоком трансе, «мадам» ухватила за локоть своего нового «ухажера» и, с трудом передвигая негнущиеся ватные ноги, направилась в сторону королевского дворца.

Впереди лежали пять кварталов, забитых пьяной празднующейся публикой. Пять увлекательных кварталов, прогулка по которым очень многим запомнится до самого конца

ЖИЗНИ.

Глава 2

После того как жизнерадостный Мио Четвертый уверил нас в том, что никакой ошибки не произошло и мы являемся именно теми героями, встречи с которыми он долго ждал, я окончательно пал духом.

– Можно еще один вопрос? – совершенно убитым голосом попросил я.

– Хоть два! – радостно и возбужденно откликнулся хозяин.

Билли обреченно закрыл глаза, не в силах взирать на происходящее.

– У Фромпа настолько плохо обстоят дела с магической защитой дворца, что к нему легко и беспрепятственно вторгаются все, кому не лень?

Как ни странно, из данной информации Мио не собирался делать никакой тайны, поэтому не стал ни изгибаться, ни даже закатывать глаза и произносить это свое дурацкое «тсс!».

– Пара лет мне понадобилась, чтобы найти лазейку в его защите, – начал он на редкость спокойным и обыденным голосом. – Затем еще около года ушло на внедрение Итолкусбинкуста, открывшего заднюю дверь, и в результате... – Мио все-таки не удержался от эффектной паузы, – в результате мы имеем то, что имеем!

В воздухе, пропитанном напряжением текущего момен-

та, заискрились крошечные вспышки-молнии. Или, быть может, перед моими глазами замелькали цветные пятна. Что было в принципе не столь уж и важно.

– А... – открыл я было рот, чтобы озвучить какую-то совершенно идиотскую мысль.

– *А-а имеет это чудовище нас!* – как нельзя более некстати напомнило о себе мое начисто разбалансированное подсознание. – *Причем если учесть, насколько долго и кропотливо этот ..... хакер разрабатывал оборону Фромпа, пытаюсь внедрить в нее магический аналог компьютерного «трояна», то в его замыслах было не просто поиметь всю нашу компанию, а поиметь ее грандиозно.*

Я в очередной раз позавидовал черной завистью бесчувственному Компоту, пребывающему в счастливом неведении относительно «чего-то интересного», относительно «очень дорого стоит» и относительно совсем уже зловещего «имеем то, что имеем».

– *Может быть, это всего лишь совпадение или не слишком удачная игра слов?* – Я сделал робкую попытку убедить самого себя, что не все так плохо, как может показаться на первый взгляд.

– *И это говорит человек, не понаслышке знакомый с целым скопищем безумных колдунов?* – презрительно процедил внутренний голос. – *Освежи в своей памяти великоленные образы несравненного Аспирина, фундаментального Зоула, грандиозного Антоца – и ты поймешь: вместо того чтобы*

терзаться несбыточными надеждами и призрачными ожиданиями, лучше взглянуть правде в глаза, подготовившись к худшему.

«.....!» – обреченно подумал я, окончательно упав духом.

Освежать в памяти образы вышеупомянутых злодеев абсолютно не хотелось. Поэтому я просто-напросто приготовился к худшему и, выпив залпом полный бокал вина, надтреснуто-хрипло прокаркал:

– Так что там у нас *интересного*?

Можно было ожидать услышать все, что угодно.

Абсолютно все.

Но последующие слова Мио Четвертого оказались настолько шокирующими, что мы с Билли на какое-то время начисто лишились дара речи.

– У-у... на-а-а-ас... – протянул хозяин, словно импресарио, объявляющий начало поединка за звание чемпиона мира среди боксеров-тяжеловесов. – У-у... на-а-а-ас... Рра-а-анве-ельти-ильска-а-ая... – его голос достиг самой высокой ноты, – *д-е-в-с-т-в-е-н-н-и-ц-а!* – очень четко, практически по буквам произнес Мио.

Около минуты мы с Билли безуспешно пытались переварить услышанное, но, даже очень сильно постаравшись, так и не смогли этого сделать.

– Простите, какая девственница? – наконец осмелился подать голос толстяк.

– Ран-вель-тиль-ска-я.

– Ты вообще хоть что-нибудь понимаешь? – поинтересовался внутренний голос.

– Абсолютно ничего, но знаю одно – не стоит преждевременно расслабляться. Ранвельтильская девственница или не Ранвельтильская – роли особой не играет. Так же как и совершенно не важно, что она вообще девственница. С таким же успехом она могла быть и потрепанной жизнью порнозвездой. Главное, что все это каким-то очень нехорошим образом связано с нами.

– Вне всякого сомнения, связано, но только как?

– Терпение, мой друг, и мы все узнаем. Не для того Мио Четвертый проделал всю эту кропотливую работу и притащил нас сюда, чтобы оставить в неведении относительно своих грандиозных планов. Раз он рассказал про девственницу, то расскажет и все остальное.

– Ранвельтильская девственница, – с пафосом произнес ненормальный колдун, оборвав мой внутренний диалог, – это то самое чудо, одно лицезрение которого доставляет ни с чем не сравнимое эстетическое удовлетворение.

Мы с Билли не нашли ни сил, ни желания, ни доводов, чтобы оспорить это утверждение.

Восприняв наше молчание как полнейшее согласие, Мио продолжал:

– Одно это само по себе оправдывает мой поступок.

– Кивни в знак согласия, – властно приказал внутренний голос. – Что бы ни сотворил этот сумасшедший колдун с

несчастной девственницей, будет лучше, если мы покажем, что полностью с ним солидарны.

– А если он по примеру маньяка Аспирина устроил себе ванну из крови несчастной девушки?

– Что бы он с ней ни сделал – бедняжку уже не спасти. Поэтому в сложившейся ситуации благоразумнее всего будет подумать о себе.

Вообще-то я был не слишком согласен со своим вторым «я», но проявил малодушие, поддавшись на уговоры, и в конечном итоге согласно кивнул.

– Вижу, вы на моей стороне! – радостно воскликнул любитель девственниц, обратив на меня пылающий взор. – А это лишний раз доказывает, что я поступил правильно!

Второй кивок прошел намного легче. Трудно сделать первый шаг, преступив черту совести, потом все идет уже по накатанной колее без особых проблем.

– Скажите, а что вы сделали? – Судя по не слишком-то радостному голосу, Билли не доставляло никакого удовольствия потакать гнусным козням сумасшедшего колдуна, направленным против невинных девушек.

– Разве вы не догадываетесь, что можно сделать с Ранвельтильской девственницей? – Удивление Мио Четвертого было не наигранным, а самым что ни на есть настоящим.

– Вообще-то мы догадываемся, что можно сделать с простой девственницей, – дипломатично начал я, умышленно опередив Билли, чтобы тот не сказал чего-нибудь лишнего. –

Но в данном случае речь идет о Ранвельтильской деве...

Не зная, как закончить предложение, я предпочел многозначительно замолчать. И как оказалось – не ошибся.

– Ну конечно! Конечно же, вы безусловно правы!!! – У меня сложилось впечатление, что импульсивный хозяин с трудом удержался, чтобы не расцеловать своего догадливого гостя. – Ранвельтильская дева – это совершенно особенный случай! Сейчас я вас познакомлю, и вы поймете – я был абсолютно прав!

Холеная рука нарочито жеманно указала на дверь, находящуюся в дальнем конце огромного зала, и...

«Совершенно особенный случай», в силу каких-то непонятных причин названный Ранвельтильской девственницей, предстал нашим взорам.

Не сказать, чтобы я испытал психологический шок, но что-то очень к нему близкое – наверняка.

«Совершенно особенный случай» – это предельно верная формулировка, точно описывающая вошедшую женщину, ради которой нам предстояло умереть в самом ближайшем будущем.

Хотя я не совсем точно выразился. Не нам, а мне предстояло умереть. Потому что почетное звание «самого большого друга» принадлежало именно мне, и никому другому.

– Трам-парам-парам-парам, – игриво напевал себе под нос веселый старичок, возглавляющий странную процессию.

Его сопровождали мелкая собачонка не слишком понятной породы и дородная женщина, чья нарочито вульгарная внешность не оставляла ни малейшего сомнения – она работает не в булочной или прачечной, а в самой что ни на есть настоящей сфере интимных услуг.

Впрочем, в этот поздний час среди всеобщего ликования (или, точнее сказать, поголовного пьянства) старик, собака и проститутка не вызывали у прохожих ровным счетом никакого интереса. Вокруг было множество стариков, шлюх, собак, кошек и даже шныряющих под ногами крыс...

– Моя королева, – старичок никак не мог избавиться от своих возвышенно-поэтических иллюзий и поэтому продолжал выражаться высоким слогом, – не кажется ли вам, что воздух над нами, – сухонькая рука указала наверх, – пронизан тысячами невидимых золотых нитей и нити эти поют необычайно странную, но красивую песню на незнакомом языке?

Пребывающая в какой-то отупелой заторможенности «королева» (все еще не способная до конца поверить в неожиданно свалившееся на нее богатство) запрокинула голову,

пытаясь рассмотреть невидимые золотые нити или, на худой конец, услышать песню на незнакомом языке. Но, как и следовало ожидать, ничего не увидела и не услышала.

– Ну же... Всмотритесь внимательней, я уверен: стоит только захотеть – и вы непременно заметите слабое сияние...

«Лучше бы она не всматривалась, – подумала умудренная жизненным опытом собачка. – Дошли бы тогда себе спокойно до дворца, сделали по-быстрому все свои дела и отправились домой».

Полупьяная жрица любви старательно сощурилась, пытается рассмотреть какие-то дурацкие нити, но ничего не увидела. Однако чтобы сделать приятное своему галантному кавалеру (а также в надежде заработать еще немного денег), пробормотала:

– Золотые нити?... Как же... Вижу... Отчетливо вижу...

«Дура! – подумала про себя впечатлительная дворняга, нервно мотнув головой. – Кто тебя, спрашивается, за язык тянул?»

– И слышите? – недоверчиво-лукаво поинтересовался хитренький старичок.

– Прямо как вас. – Было очевидно, что к женщине начала возвращаться ее былая уверенность.

Крыса, с увлечением пожирившая кусок мяса, отвлеклась от своего занятия, настороженно подняв вверх остроносую морду...

Шерсть вылизывающейся кошки встала дыбом, как будто

рядом оказалась огромная собака...

Стайка потревоженных птиц вспорхнула с насиженных мест на крышах близлежащих домов и устремилась прочь от опасного места...

И...

Тысячи золотых нитей появились буквально из ниоткуда, материализовавшись над крышами домов...

Причем это была не просто огромная сеть, состоящая из золотых нитей, она излучала слабый золотистый свет, особенно красиво смотревшийся на фоне ночного неба.

– Вижу! – закричала обрадованная «королева».

– Смотрите! – начало доноситься с разных сторон.

– Смотрите вверх!

– Как красиво!..

– Чудо!..

– И вон там!..

– По всей улице!..

– А еще дальше!..

Зрелище было действительно потрясающим.

До ошеломленной жрицы любви, стоявшей с открытым ртом, задрав голову вверх, не сразу дошел смысл предложения ее спутника.

– Согласны ли вы вверить мне свою жизнь? – спросил кавалер, галантно встав на одно колено и взяв ее некрасивые руки с грязными ногтями в свои сухонькие ладошки.

«Скажи "нет"! – дворняга послала мощный импульс пря-

миком в мозг ошеломленной проститутки. – Просто скажи "нет"!!!»

– Да, – застенчиво потупившись, прошептала новоявленная королева, хотя что-то глубоко внутри подсказывало: «Нужно сказать "нет"!» – Да! Да! Да!!! – торопливо и громко повторила она, устыдившись своей непонятно откуда взявшейся скромности, а также испугавшись, что, пока она будет строить из себя недотрогу, сумасшедший богачей найдет себе какой-нибудь другой объект для женитьбы.

– И вы слышите, как золотые нити поют задорную песенку Тысяченогой Круплау: «Трам-пам-парарам, я ползу по сетям»? – настойчиво спросил дотошный старикашка.

«Последний шанс», – ни на что уже не надеясь, грустно подумала собачка.

– Слышу, все слышу! – утвердительно закивала хитрая шлюха, начинающая стремительно трезветь, с каждой секундой все более и более утверждаясь во мнении, что перед ней находится золотой телец, который сделает ее баснословно богатой. – Слышу и «трам-пам-пар... рарам». И «ползу по сетям», и Кру... с... х... ввау – со всеми ее ногами!

Дворняга начала вести себя странно – теперь она шла, приседая на всех четырех лапках, как будто разогревая мышцы...

– В общем, слышу *абсолютно все!* – полностью довольная собой, закончила «королева».

– Значит, вместе до самого конца и только смерть разлу-

чит нас? – Глаза вдохновенного старичка засияли от непритворного счастья.

– Да! – коротко кивнула женщина, чьи глаза тоже засияли от непритворного счастья.

Собачка по-быстрому сбегала к столбику, отметившись тоненькой струйкой, а затем нетерпеливо начала подпрыгивать вверх. Было очевидно, что ее нервы на пределе.

– Ну что ж... – удовлетворенно вздохнул богатый старикашка. – Все условия договора выполнены.

После чего задрал голову вверх и громко возвестил:

– Тысяченогая Круплау, мы готовы!

«Облегчиться забыли», – подумала опытная собачка, низко припадая к земле, готовая сорваться с места в любую секунду.

И сразу же вслед за последними словами высоко вверху появилась Тысяченогая Круплау, а те, кто по каким-то причинам забыли облегчиться, сделали это сразу же, не сходя с места...

Глава 3

Моей первой реакцией, когда я увидел Ранвельтильскую девственницу, был шок.

Не спорю – девственницы бывают разные. Одни подходят под это определение лучше, другие хуже, но практически всех если и не отличает целомудрие (в наше время это скорее ругательное слово, нежели хвалебное), то, по крайней мере, на них не лежит явно выраженная печать порока.

Если бы Мио Четвертый не сделал предварительное объявление по стадиону, то ничего не подозревающая публика (я и Билли) подумала бы, что ее вниманию предложили вышедшую в тираж порнозвезду.

Ну, знаете, в нашем мире существует такой вид пожилых, потрепанных дам (глубоко за сорок), называемых порноиконами. Так как ничем другим заниматься они не умеют, да по большому счету не особенно и хотят, то, словно роботы-трансформеры, продолжают трансформировать свою увядающую красоту во что-то непередаваемо тревожное. И успокаиваются только тогда, когда уже ни за какие деньги пластические хирурги не могут добавить им «свежего налета сексуальности».

Билли очухался немного быстрее, поэтому позволил себе не совсем тактичный вопрос:

– Это и есть та самая девственница?

На губах Мио заиграла тонкая понимающая улыбка, и, выдержав достаточно долгую паузу, он ответил с некоторым оттенком превосходства:

– Завидуете, что это чудо принадлежит не вам? Что ж, могу понять ваши чувства. Я и сам сходил с ума, пока нежный цветок находился в руках грязных ничтожеств!

Только сейчас я обратил внимание на то, что «нежный цветок» пребывает в несколько странном состоянии. Чисто механически опустившись в кресло и совершенно не обращая ни на кого внимания, «чудо» вытасило длинную дамскую сигарету и закурило. Необычный сладковато-пряный запах наводил на мысль, что это не табак, а нечто более «вышшенное». Не знаю, какую гадость курили наркоманы данного измерения, но, судя по стеклянным глазам-пуговицам Ранвельтильской девственницы, запрет на сильнодействующие психотропные препараты здесь не действовал.

Чем больше я смотрел на «нежный цветок», одурманивающий 'себя непонятными благовониями, тем хуже себя чувствовал. Я даже представить себе не мог, что творится в голове у ненормального Мио Четвертого. Но отдавал себе отчет: ничего хорошего там твориться не может. И если эта порнодевственница каким-то образом связана с нашей командой, то это очень зловещая связь.

У напрочь отвязного психопата Аспирина была какая-никакая, но все-таки логика. Да, он был откровенным мясником, бестрепетной рукой разделявающим на части всех, кто

оказывался в непосредственной близости. Но при всем этом его действия можно было хотя бы приблизительно спрогнозировать. Если привести сравнение из области научной фантастики, то Аспирин являлся Звездой Смерти. А Мио Четвертый...

Его можно было назвать только черной дырой – и никак иначе.

– *Если здесь наркотики не являются чем-то из ряда вон выходящим, то, может быть, можно попросить у радушного хозяина косячок?* – даже не пытаясь скрыть тревогу, предложил внутренний голос.

– *Отличная идея!* – Я ухватился за предложение, как утопающий за соломинку.

И без всякого промедления обратился к Мио:

– Вижу, что наша прекрасная дама курит изысканную сигарету. Не могли бы и мы покурить чего-нибудь подобного?

– Ах, ну что вы, право! – игриво отмахнулся радушный хозяин. – Окуривая себя вельтиновой пылью, наша прекрасная леди пребывает в транспиридуально видоизмененном темпансесе. Это требует от нее максимальной сосредоточенности и концентрации всех умственных и физических сил. К сожалению, у вас нет достаточных навыков, поэтому употребление вельтиновой пыли может привести к летальному исходу.

«Вот ведь!.. – злобно подумал я. – Значит, эта чертова девственница может пребывать в темпансесе, а я не могу».

– Транспиритуально видеоизмененном темпансцессе, – въедливо поправила меня вторая половина.

– Ты знаешь, что это такое? – Моему удивлению не было границ.

– Ну, не то чтобы знаю...

– А если не знаешь, то какого черта вмешиваешься? – Я буквально клокотал от едва сдерживаемой злобы, поэтому с удовольствием обрушился на свое второе «я».

– Если ты опять забудешься и закричишь вслух, – холодно осадило меня подсознание, – то в голову Мио Четвертого может закрасться подозрение, что кое-кто сошел с ума. А сумасшедший герой – это совершенно не то же самое, что герой, находящийся на пике формы. Или, другими словами, от него лучше как можно скорее избавиться. Лично я хотел бы посмотреть, что нам предложат сотворить с ненормальной девственницей. А не быть скормленным в качестве гарнира каким-нибудь монстровидным любимцам экстравагантного хозяина.

Внутренний голос был прав. Просто нервы совсем разболтались в последнее время. Хотя если разобраться, в этом не было ничего удивительного. Приключения в жанре «экшн» продолжались нон-стопом уже довольно давно. И каждое из этих приключений было смертельно опасным.

– Скажите, пожалуйста, – для того чтобы успокоиться и прийти в себя, я решил переключиться на тайну Ранвельтильской наркоманки, – что эта прекрасная леди пытается

обнаружить в трансспиритуально видоизмененном темпансцессе?

Я никак не ожидал, что вслед за столь невинным вопросом последует очередное «Тсс! Большая тайна!», сопровождаемое демонстрацией нижнего белья. Но именно это и произошло.

Мио Четвертый в очередной раз изогнулся, приложив палец к губам, и прошипел свое коронное «тсс!», после чего прошептал зловещим голосом:

– В трансспиритуально видоизмененном темпансцессе Ранвельтильская девственница пытается обнаружить ключ к мировому господству.

«Проклятье!» – обреченно подумал я.

«...!!!» – злобно выругался про себя Билли.

И только Компот остался безучастным, так как пребывал в блаженном беспомыслии.

Сейчас я завидовал ему так сильно, как только может завидовать здоровый, полный сил и жизненной энергии мазохист, вззирающий на своего партнера, потерявшего сознание от слишком жестоких побоев.

– Пора внести окончательную ясность в этот отвратительный балаган, – потребовал внутренний голос.

– Разве остались какие-то неясности? Девственница ищет в темпансцессе ключ к мировому господству. По-моему, здесь все настолько очевидно, что даже не о чем разговаривать. Будь это какой-нибудь примитивный дешевый ко-

микс, можно было бы даже полистать его на досуге, чтобы выяснить, нашла ли она какой-нибудь ключ или...

– Так как это не комикс, – перебил меня внутренний голос, – то нужно узнать, зачем Мио Четвертый притащил нас сюда и каким образом мы связаны с этой хронической наркоманкой.

– Н-да... Действительно.

За чередой всех мелких деталей я совершенно упустил из виду, что наша команда каким-то образом связана с обкуренной леди.

– Скажите, Мио. – Я безуспешно попытался изобразить из себя этакого ковбоя, рубаху-парня, завсегдатя салунов, любимца красивых женщин и отчаянно смелых барменов. – А зачем мы понадобились Ранвельтильской девственнице, если она и без нашего участия прекрасно справляется с пребыванием в загадочном темпансцессе?

– Как зачем? – На глаза впечатлительного хозяина навернулись вполне натуральные слезы. Было очевидно, что вопрос расстроил его до глубины души.

– С подобными молниеносными переменами в настроении его лучше не злить, – интеллигентно посоветовал внутренний голос.

– Ты сам меня подтолкнул к этому вопросу, а теперь еще и обвиняешь? – Я чуть было не захлебнулся от возмущения, но резко взял себя в руки.

Было намного важнее разобраться с колдуном, чем с соб-

ственным нестабильным подсознанием.

– Я не хотел вас обидеть, – мой голос вполне естественно дрожал (от страха неизвестности), – просто мы не знакомы с прекрасной леди и оттого не ориентируемся в обстановке.

Судя по реакции Мио, я ответил более чем удачно.

– Ах да! – Его лицо вновь озарила безумно-приветливая улыбка. – Постоянно забываю, что вы не местные и понятия не имеете о том, какое чудо предстало вашим взорам.

«Здесь куда ни плюнь, везде по чуду», – мимолетно подумал я, но не стал развивать мысль, превратившись в сгусток внимания.

Я боялся пропустить жест, слово или малейшую перемену в интонациях голоса нестабильного хозяина.

– А зачем я пригласил вас сюда?

– *Точнее будет сказать – притащил, но...*

– *Заткнись!!!*

– Все очень просто. Вам выпала огромная, ни с чем не сравнимая честь: защитить Ранвельтильскую девственницу.

– *Ха-ха!* – пронзительно звонко рассмеялась какая-то часть моей хрупкой психики (не контролируемая мной). – *Он наверняка проткнет дырку в нашем черепе и при помощи резинового шланга подсоединит к голове этой восхитительной девы».*

– *А почему резинового?* – Картина подсоединения шланга к голове настолько поразила меня, что я элементарно растерялся.

– *Чтобы во время коллективного темпансцесса не замкнуло проводку!*

Я, конечно, и раньше догадывался – он извращенец, но нет – не до такой же степени!..

– А как мы будем защищать прекрасную девушку? – В отличие от моей головы в голове Билли не царил полный хаос, поэтому он сориентировался в ситуации намного быстрее.

– Как и положено настоящим героям. – Мио Четвертый устал стоять, поэтому наконец-то избавил нас от периодического созерцания своего не в меру экстравагантного нижнего белья. – Доблестные герои защищают хрупкую девушку. Что здесь может быть непонятного?

Непонятно было абсолютно все, но нервировать психованного колдуна, страдающего резкой сменой настроений, лично мне не хотелось.

– Ясно...

Было прекрасно видно, что Билли ничего не ясно, но он тоже счел за лучшее предоставить хозяину лично порадовать гостей планом предстоящей операции.

Наверное, это что-нибудь из разряда ролевых игр серии «Подземелья и драконы», устало подумал я. Трое героев ведут прекрасную принцессу из точки А в точку В. А на них со всех сторон лезет нечисть. Так как принцесса пребывает глубоко в себе, то ничего не замечает и, соответственно, ни капельки не боится. А великолепные и мужественные герои стойко переносят все опасности и беды, доблестно отбиваясь

от толп ужасных монстров.

Разумеется, хозяин даст нам свои чудесные артефакты, которые в конечном итоге и сыграют решающую роль в удачном завершении миссии. Если абстрагироваться от реальности, то можно даже представить нечто наподобие квеста – пожить в компьютерной игре. Один такой долбаный квест я уже выполнил в Глове. И если не принимать во внимание потерю глаза, то можно сказать – там я победил и все закончилось более или менее пристойно.

– Конечно, существует определенный риск, – вывел меня из глубокой задумчивости спокойный голос Мио, – но, поверьте мне на слово, он минимален.

Никогда прежде я не видел у старины Билли таких больших, удивленных глаз.

Он переводил взгляд с хозяина на меня, а затем опять на колдуна, и было очевидно, что старый товарищ поражен до глубины души.

Я пропустил большую часть речи, поэтому не знал, что вызвало такое непомерное удивление моего друга. Но переспрашивать было не очень удобно, поэтому, чтобы хоть как-то заполнить образовавшуюся паузу, я глубокомысленно произнес:

– Определенный риск существует всегда. Можно упасть даже на ровном месте, разбив себе голову, так что...

Не зная, как закончить предложение, я в очередной раз предпочел многозначительно замолчать, предоставив себе-

седникам сделать выводы за меня.

– Н-да... Я рад, что ты так легко относишься к сложившейся ситуации. – Толстяк все еще не мог прийти в себя.

– Герой! Настоящий герой! – взвизгнул от счастья безумно обрадовавшийся Мио.

Мои внутренности скрутило в чрезвычайно болезненный узел, и я понял, что прослушал нечто очень важное, касающееся непосредственно меня. И это важное настолько поразило ко всему привыкшего Билли, что его глаза округлились, став похожими на две огромные золотые монеты.

Чтобы остановить надвигающуюся лавину паники, я протянул руку к графину с вином, наполнил до краев свой фужер и, крепко зажмурив глаза, в несколько мощных глотков осушил его до дна.

Не скажу, что алкоголь особенно успокоил меня, но, по крайней мере, теперь я был готов услышать любую, даже самую страшную правду.

– Вообще-то я не герой, а просто не до конца понял, в чем заключается смысл миссии. – Если голос и прерывался от волнения, то, по крайней мере, это было не слишком заметно.

– Не понял?! – И без того большие глаза Билли распахнулись еще шире. – А что здесь вообще можно не понять? Все просто и предельно ясно.

– Ясно-то ясно, – нерешительно протянул я, все еще не зная, как бы потактичнее выведать интересующую меня ин-

формацию. – Но не совсем.

– Может, выпьешь еще? – Наверное, старый друг догадался, что я пропустил большую часть разговора, поэтому предоставил мне шанс «принять обезболивающее».

Вино было превосходное, а мое горло неожиданно пересохло от жажды. Как будто я больше недели полз по раскаленному песку знойной пустыни. Поэтому, жадно выпив подряд два бокала, я коротко кивнул, всем своим видом выражая готовность услышать любые новости.

Как выяснилось, пары фужеров было явно недостаточно. По-хорошему, нужно было выпить не меньше пяти. А еще лучше – покурить вельтиновой пыльцы, чтобы занырнуть в трансспиритуально видоизмененный темпанцесс и оставаться там до тех пор, пока не найду ключ к мировому господству или...

А впрочем, все это уже совершенно не важно. Главное, что я понял после короткого, но достаточно яркого рассказа Билли: *мне абзац.*

Полный, законченный и беспросветный.

За последнее время я повидал немало извращенцев и психопатов, но нестабильный Мио Четвертый переплюнул их всех. То, что он задумал сделать со мной, не лезло совершенно ни в какие ворота. Хотя истины ради стоит отметить, что ворота как раз и являлись ключом ко всему.

– .....! – злобно прохрипел я, обращаясь к Мио, после того как узнал, что мне предстоит. – Хочешь получить на-

стоящего героя? – Мой рот растянулся в нехорошей кривой усмешке. – Тогда давай поиграем в «русскую рулетку».

На столике лежал небольшой нож для фруктов. Не сказать, чтобы он был похож на орудие убийства, но я и не собирался никого убивать.

– Сейчас мы посмотрим, повезет тебе или нет!

Я еще успел заметить, как и без того большие глаза Билли стали просто неприлично огромными, почти как у совы, а затем с пьяно-обреченной решимостью левой рукой схватился за собственное ухо, оттянув его насколько возможно, а правой со всей силы полоснул по нему ножом.

Если я все еще ношу в себе «Растворитель миров», сейчас это измерение схлопнется в точку. А если нет – меня навсегда перестанут преследовать больные колдуны-психопаты.

Пятьдесят на пятьдесят...

Русская рулетка с барабаном на два патрона – одна камора заряжена, другая – нет...

Всё или ничего...

Пан или пропал...

Мозги навывлет, или вся грудь в орденах...

Все по-честному...

Кроме самой игры...

Этой гребаной дерьмовой игры без каких бы то ни было правил...

Тысяченогая Круплау была отдаленно похожа на огромного – размером со слона – паука о тысяче лап. Если бы не прозрачное обвисшее брюхо, какие-то отвратительные наросты на голове, множество конечностей и вполне разумные, чуть ли не человеческие глаза (восемь штук на правой стороне головы и девять на левой), то ее можно было бы назвать большим пауком (или паучихой). Но перечисленные признаки не позволяли этого сделать. Так что Тысяченогая Круплау была попросту здоровенным отвратительным чудовищем, которое висело вниз головой, уцепившись за золотые нити всеми своими бесчисленными лапами.

Было не очень понятно, каким образом эту огромную массу выдерживает тонкая паутина. Но те, кто оказался в непосредственной близости от монстра, вряд ли интересовались такими незначительными деталями. По большому счету в их головах пульсировала одна-единственная мысль: «Бежать!»

Бежать как можно скорее, чтобы оказаться как можно дальше от чудовища.

– Ну не правда ли, хороша! – В глазах веселого старичка блеснула лукавая искорка, и от полноты чувств он ущипнул свою «королеву» за толстый бок.

– Хороша-а? – Переполненные ужасом глаза проститутки

наконец оторвались от созерцания мерзкой твари и переместились вправо, где находился ее кавалер.

Крутящаяся у ног хозяина собачка в нетерпении подпрыгнула, всем своим видом как бы призывая бежать...

– Крошка Круплау сегодня особенно хороша, – никак не мог налюбоваться на мерзкую гадину странный старик. – Правда, одного глаза не хватает, но его отсутствие не слишком портит общую картину. Ей понадобится минута или две, чтобы полностью трансформироваться в этом мире, так что у нас имеется небольшая фора...

«По-бе-жа-ли!!!» – Пасть собачки открылась четыре раза, но ни одного звука не вырвалось наружу, поэтому призыв так и остался неслышанным.

– Одного глаза? – Женщине, в чьем декольте лежало несколько полновесных золотых монет, показалось, что она видит страшный сон.

Видимо, она просто напилась и валяется где-нибудь в грязной луже, видя отвратительный кошмар. Стоит только очень захотеть – и можно проснуться. И пускай пропадет и все золото, и богатый старикашка, предлагавший ей руку и сердце. Главное, чтобы наверху, прямо над головой не маячила чудовищная туша.

– В прошлом забеге Круплау лишилась одного глаза, – охотно пояснил старичок.

– Так вы... что... с ней... – пораженная до глубины души женщина сделала неопределенный взмах рукой, который

можно было интерпретировать как угодно, – все время бега-ете?

Собачка перестала суетливо подпрыгивать, вскинула умную морду вверх и посмотрела прямо в глаза глупой шлюхе.

Женщине показалось, что у нее в голове очень явственно прозвучало: «Какой идиот будет все время бегать от Круплау?» Но, скорее всего, это была просто игра расшалившегося воображения.

– Разумеется, нет, – легко и раскованно рассмеялся старичок, одновременно небрежно отступив чуть в сторону и уступив дорогу бегущей со всех ног цветочнице.

Не разбирающая пути женщина промчалась мимо, оставив за собой длинный шлейф выпавших из корзины цветов...

– Мы устраиваем соревнования лишь периодически.

– Ах, периодически, – понимающе кивнула жрица любви, все еще не до конца уверенная, сон это или нет.

Все органы чувств однозначно говорили – вокруг кипит самая что ни на есть настоящая жизнь. Но ситуация складывалась какая-то ненормальная, и оттого казалось, что прямо сейчас запоют петухи, возвещая близкий рассвет и неизбежное пробуждение.

Галантный кавалер нагнулся, подобрал пару цветков и протянул их своей «избраннице».

– Подзадержались мы уже, – мягко произнес он, протягивая импровизированный букет ошеломленной путане. – По-

ра начинать убегать, а то с Круплау, знаете ли, шутки плохи. Догонит – мокрого места не оставит. Мы с ней всерьез играем, без всяких дураков. Так что, если не успеешь унести ноги – конец.

«Какие могут быть «дураки» с бешеной многолапой самкой, – все больше и больше нервничая, подумала дворняга. – Поймает, вырвет с корнем ноги и прицепит их к своему необъятному брюху в качестве трофея».

Ей явно не терпелось сорваться с места в карьер, присоединившись к людскому потоку, бегущему не разбирая дороги. Но хозяин продолжал уговаривать эту толстую глупую корову, поэтому приходилось ждать.

– Ну же, моя королева, – старичок мягко потянул за руку свою «избранницу», – давайте начинать двигаться. Иначе будет поздно.

Наверное, в голове ошеломленной проститутки наконец-то сработал инстинкт самосохранения или что-нибудь подобное. Ничем иным невозможно объяснить то обстоятельство, что она так легко поддалась на уговоры ухажера, взяв с места в карьер.

– Не так быстро, дорогая! – Бегущий рядом старичок, как ни странно, не сбивался с дыхания и говорил совершенно спокойно. Будто и не бежал вовсе, а мило беседовал, небрежно развалившись на удобной кровати. – Убегать нам предстоит долго, а значит, нужно экономить силы. Мы с вами в некотором роде единое целое, так как, согласившись ввернуть

жизнь в мои руки, вы до конца гонки скреплены со мной неразрывным закланием.

Из всего сказанного совершенно обалдевшая от ужаса пугана уяснила только одно – она попала в какую-то жутко идиотскую историю и все это не может происходить на самом деле. А раз так, значит, она все-таки спит. Лежит вдрызг пьяная в какой-нибудь мерзкой луже отходов и, словно глупая собачонка, подрыгивает во сне ножками, пытаясь убежать от несуществующей опасности.

Да, она была, что называется, падшей женщиной, и расцвет ее юности давно миновал. А по большому счету и лучшие годы остались в прошлом. Случались и казусы с пьяным валянием в лужах. Но одно дело – просто заснуть под забором (с кем, как говорится, не бывает), и совершенно другое – при этом по-дурацки дрыгать ногами.

Нет-нет! На подобный расклад она была категорически не согласна. Ни больше ни меньше, а именно ка-те-го-ри-че-ски!

Все-таки она не настолько низко пала, чтобы сучить ногами во сне!

Дородная женщина остановилась как вкопанная, чуть было не упав, оттого что спутник резко дернул ее за руку. Но, к счастью, ее масса была намного больше, чем у тщедушного старикашки, поэтому все обошлось. Гордая каравелла бросила якорь и не собиралась больше никуда плыть или бежать.

– Что хотите со мной делайте, а я больше никуда не побе-

гу! – гордо произнесла «королева», для пущей убедительности подперев свободной рукой более чем упитанный бок.

– Гав... Гав... Гррррав! – выругалась вслух вынужденная остановиться дворняга.

– Кххрр-а-ау!!! – донесся сверху торжествующий рев монстра.

И если до этого момента кто-то мог не понять, почему эту тысячелапую гадину называли Круплау, то отныне все стало предельно ясно.

– Дорогая!.. – Старичок пытался оставаться предельно вежливым, но было очевидно, что он с трудом сдерживается.

– Кхху-ур-ра-а-у-у! – не переставало реветь чудовище, предчувствуя близость победы...

– Признаюсь честно, ваша реакция меня слегка удивила. Скажу более – я поражен до глубины души. Но сейчас совершенно неподходящее время для психоанализа или нелепых капризов, поэтому давайте-ка я осыплю вас золотом, – свободная рука проворно нырнула в карман, вытащив на свет очередную пригоршню, – а вы уважите старика и немного пробежитесь.

– Ккхху-урра-ау-у! – не умолкала Круплау, предвкушая скорый и неизбежный реванш за потерянный глаз.

– Ха-ха-ха! – издевательски засмеялась шлюха. – Меня не купить за золото! Для порядочной женщины честь превыше всего!

И для того чтобы подтвердить безусловную искренность

душевного порыва, она засунула руку в свое необъятное декольте, вытащила все золотые монеты, которые там были, и с презрением кинула их на землю.

Это было достаточно смелое и необычное заявление. Особенно если учесть, что прозвучало оно из уст проститутки, зарабатывающей на жизнь исключительно торговлей своим давно не молодым телом.

Впрочем, слова – это всего лишь сотрясение воздуха, не более. Их можно при желании интерпретировать как угодно. Но выкинутые деньги... Это было уже абсолютно серьезно.

Ни старичок, ни тем более его четвероногий любимец не догадывались: женщина не отдает себе отчета, что вокруг нее – жестокая реальность, а не пьяный кошмар. И поэтому данное заявление повергло их в кратковременный шок.

Несчастных можно понять: не каждый день падшие женщины разбрасываются деньгами и кричат о том, что честь для них превыше всего.

«Вот попали так попали!» – с испугом подумала собачка, едва ли не впервые в жизни столкнувшись с человеком, который не уступал в безумии ее напрочь разрегулированному хозяину.

– Гхм-гхм, – закашлялся от волнения пожилой любитель авантюры, не в силах найти какой-нибудь пристойный ответ на сумасшедшее заявление дородной путаны.

– Ккхху-урра-ау-у! – взвыло чудовище уже прямо над головой и сделало первый заход, выкинув из брюха сгусток бе-

лесой клейкой субстанции размером с огромный арбуз.

Отвратительный снаряд взорвался метрах в двадцати от застывшей в нерешительности компании, раскидав в разные стороны клейкую массу.

«Если завяжем в этой гадости, – отстранение подумала собачка, – нам конец».

Дворняга не боялась смерти. И в смерти для нее была отрада – ведь только она приносит забвение.

Но Круплау предлагала не забвение, а скорее нечто наподобие вечной пытки, обязательным элементом которой было медленное отрывание (с последующим приклеиванием) ног. Именно поэтому хозяину дворняги так нравилось устраивать забеги с отвратительным чудовищем. Подобное мероприятие приятно щекотало старичку нервы, но в то же время постоянно пугало его питомца. До последнего времени беглецам неизменно везло, но эта сумасшедшая «королева шлюх» неожиданно спутала все карты. И теперь они оказались в чрезвычайно неприятной ситуации, потому что рука старичка была скована заклятием с рукой дородной идиотки, а убежать без господина в силу определенных причин собачка не могла.

– Кккхху-урррау!!! – Тысяченогая гадина уже не сомневалась, что на этот раз добыче не уйти.

– Сделай ей больно! – отрывисто приказал хозяин своему четвероногому любимцу. – Но не слишком увлекайся.

Умная дворняга задрала голову вверх, вперившись взгля-

дом в лицо «порядочной женщины».

Мгновение спустя жрица любви почувствовала, что ее голова раскалывается от страшной боли. Создавалось впечатление, что кто-то сильный и злой подкрался сзади, ударив одновременно обеими руками по ушам.

– А-а-а! – в беззвучном крике открылся было рот проститутки, но боль схлынула так же неожиданно, как и пришла.

– Беги – или тебе будет в тысячу раз больнее, – жестко приказал старик, от былой веселости которого не осталось и следа.

Теперь его некогда лукавые глаза напоминали бездонные провалы заброшенных шахт, в глубине которых таится нечто ужасное.

«Сон это или не сон, – пронеслось в воспаленном сознании женщины, – но боль-то вполне настоящая».

Одновременно с этой мыслью она наконец побежала, увлекая за собой сумасшедшего кавалера и его странную собачонку.

Впереди лежали пять веселых кварталов, жизнь была наполнена массой эмоций и свежих впечатлений, а прямо над головой не переставая выла ужасная тварь.

Глава 4

Как ни печально, но мне не удалось отрезать собственное ухо. Да. Несмотря на горячее желание, благоприятные условия и даже наличие достаточно острого ножа, ухо осталось на месте.

– Bravo! – громко захлопал в ладоши не на шутку развеселившийся хозяин.

Что интересно – на сей раз Мио Четвертый выглядел совершенно естественно. Или до этого он постоянно притворялся, или мое спонтанное решение пожертвовать собственным ухом вызвало в его извращенном сознании прилив светлых чувств.

– Ты себе мозги, случаем, не повредил? – Неожиданный вопрос Билли вывел меня из оцепенения, в котором я находился последние секунд тридцать.

– Уверенно сказать не могу, – честно признался я.

– Вот и мне кажется, если рукоятка ножа торчит из головы, а лезвия не видно, то мозги повреждены.

Чувствуя себя скорее испорченным автоматом, нежели живым человеком, я с трудом протянул руку к графину с вином и налил себе полный бокал. Затем судорожно его выпил – и только после всего этого осмелел настолько, что смог протянуть руку к тому месту, где находился нож.

Старый товарищ оказался прав. Из головы действительно

торчала рукоятка ножа, а лезвие...

С ним возникали определенные проблемы, потому что я не чувствовал его ни в своей голове ни тем более в мозгах.

– ...! – пораженный до глубины души, воскликнул я.

– То-то и оно, – сочувственно согласился Билли. – Самый что ни на есть настоящий ...!

– А куда подевался нож? – спросил я, повернувшись всем телом к Мио Четвертому.

При этом я наверняка выглядел не намного лучше его любимой Ранвельтильской девственницы. И если еще не был пьян, то находился достаточно близко к этому состоянию.

– Попробуй угадать, – кокетливо предложил «милый сельчак».

Когда у вас из головы торчит рукоятка самого что ни на есть настоящего ножа, то игра в угадайку не доставляет такой радости, какую могла бы доставить при любом другом раскладе.

– Не могу. – Одной рукой я сделал неопределенный жест в воздухе, означающий нечто среднее между «как меня все достало» и «будьте вы прокляты», а второй попытался вытащить нож из головы.

Но выполнить задуманное не удалось – оружие застряло намертво.

– Могу дать небольшую подсказку.

– Согласен, – пьяно кивнул я, одновременно задейство-

вав «Око скорпиона»⁹, для того чтобы выявить смертельные точки ненавистного колдуна.

Я был уже в достаточной мере пьян, чтобы решиться на силовую акцию.

– Это д... – весело-игриво начал Мио.

Он мог быть каким угодно сильным волшебником, но смертельных точек у него было столько же, сколько и у обычного человека. И располагались они точно так же – голова, шея, сердце, брюшная полость.

– Де... – он все еще продолжал улыбаться, считая происходящее простой игрой и даже не подозревая, что я взял графин вовсе не случайно.

– Дев...

Нетвердой походкой я направился к ненавистному извращенцу, в одной руке сжимая увесистый хрустальный графин, а в другой – пустой фужер...

– *Советую изобразить пьяное падение, – откуда-то изда- лека пробился голос моего вечного спутника. – Если поку- шение сорвется, всегда можно сослаться на слишком креп- кое вино, ослабевшие ноги, нож в голове и еще какую-нибудь чушь в этом же роде.*

– *На этот раз я буду честен до конца и не позволю тебе склонить меня к позорному малодушию!*

---

⁹ В романе «Принц фальшивых героев» колдун по имени Зоул подарил главно- му герою магический трансплантат «Око скорпиона» взамен выбитого сосулькой глаза. Отличительным свойством этой чудесной вещи была возможность видеть смертельные точки – зоны поражения, попадания в которые приводят к смерти.

– Де-ве... – Мио Четвертый находился уже в полурылке от финишной черты, а его враг напряг руку, сжимающую оружие убийства, и...

– Де-ве-ствен-ница! – возбужденно произнес Билли, совершенно забывший, что мы находимся здесь не с целью решать шарады и отгадывать кроссворды, а для того...

– А вот и неправильно! Это не «девственница», а «девальтированная пулилизация»!

При звуке этого страшного словосочетания перед моими глазами промелькнула ужасная картина сырых подземелий Цтинкла, замогильно кошмарный Антопц, облезло веселый Зоул и огромный голем, бьющий кувалдой по моей многострадальной голове.

Совершенно не удивительно, что калейдоскоп ужасов вывел меня из равновесия как в прямом, так и переносном смысле. Тело неожиданно повело в сторону, пол закачался, а перед глазами замельтешили самые что ни на есть натуральные цветные пятна. Графин, выскользнувший из ослабевшей руки, с пронзительным грохотом разбился об пол, а сам я со всего размаха рухнул к ногам Ранвельтильской девственницы.

Более глупого и постыдного фиаско невозможно было представить.

– Все пропало! – истерично воскликнул я, с трудом удерживаясь, чтобы не разрыдаться, при этом дурацкая рукоятка ножа по-прежнему торчала из моей несчастной головы. –

Все безнадежно пропало!

Если бы я не был так мертвецки пьян, то последующие события наверняка поразили бы меня до глубины души. Но убойная доза алкоголя, игра в «русскую рулетку», неудавшееся покушение на жизнь Мио Четвертого, чудовищный стресс и упоминание о девельтипированной пулификации сделали свое черное дело: я перестал удивляться чему бы то ни было.

И меня ничуть не взволновало то, что молчаливо-неподвижный манекен, именуемый Ранвельтильской девственницей, качнулся вперед, протянул руку к ножу, торчащему из моей головы, крепко ухватился за рукоять и бесцветно-тусклым голосом произнес:

– Ключ к мировому господству лежит в...

– Убери руки от моей головы, милочка! – тоном, не допускающим возражений, приказал я. – В противном случае этот ключ окажется в...

– Ее нельзя прерывать!!! – раздался полузадушенный хрип откуда-то сбоку. – Во время транспиритуально видоизмененного темпансенса медиума нельзя прерывать!

Я перевел мутный взгляд в сторону голоса – и увидел Мио Четвертого. Колдун выглядел просто ужасно. Он был не просто огорчен – он был раздавлен, расплющен, раскатан в лепешку и безжалостно изжеван до такой степени, что таял прямо на глазах пораженной публики.

– У него сердце остановилось, – совершенно обыденным

тоном, как будто речь шла о само собой разумеющейся вещи, сообщило мое подсознание. – *Если «Око скорпиона» по-прежнему работает как надо, то получается, что из смертельных точек на теле колдуна осталась одна голова.*

– *У меня тоже,* – так же спокойно, в тон внутреннему голосу отозвался я.

– *Что – тоже?*

– *У меня ТОЖЕ ОСТАНОВИЛОСЬ СЕРДЦЕ.*

– *Ты уверен?*

– *Абсолютно.*

– *Значит, мы умираем?*

– *Выходит, что так.*

– *Тогда почему ты настолько спокоен?*

– *Я просто устал и напился.*

– А как же... – хотело было спросить мое второе «я», но не успело.

Пьяный кошмар наконец закончился, и на смену ему пришло благословенное забвение...

* * *

Паника – вещь опасная. Особенно когда речь заходит о нешироких городских улицах, заполненных неторопливо прогуливающейся публикой. Минуту назад люди спокойно

гуляли, чем-то напоминая плавное, неторопливое течение тихой равнинной речки. А в следующее мгновение стремительно понеслись, сметая и круша все на своем пути, словно бурный горный поток, вышедший из берегов в сезон таяния ледников.

Впрочем, если принять во внимание огромную жуткую тварь, висящую над головами несчастных, то нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство горожан насмерть перепугались.

Старик, проститутка и маленькая собачка побежали не сразу. Минута с небольшим ушла на то, чтобы убедить жрицу любви забыть о своей мнимой чести. И только после того, как недоразумение было улажено, неразлучная тройца помчалась вслед за остальными участниками «веселых стартов», пытаясь настигнуть общую массу людей. Бежать в гордом одиночестве, с одной стороны, не так опасно, как в толпе (не затопчут), а с другой – преследующий хищник отлично видит цель.

Тысяченогая Круплау была уверена, что беглецам не уйти. Они потеряли слишком много времени на старте, лишившись единственного своего преимущества – двухминутной форы, и теперь их судьба была предрешена.

«Подлая тварь решила поиграть, – поняла маленькая собачка, после того как впереди по ходу движения взорвалась еще пара клейких снарядов. – Она всегда целилась только в нас, потому что мы опережали ее. А теперь Круплау на-

ходится почти над головой, но не расстреливает нас в упор, а умышленно затрудняет нам продвижение. Наслаждается своим звездным часом, явно желая продлить его как можно дольше. И только после того, как вдоволь наиграется, с чувством, толком и расстановкой оторвет наши лапы и ноги».

«Какой позор! – не переставала сокрушаться про себя бегущая проститутка, до сих пор свято уверенная в том, что происходящее вокруг – не более чем пьяный кошмар. – Валиться под забором и сучить ногами во сне – ничего хуже придумать просто невозможно!»

Если бы она спросила мнение своего престарелого кавалера, то он наверняка бы придумал много вариантов, по сравнению с которыми пьяное забытие показалось бы очень даже пристойным времяпрепровождением. Старичок вообще по натуре был большим выдумщиком. Но в данный момент его не интересовали никакие измышления, потому что он тоже понял – Круплау просто играет со своими жертвами.

Самым же скверным было то, что старик знал про отвратительную тварь нечто такое, о чем даже не подозревала его собачка. И по сравнению с этим вечная пытка с отрыванием и последующим приклеиванием ног выглядела не более чем детской забавой не в меру жестокого ребенка.

Чтобы обогнуть клейкую лужу, беглецам пришлось принять резко вправо к стенам домов. В этом не было бы ничего страшного, не прегради им путь брошенный лоток уличного торговца, выглядевший как небольшая тележка на колесах.

Один человек мог спокойно пробежать между стеной и лотком, но у двоих могли возникнуть проблемы с преодолением неожиданного препятствия.

«Сейчас застрянем», – промелькнула тревожная мысль в голове бегущей дворняги.

– Кхрау!!! – торжествующе закричала тысяченогая тварь.

«Если высоко подпрыгнуть, можно не только перелететь эту жалкую телегу, но и взмыть в небо гордой птицей, – отстранение подумала женщина. – Придется тащить за собой привязавшегося ухажера, но во мне достаточно сил, чтобы...»

К счастью для всех троих, ее фантастическому желанию не суждено было сбыться. Старичок взял инициативу на себя и, вырвавшись на полкорпуса вперед, коротко, без замаха ударил ногой по лотку...

Тяжелая деревянная конструкция, набитая раскрашенными глиняными игрушками и сувенирами, взмыла вверх, будто ее пнула нога гиганта, а не тщедушного человека. Брызнули в разные стороны разлетающиеся поделки, а сама тележка пролетела около двадцати метров, врезавшись в стену дома. Сила удара была настолько велика, что лоток развалился на части, разметав по сторонам сломанные доски и осколки глиняных черепков.

«Неплохая концентрация, – мимоходом отметила собачка, – любой смертный мог бы сотворить нечто подобное без помощи какой-либо магии, если бы научился правиль-

но бить. Правда, для этого понадобилось бы несколько жизней...»

Путь был свободен, а собиравшаяся взлететь путана отбросила свои нелепые фантазии, сконцентрировавшись на беге. Ее опять начало терзать подозрение, что весь этот кошмар происходит на самом деле. Она не могла точно сказать, откуда взялись глупые мысли, но по большому счету это было не так уж и важно. Сначала нужно было оторваться от огромной гадины, а уж потом в спокойной обстановке можно будет разобраться, сон это или явь.

Странная троица продолжала бежать, огибая препятствия из огромных клейких луж, но было очевидно, что шансов уйти у них нет. Все больше и больше пространства по ходу движения было заполнено отвратительным белесым клейстером. Миновав половину квартала, беглецы увидели первых жертв «бомбардировки», плотно завязнувших в клейкой массе. Люди отчаянно старались вырваться из кошмарного плена, но это было невозможно. Фирменное блюдо тысяченогой Круплау прочно удерживало своих жертв в бесчувственно-холодных объятиях.

«Ее терпения хватит от силы на пару кварталов, не более», – со страхом подумала маленькая собачка, имея в виду, что огромной охотнице скоро наскучит ее забава – и тогда парой точных выстрелов она покончит с беззащитной добычей.

На самом деле смышленная дворняга ошибалась – чудови-

цу уже и сейчас наскучила гонка и максимум, на что хватило бы ее терпения, – половина квартала. Круплау полагала, что намного приятнее развлекаться с пленниками в сырой темной пещере, находящейся вне пределов этой реальности, чем напрягаться и бегать за ними по огромному городу, полному разного рода сюрпризов и неожиданностей.

В голове огромной твари уже окончательно оформилось решение «брать» беглецов, но в этот момент произошло чрезвычайно неприятное событие, спутавшее карты безжалостного монстра.

Сарлон – столица объединившихся измерений. И пускай это чисто номинальный титул, полученный исключительно в силу удачного месторасположения города, пронизанного энергетическими потоками различной силы и направленности, да и сами измерения входили в альянс только на бумаге, – однако, как бы там ни было, огромный город являлся местом паломничества всевозможных существ из всевозможных миров. И нет ничего удивительного, что здесь попадались не только торговцы, ремесленники и простые обыватели, но и маги.

Один из таких магов был застигнут врасплох клейким снарядом Круплау. Это был достаточно могущественный колдун, и ему не понадобилось слишком много времени, чтобы понять – освободиться из плена не удастся. Чудовище явно принадлежало к измерениям, лежащим за гранью Хаоса, и обладало совершенно специфическими умениями,

на которые не распространялось действие обычной магии. Но какими бы умениями ни обладала мерзкая тварь, ее чары должны исчезнуть с ее смертью. Данное правило распространяется на все без исключения миры. Поэтому достаточно просто уничтожить чудовище и продолжить веселиться как ни в чем не бывало.

Огромный прозрачный живот, переполненный отвратительной клейкой массой, находился как раз над головой мага, когда, сотворив мощное заклинание, колдун швырнул его вверх. Не было ни огненного шара, ни яркой вспышки молнии, ни прочих дешевых эффектов, рассчитанных в основном на непритязательную публику. Все было гораздо проще, но в то же время действеннее.

Удар сжатым воздухом был настолько мощным, что пробил огромную дыру в брюхе чудовища. В звездное небо выплеснулся фонтан белой жидкости. Чем-то это было похоже на струю воды, выбрасываемую в воздух китами, только намного больше...

В очередной раз подняв голову, чтобы посмотреть на охотницу, смышленная дворняга увидела, что в брюхе мерзкой твари образовалась дыра огромных размеров, сквозь которую было отчетливо видно звездное небо.

«Это наш шанс!» – радостно встрепенулась собачка, уже потерявшая всякую надежду.

А затем окрестности огласил дикий вой: в нем смешались неукротимая ярость взбешенного хищника, у которого вы-

рвали из лап законную жертву, и отчаяние смертельно раненного зверя, так и не смирившегося с неизбежным.

– Идиот, – презрительно бросил на ходу старичок, пробегая мимо завязшего в клейком растворе волшебника. – Нужно было выжечь ей глаза!

Магу нанесли серьезное оскорбление, назвав идиотом. В другое время и в другой ситуации он наверняка бы жестоко отомстил наглецу. Но что взять с насмерть перепуганного старикашки-деревенщины, потерявшего разум от страха?

Правильно – ничего. Губы мага сложились в презрительную усмешку, а глаза продолжали наблюдать за смертельно раненной тварью.

Вот передние лапы оторвались от паутины, а голова неестественно провисла вниз. Какое-то мгновение казалось, что чудовище сможет удержаться, но мощная судорога сотрясла тело – и оторвались средние лапы. Огромная туша начала стремительно падать вниз, разбрызгивая в стороны отвратительную клейкую жидкость из пробитого насквозь брюха. Казалось, уже ничто не способно предотвратить окончательное падение, но, как ни странно, Круплау нашла в себе силы удержаться на паутине парой десятков задних конечностей. Каким образом столь ничтожное количество лап смогло выдержать такую внушительную массу, оставалось загадкой. Впрочем, для главных действующих лиц драмы этот вопрос не имел решающего значения.

Презрительная усмешка все еще блуждала на лице само-

уверенного мага, одним мощным ударом разделавшегося с чудовищем. А само чудовище безвольно висело вниз головой, фонтанируя всплесками белой жидкости, толчками покидающей брюхо. Создавалось впечатление, что битва завершена, но это было далеко не так.

По большому счету все еще только начиналось. Только, кроме Круплау и веселого старичка, об этом никто не догадывался.

Семнадцать глаз жуткого монстра широко распахнулись, обратив взор на презренного человечешку, посмеявшегося встать на пути порождения Хаоса.

Он гордо стоял, улыбаясь одному ему известным мыслям. И, судя по самодовольному виду, считал себя победителем.

«Идиот, нужно было выжечь ей глаза!» – неожиданно всплыла в памяти человека фраза, оброненная на бегу «деревенщиной».

– Нужно было выжечь ей глаза, – беззвучно прошептали неожиданно пересохшие губы, а предчувствие чего-то по-настоящему ужасного стремительной лавиной обрушилось на сознание. – Нет, не может быть... – попытался отогнать от себя дурные мысли волшебник, чья презрительная усмешка смазалась в некое подобие недоуменной гримасы.

– Кккхху-урр-рау!!! – победно взревела тысяченогая тварь, выбросив из лапы тонкую нить в направлении ненавистного врага. – Кккхху-урр-рау!!! – продолжал реветь монстр, резко дернув нить на себя сразу же вслед за тем, как

та достигла клейкой лужи, где завяз презренный червь, посмевавшийся поднять руку на великую Круплау.

Комок липкой слизи оторвался от земли и за долю секунды долетел до огромной пасти.

Глухо щелкнули сомкнувшиеся челюсти – и человек, еще совсем недавно считавший себя безусловным победителем, оказался съеденным невероятно живучим монстром.

Но Круплау не была бы сама собой, если бы позволила своему врагу так легко умереть. Нет, она не разорвала его плоть огромными клыками на тысячу мелких кусков, а только слегка проколола ногу, впрыснув парализующий яд. После чего протолкнула человека в специальный мешок за щекой, в котором было удобно складывать все, что угодно. Начиная от кусков непережеванной пищи и заканчивая телами личных врагов.

А пробитое навывлет брюхо оказалось залито белесой клейкой жидкостью. Если бы это была кровь, то она, скорее всего, вытекла бы вся до единой капли из такой огромной сквозной дыры. Но порождение Хаоса вообще не имело крови. А белая жижа очень быстро застыла, и сквозная рана покрылась наростом – нечто наподобие застывшей сосульки, облепившей трубу водостока.

Грузная туша резко дернулась вверх, и тысячи ног опять уцепились за нити золотой паутины.

Огромная пасть открылась для того, чтобы извергнуть из своих недр леденящий душу рев, но в последний момент чу-

довище передумало. Молчаливая тварь, быстро-быстро перебирая всеми своими бесчисленными лапами, устремилась вслед за добычей. Сегодня они наконец поставят финальную точку в затянувшемся противостоянии.

А затем...

Вечность – достаточно внушительный срок, чтобы жестоко пожалеть о совершенных когда-либо глупостях. Особенно шутникам, решившим посмеяться над великой и ужасной Круплау...

И что самое интересное – чудовище не ошиблось в своих прогнозах. Этот забег действительно оказался самым последним.

Глава 5

«К-куда меня занесло?» – удивленно подумал я, после того как пришел в себя.

Вокруг были только непроглядный туман да промозглая сырость. Под ногами хлюпала какая-то непонятная отвратительная жижа, и создавалось впечатление, что босые ноги ведут меня на край света.

Как я попал сюда и почему очнулся бредущим неизвестно куда, оставалось загадкой только до тех пор, пока я не осмотрелся вокруг и не заметил рядом с собой Мио Четвертого.

– Идем спасать девственницу? – не очень-то дружелюбно поинтересовался я, сразу же возненавидев всех девственниц мира, вместе взятых.

– Нет. – Судя по пасмурному виду сумасшедшего колдуна, он оставил свое хорошее настроение дома.

– Тогда куда так торопимся?

– Ты жить хочешь? – вместо ответа спросил Мио.

– А я что, все еще жив?

– Чисто технически – пожалуй, нет. Я настолько замедлил твое сердцебиение, что сейчас ты напоминаешь скорее вмерзшего в глыбу льда медведя, чем нормального человека. По-хорошему, нужно было совсем его остановить. Но я не рискнул это сделать по той простой причине, что «Растворитель миров» сработает, как только твои жизненные процес-

сы полностью останоятся.

– А он точно во мне?

Просто так идти по какой-то отвратительно холодной грязи, да еще и босиком, было очень неприятно. Поэтому я как мог развлекал себя светской беседой, попутно узнавая массу интересных подробностей.

– Пятьдесят на пятьдесят, – хмуро отозвался Мио. И после непродолжительного раздумья добавил: – Узнаешь об этом, когда верну тебя домой.

– Во дворец Фромпа? – Мне как-то слабо верилось, что ненормальный колдун переправит меня к маме с папой.

– Точно.

– Кстати, о прыжках между измерениями... – Я вспомнил, что этот вопрос вертелся у меня в голове с тех самых пор, как я попал в гости к Мио, но все забывал спросить. – Если разница во времени между вашим измерением и Сарлоном настолько существенна, то как удалось доставить нашу команду точно в назначенный срок?

– Вы прибыли на три недели раньше, – отмахнулся как от чего-то совершенно несущественного мой собеседник, – все остальное было делом техники: забросить вас на три секунды в Умрап и вернуть обратно как раз вовремя.

Все эти перемещения между измерениями, в большинстве из которых время текло по-разному, были достаточно сложными и запутанными. Но если отбросить в сторону массу непонятных деталей, то в целом картина выглядела более

или менее понятной.

– Значит, прелты попытались нас захватить, а когда у наемников ничего не получилось, то на сцену вышел повелитель иллюзий?

– Да.

– А кто такие полуангелы-полудемоны, охотящиеся за кровью героев?

– Понятия не имею, – небрежно пожал плечами Мио. – Каких только сумасшедших не встретишь в бесконечном множестве измерений.

«Это точно, – мысленно согласился я со своим спутником, – безумцев везде более чем достаточно».

– А нож в голове? – Надо было пользоваться моментом, пока Мио находился в благодушном настроении, чтобы узнать ответы на все интересующие меня вопросы.

– После девельтипированной пулификации...

– Экстремально девельтипированной пулификации, – тактично поправил я.

– Ну да, – легко согласился он, как будто не видел никакой разницы между экстремальной и простой пулификацией, – после экстремальной пулификации твое ухо перестало быть простым органом слуха.

– А нельзя ли поконкретнее? – как можно мягче попросил я.

– Поконкретнее не получится, потому что никто не знает точно, во что превратилось твое ухо. Известно только од-

но – оно странное и вдобавок обладает массой удивительных свойств. Где торчит лезвие ножа, которым ты собрался отрезать ухо, не знает никто. Может быть, в другом мире или...

Он замолчал, пытаясь представить, куда могло занести это злосчастное лезвие, но, вероятно, не смог придумать ничего подходящего.

Чтобы заполнить образовавшуюся паузу, я задал еще один вопрос:

– Значит, вытащить нож нельзя?

– Скорее всего, так.

– А утопить рукоять в ухе?

Мысль о прогулках с ножом, торчащим из головы, меня совершенно не радовала. Мало того что вместо выбитого глаза в моей глазнице сидел отвратительный скорпион, так плюс ко всему эта идиотская рукоять, торчащая из головы. Получался наполовину укомплектованный набор Франкенштейна. Такого будут обходить все порядочные девушки за три километра...

Сразу же вслед за мыслями о порядочных девушках я вспомнил про Ранвельтильскую девственницу – на нее рукоять, торчащая из моей головы, произвела настолько сильное впечатление, что она даже открыла тайну мирового господства.

– Утопить рукоять в голове, может, и получится, но в целях безопасности все-таки лучше ее отпилить, – задумчиво пробормотал Мио, после чего очень удачно перевел разговор

на очередную интересную тему: – Однако все это не имеет никакого отношения к нашей миссии.

– Мы должны спасти прекрасную деву? – догадался я.

– Нет. Внутри транспиридуально видоизмененного темпансцесса мы не можем ее спасти. Нам бы самим уцелеть.

«Идея моего второго «я» насчет резиновых шлангов, соединяющих головы, была не так уж далека от истины», – мрачно подумал я, а вслух произнес:

– Значит, мы сейчас внутри темпансцесса?

– Да. И здесь очень опасно...

Только после этих слов я обратил внимание, что местность вокруг не пустынна. Туман мешал увидеть что-либо конкретное, но какие-то чавканья, хлюпанья и мелькание смутных теней явно указывали на то, что темпансцесс буквально кишит всякого рода гадами.

«Да, находиться здесь в здравом уме и трезвой памяти достаточно проблематично», – решил про себя я.

И впервые за долгое время первым обратился к своему подсознанию:

– Ты был прав насчет резиновых шлангов. В конечном итоге все ими и завершилось.

Внутренний голос не ответил – и вот тогда я испугался по-настоящему. Одно дело – идти босиком по холодной грязи неизвестно куда, чувствуя присутствие массы кишаших вокруг хищников, и совершенно другое – обнаружить критический сбой в собственных мозгах. Окончательно запанико-

вать мне не позволил резкий окрик Мио:

– Осторожно справа!!!

Я перевел взгляд направо и увидел в двух шагах от себя огромную пиявку (или что-то очень на нее похожее).

«Темпансцесс не темпансцесс, – отстраненно подумал я, глядя, как неумолимо приближается пасть мерзкой твари, – а все равно это не более чем какая-то проекция в сознание виртуальной реальности. Ранвельтильская дева является неким подобием сервера, к которому с помощью резиновых шлангов или какой-то другой ерунды подсоединены двое компьютерных пользователей – я и Мио. Накурившись непонятных галлюциногенов, сервер проецирует чудовищные глюки, а мы воспринимаем их как субъективную реальность». Если бы вместо этой грязи и огромных червей в декорациях присутствовал пропитанный смогом мегаполис и роботы-полицейские, то можно было бы подумать, что мы являемся участниками супердрайвовой киберпанковской постановки.

Но грязь и мерзкие твари наводят на мысль про обычный наркоманский бред...

Не знаю, бред это был или не бред, но удар слева в ухо потряс меня основательно. В глазах помутнело, и я мягко осел в грязную жижу.

«За что?!» – хотел было спросить я у проводника, но не стал этого делать, потому что сосредоточил внимание на искрящейся твари.

Причем искрилась она в самом что ни на есть прямом смысле слова. Создавалось впечатление, будто к ней приложились электрошокером или ткнули электрическим проводом. Зрелище было более чем интригующее, но резкий возглас Мио привел меня в чувство:

– Твое сердце хотя и слабо, но все же бьется. Поэтому твои из темпансцесса не просто чувствуют твоё присутствие, но и активно тебя ищут.

– А тебя? – спросил я первое, что пришло в голову, с трудом вставая на ноги.

– Я для них нечто вроде тени или призрака.

– Так какого черта ты затащил меня в этот дурацкий темпансцесс, если все меня чувствуют и все на меня охотятся?

– Ты прервал Ранвельтильскую девственницу, и, значит, только ты можешь попытаться обратиться к ней вновь.

– А что это даст?

Он посмотрел на меня, как на законченного идиота, и после некоторой паузы все же ответил:

– Я узнаю, где лежит ключ к господству над миром.

– Точно! – с насквозь фальшивой радостью воскликнул я. – Как-то постоянно забываю, что девственница может найти ключ.

– Скорее всего, она его уже нашла. – С руки Мио сорвалась очередная молния, и еще одна гадина, точная копия первой, заискрилась, словно бенгальский огонь.

«Интересно, как много у него энергии?» – с тревогой по-

думал я.

А вслед за этой пришла следующая мысль: «Что будет, если на меня одновременно нападут несколько монстров? И вообще, как долго мы будем искать эту деву? Здесь совсем ничего не видно».

Как будто прочитав мои мысли, две твари, вынырнув из тумана, напали с разных сторон.

К чести Мио, стоит отметить, что он блестяще справился с этой непростой ситуацией: две руки разошлись в разные стороны, и атакующие монстры рухнули на землю, сотрясаемые мощными электрическими разрядами.

«Нет-нет... – Я попытался загнать предательскую мысль вглубь подсознания. – Я даже не хочу думать о том, как мой телохранитель справится с тремя или чет...»

Ну вот я и накаркал.

– Не будь ты мне нужен, скормил бы тебя этим уродам, – мрачно пробормотал Мио, кивнув в сторону пяти огромных слизней, берущих нас в кольцо.

Как ни странно, внутри темпансцесса свихнувшийся колдун казался совершенно нормальным. Не было ни дурацких ужимок, ни закатывания глаз, ни ежеминутной демонстрации нижнего белья. Хотя если учесть, что куда-то пропал мой вечный спутник – внутренний голос, или шизофреническое второе «я», или вообще черт знает что, то в преображении сумасшедшего колдуна не было ничего удивительного. Скорее всего, сознание в этой местности неузнаваемо

преображалось.

– Да уж, без такого героя, как я, тебе действительно не обойтись, – криво усмехнулся я. – Ну так что, будешь отбиваться или покинем негостеприимный темпансцесс?

– Не хватит энергии, – коротко ответил Мио и продолжил.
– Приготовься, сейчас будет больно.

«Очень?» – хотел было спросить я, но не успел.

Оголенный электрический провод ткнули мне в тело, и я весело заискрился, словно огромный бенгальский огонь.

А насчет «больно» он ошибался. Когда через вас достаточно долгое время пропускают электрический ток, это не просто больно, а *очень больно*.

Хотя, кто знает, может быть, это был единственный способ заставить мое сердце вновь забиться в прежнем ритме.

* * *

Жизнь Сайко всегда была полна приключений, опасностей и женщин. Если ты по природе авантюрист, наделенный к тому же живым и богатым воображением, то финал твоего земного существования может иметь всего одну из двух более или менее приемлемых концовок. Первая подразумевает огромное богатство и тихую обеспеченную старость. Вторая – насильственную смерть в самом расцвете сил. Третьего ва-

рианта в принципе не дано.

Сайко был не просто авантюристом, он был прожженным авантюристом со всеми вытекающими последствиями. И поэтому на вариант с преждевременной насильственной смертью можно было не задумываясь ставить девяносто девять против одного. А на «огромное богатство» – не оставшийся один процент, а максимум одну десятую процента. Другими словами – шанс был настолько призрачным, что его можно было вообще не принимать в расчет.

Еще сегодня днем, обнаружив себя в каком-то дешевом борделе практически без гроша в кармане (пара неизвестно каким образом сохранившихся золотых не в счет), Сайко утвердился во мнении, что не миновать ему насильственной смерти.

Потому что спустить в рулетку кассу племени варваров (целое состояние) значит гарантированно обречь себя на верную гибель. Варвары – мелочные и мстительные создания. Они не успокаиваются до тех пор, пока не выпустят наружу внутренности обидчика.

Даже на «Арену искупления» растратчик чужой наличности отправился не потому, что обожал страдания людей или кровавые гладиаторские поединки, а лишь для того, чтобы морально подготовиться к неизбежной кончине. Если хотите, это было нечто наподобие прощального привета миру. Поэтому, вместо того чтобы сделать ставку на исход поединка, Сайко великодушно кинул последний оставшийся золо-

той какому-то нищему бродяге.

Может, этот нищий был и не нищим вовсе, а каким-нибудь особо эксцентричным божеством, которое наблюдало за жизнью смертных, обрядившись в грязные одежды. А может, он был самым что ни на есть настоящим бедняком, вынужденным просить подаяние, чтобы заработать на корку хлеба. Но как бы то ни было, Сайко отдал последнюю монету – и столь благородный поступок растрогал впечатлительную судьбу до слез. Поэтому она подарила авантюристу еще один шанс в лице Фромпа.

Утопающий плут с радостью схватился за тонкую соломинку, умудрившись выйти не просто сухим из воды, а баснословно разбогатеть.

Полтора миллиона наличными, плюс пожизненный контракт с Утешителями, плюс миллион, отданный варварам (всегда хорошо иметь за своими плечами поддержку диких племен). Пятьсот тысяч, пожертвованные на народные гулянья (толпа должна боготворить своего героя), и пять миллионов, безвозмездно подаренные церкви (очень мудрый и правильный ход). Все это, вместе взятое, оказалось более чем впечатляющим результатом для одного только дня, начавшегося как ужасное недоразумение.

Оставался еще миллион на зоопарк – и это при том, что Сайко вообще не любил животных. Но хороший игрок всегда должен так запутать противников, чтобы те оказались на чисто сбитыми с толку. Деньги, выкинутые на зоопарк, бы-

ли странным и нелогичным ходом, призванным ввести в заблуждение абсолютно всех.

Но, как ни странно, именно этот безобидный поступок навлек на голову удачливого авантюриста серьезные неприятности. Причем настолько серьезные, что утреннее недоразумение с варварами казалось уже невинной проказой, которую можно уладить за пару минут.

Впрочем, обо всем по порядку...

Сайко, разумеется, не могли не пригласить на королевский пир. Это выглядело бы по крайней мере странно и вызвало бы среди населения нехорошие мысли, способные превратиться в массу никому не нужных слухов и сплетен. А Фромп в данный момент находился не в том положении, чтобы позволить себе испортить имидж монарха, умеющего достойно проигрывать.

«Будет и на моей улице праздник, – с трудом сдерживая дикую ярость, размышлял король, потерявший половину своих владений и огромную сумму наличными. – Но до поры до времени все должно выглядеть совершенно пристойно, а затем...»

Уж он-то найдет управу и на мнимых героев, и на мошенника, воспользовавшегося минутным просчетом и сорвавшего банк в десять миллионов, и даже на пресловутых Утешителей.

«Ну а пока весь этот мерзкий сброд будет приглашен на пир и размещен в лучших покоях. А королевская стража по-

заботится о том, чтобы они были доставлены во дворец в целости и сохранности», – мудро решил Фромп, отдав соответствующие распоряжения.

Слуги могущественного короля всегда быстро и четко выполняли приказы своего господина. Но еще до того, как Сайко окружила королевская гвардия, к нему подошли два молчаливых, сосредоточенных человека и, представившись сотрудниками охранного бюро, взяли под свою защиту. Денежный вопрос даже не обсуждался. Всем было ясно – такой серьезной организации, как Утешители, Фромп будет вынужден заплатить все до последней монеты.

Возникшее было недоразумение между королевскими слугами и лицами, ответственными за охрану столь важной персоны, быстро уладили. После чего почетный кортеж покинул «Арену искупления» под восторженный рев толпы, успевшей за столь короткий срок проникнуться любовью к отважным героям и к щедрому Сайко.

Если опустить не заслуживающие особого внимания детали, то можно сказать, что перемещение ценной особы из пункта «А» («Арена искупления») в пункт «В» (резиденция Фромпа) прошло без каких-либо эксцессов.

С почетом препровожденный во дворец, Сайко был размещен в роскошных апартаментах, после чего смог отдохнуть и расслабиться. Нельзя сказать, что он смертельно устал. Но все эти выступления на публике, балансирование на грани жизни и смерти, надежды и отчаяния и прочее все-

таки основательно подорвали душевные и физические силы новоявленного миллионера. Кто угодно утомится от столь неожиданно обрушившихся на плечи славы, денег и всенародной любви.

Кстати, о любви. Несмотря на всю свою усталость, в данный момент Сайко был бы не прочь выпить хорошего вина и обсудить любовные вопросы с какой-нибудь ветреной красавицей. Прожженный плут, не пропускавший ни одной более или менее приличной юбки, мог восхищаться женщинами в любом состоянии и невзирая ни на какую усталость. Женщины, азарт и деньги – вот те три огромных кита, на которых покоился незыблемо прочный фундамент его мировоззрения.

К сожалению, королевские покои были не тем местом, куда допускались женщины древнейшей профессии, а искать кого-либо в самом дворце было не слишком удобно.

«Дождусь пира, а там уж не будет отбоя от светских львиц, соревнующихся за право обратить на себя внимание столь богатого, знаменитого и перспективного молодого человека», – совершенно логично рассудил Сайко, наливая себе вина.

Один из телохранителей остался за дверью, а второй расположился в комнате, напоминая скорее бесплотного призрака, нежели живого человека.

– Ты всегда будешь со мной? – спросил хозяин у своего новоявленного охранника.

– Только когда этого пожелает мой господин. – Легкий полупоклон был исполнен достоинства.

И несмотря на это, господин Сайко не почувствовал себя хозяином, разговаривающим со слугой. Скорее они были партнерами, связанными общими интересами, не более.

– Хорошо, тогда давай знакомиться. Меня зовут Сайко. Хотя, скорее всего, ты уже в курсе. – Первый фужер опустел слишком быстро, поэтому новоявленный миллионер налил себе второй.

– Чет, – коротко представился телохранитель. – И позволю себе небольшой совет. Не стоит злоупотреблять алкоголем ни перед пиром, ни тем более во время пира. Я могу попытаться защитить человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, но ничего не могу обещать, когда речь заходит о не контролирующем свои поступки пьянице.

– Ты прав. – Несмотря на то что Сайко хотелось выпить еще, он отставил фужер в сторону. – Нас ожидает та еще ночь, и напиваться в самом начале банкета – не самое мудрое решение. Будет лучше, если я ненадолго прилягу, а ты разбудишь меня в случае необходимости.

Приняв решение, молодой человек прошел в соседнюю комнату, где стояла роскошная кровать. Он не нашел в себе сил раздеться, тем более что через час или два нужно будет встать.

Поэтому народный благодетель, строитель зоопарков и любимец церкви как был – в одежде – упал на шелковое по-

крывало.

Не прошло и пяти минут, как он уже спал. Под охраной такой могущественной организации, как Утешители, ему было не о чем беспокоиться.

Точнее сказать – почти не о чем. Кое-кто был совершенно не в курсе, что представляют собой Утешители. И пожалуй, самое главное, этот таинственный кое-кто очень заинтересовался идеей постройки зоопарка в Сарлоне. А это, в свою очередь, чуть было не стоило жизни ничего не подозревавшему авантюристу.

Коварная судьба слишком ветрена, чтобы полагаться на ее благосклонность. Вечером она может расчувствоваться и послать вам выигрыш в десять миллионов, а ночью переменить свое решение, наградив счастливого проклятием Сан-тибарры – крошечной черной меткой, убивающей жертву в течение пары часов.

Глава 6

Возвращение к реальности было просто ужасным. Хотя если быть до конца честным, то я не помнил, когда это самое возвращение проходило гладко и безболезненно. Постоянно возникало такое чувство, будто меня вывернули наизнанку, засунули в центрифугу стиральной машины, включили самый жесткий режим стирки и уехали до конца уик-энда в тихий загородный домик. А когда вернулись, то обнаружили сбой в программе, заикливший аппарат на режиме отжима. И как следствие – непонятную массу внутри, напоминающую то ли разорванное в клочья белье, то ли останки вывернутого наизнанку несчастного. В общем, жутко неприятное зрелище, явно не для слабонервных.

Ассоциировать себя со столь отталкивающей фантазией было, конечно, не самой обнадеживающей мыслью, но ничего более подходящего на ум не приходило.

Первые несколько секунд после того, как я попытался открыть глаза, вообще не было ничего видно. У меня даже промелькнула дикая мысль – не лишился ли я второго (и последнего) глаза, но, к счастью, все оказалось не настолько ужасно.

Глаз оставался на месте, так же как и мерзкий скорпион, угнездившийся в пустой глазнице. Просто одним из побочных явлений выхода из темпансцесса (будь он проклят!) являлась кратковременная потеря ориентации, слепота, глухо-

та и...

В общем, там было до хрена и больше всяких побочных явлений, и перечислять их нет абсолютно никакого резона. Скажу просто: вернувшись из путешествия в «прекрасный и удивительный» мир Ранвельтильской девственницы, я чувствовал себя невообразимо плохо. А еще я понял: без основательной дозы наркотика, психостимулятора, волшебного супернадобья или еще чего-нибудь этакого в темпансцесс лучше не соваться.

– Как себя чувствуешь, малыш?

Я не смог сразу идентифицировать голос человека, но после того, как сконцентрировался, собрав воедино разбегающиеся в разные стороны мысли, пришел к выводу, что это не кто иной, как Билли.

– Хреново я себя чувствую, – чуть слышно прошептал я.

– Хреново – это уже кое-что! – Было очевидно, что толстяк обрадовался моему осознанному ответу.

К слову сказать, я тоже обрадовался. После того как сумасшедший волшебник практически останавливает ваше сердце, затягивая в некое подобие виртуальной реальности, по самую завязку набитое жутчайшими кошмарами, а потом вытаскивает оттуда при помощи электрошока, то... То нужно как минимум быть благодарным провидению за то, что ваши мозги не сварились вкрутую, а сами вы не превратились в «овощ» с бессмысленным блуждающим взглядом и навечно застывшей идиотской улыбкой.

– Сейчас мы поставим на ноги нашего героя! – Этот бодрый возглас принадлежал уже Мио Четвертому.

Самому отвратительному психопату, какого только можно представить. Справедливости ради стоит помянуть добрым словом Аспирина, Зоула и Антопца, но все эти зловещие личности остались в далеком прошлом, поэтому их светлые образы успели основательно померкнуть в моей памяти.

Я весь внутренне сжался, приготовившись к очередной порции боли, еще более мощному заряду электрошока или чему-нибудь не менее замечательному, но, к счастью, обошлось.

К моему лицу поднесли пробирку с какой-то жидкостью, я сделал очередной вдох и... И мгновенно пришел в себя, а окружающий мир засиял, словно прекрасно ограненный бриллиант, множеством ярких цветов и оттенков.

– Пертигастонат. Жалкое подобие вельтиновой пыльцы, – небрежно бросил на ходу Мио Четвертый, возвращаясь к своему креслу, – но для любителей вполне сойдет.

«Пертигастонат, – подумал я. – Звучит... *Что же тогда... как средство... представляет из себя... от запоров... вельтиновая пыльца?*»

Под действием чудо-препарата мое сознание разделилось на два канала, способных одновременно воспроизводить совершенно разную музыку. А если попытаться найти еще более удачный пример, то в данный момент времени меня можно было сравнить с двухпроцессорной компьютерной систе-

мой. Одним процессором (или каналом) был я, а вторым – мой верный спутник, или вечное проклятие, или... А впрочем, как ни называй это явление, суть не поменяется: раздвоение сознания – вещь достаточно неприятная.

И если раньше мы говорили по очереди, что создавало хотя бы иллюзию некоторой нормальности, то после употребления паров пертигастоната стали думать одновременно.

«Наверное, Ранвельтильская девственница... Мне кажется... видит в темпансессе... это не самый удачный вариант... не грязь, туман и кучу всевозможных кровожадных гадов... нанохаться какой-то дряни... а солнце, море и приветливо улыбающихся отдыхающих... и впасть в некое подобие транса... Замолчи... Замолчи... Замолчи... Сам замолчи... Я... Первый... Нет, я первый... Сказал... Подумал... Предложил... СТОП!!! СТОП!!! СТОП!!! СТОП!!! СТО-О-О-О-ОП!!!»

– Мне нужно зеркало! – простонал я.

Сознание расслаивалось, словно коржи слоеного пирога, и я понял: если прямо сейчас не увижу свое отражение, чтобы убедиться, что я это я, – просто сойду с ума.

– Не думаю, что тебе понравится увиденное. – В голосе Билли звучала явная тревога.

– Мне хочется просто что-нибудь увидеть, а не восхититься своей внешностью. – Я постарался ответить как можно спокойнее, но получилось достаточно грубо.

В другой ситуации я бы, скорее всего, извинился. Но когда

у вас из головы торчит нож, в глазу сидит скорпион, через вас только что пропустили напряжение межконтинентальной линии высоковольтных передач и одурманили наркотиком, после чего мозги начали медленно, но верно плавиться, то ни о каких извинениях не может быть и речи.

Наверное, Билли догадался, что в данной ситуации слова ни к чему. Поэтому, вместо того чтобы обидеться и наговорить массу неприятных вещей, просто замолчал.

Но моя просьба насчет зеркала не была проигнорирована радушным хозяином.

Мио дважды хлопнул в ладоши, сопроводив свои действия отрывистым приказом, – и спустя несколько секунд вышколенный слуга принес зеркало.

Я не ожидал там увидеть ничего экстраординарного, непередаваемо ужасного или, наоборот, возвышенно-прекрасного. Как ни странно, мои ожидания полностью оправдались. В отражении был слегка помятый, изрядно опустошенный и отстраненно-равнодушный я – собственной персоной.

– Полегчало? – участливо спросил Мио, после того как я отложил зеркало в сторону.

– Да.

– Тогда пора выдвигаться – время поджидает...

– Если пора – значит, пора.

Может, сказывалось действие наркотика или что-то другое. Но, как ни странно, я, после того как увидел свое отражение, стал абсолютно спокоен.

– Близится полдень – начало великой битвы за Ранвель-
тильскую девственницу! – Глаза безумного колдуна ярко за-
блестели.

Было очевидно, что предстоящему сражению он придает
огромное значение. Легкий взмах руки – и каменная стена
исчезла, открыв перед нашими взорами поразительную кар-
тину. Вид с высоты птичьего полета на равнину, заполнен-
ную бесчисленным множеством воинов. С такой высоты и
такого расстояния они казались темным безликим муравей-
ником.

– Комната, где мы беседуем, находится в башне Феникса
– моем древнем родовом гнезде, – не скрывая гордости, по-
яснил хозяин. – Ни разу за всю многовековую историю оплот
великих волшебников династии Мио не был покорен врага-
ми. Хотя под эти стены приходили самые блестящие полко-
водцы...

«Все Мио были сумасшедшими, – раздраженно подумал
я, – и все... *Колдуны не были бы колдунами если бы...* бре-
дили идеей завоевания мира... *не плели интриг и не строи-*
ли козней соседям... Ты... Ты... замолчишь... заткнешься...
когда-нибудь?.. *когда-нибудь?..*»

Я крепко зажмурил глаза и до крови прикусил язык. Боль
оказалась воистину сумасшедшей, но по крайней мере на
некоторое время мое сознание перестало напоминать радио-
приемник, транслирующий одновременно две различные ра-
диостанции.

– И сегодняшней день не послужит исключением! – с какими-то явно истеричными нотками в голосе провозгласил ненормальный колдун. – Самое слабое место всех крепостей – это ворота. Но благодаря нашему благородному герою, – легкий взмах руки в мою сторону, – эта проблема будет решена!

«Надо нанюхаться до одурения разжижающего сознание пертигастоната – и отключиться, – отрешенно подумал я, чувствуя во рту неприятный привкус собственной крови. – Может быть, какими-нибудь неведомыми путями забреду в темпансес. Там встречу Ранвельтильскую девственницу – ведь это из-за нее закрутилась вся эта безумная кутерьма. Она окажется сногшибательной красавицей в своем прекрасном виртуале. И мы будем бродить нагими и счастливыми по морскому побережью, нюхать вельтиновую пыльцу, приводить аргументы «за» и «против» секса вне брака. И ни за что на свете я не стану возвращаться в эту долбаную отвратительную реальность, которая подчас оказывается хуже вымышленных наркотических кошмаров».

– Будут ли какие-нибудь пожелания напоследок у благородного защитника девственниц? – прервал мои невеселые размышления безумный колдун.

– Можно взять с собой пробирку с пертигастонатом? – попросил я. – Понюхал бы на досуге, слегка развеялся и отвлекся от грустных мыслей.

– Я не допускаю мысли о трусости столь великолепного

воина, – заявил Мио.

«И совершенно напрасно!» – чуть было не произнес я, но сдержался.

– Поэтому остается только одно – наш дорогой гость желает поразвлечься.

– Да, – утвердительно кивнул я и, чтобы не оставалось никаких сомнений насчет моих планов, подтвердил: – Действительно, обстоятельства складываются таким образом, что проявить мастерство явно не удастся, остается только одно – весело развлекаться.

– Ну, всей пробирки будет многовато даже для такого мужественного героя, – задумчиво протянул Мио, прикидывая в уме дозу, – а вот еще раз понюхать не повредит.

– Может, не стоит травить себя этим дерьмом? – Вопрос долгое время молчавшего Билли был обращен к слабой искре здравого смысла, еще теплившейся в глубине моего напроць разрегулированного подсознания.

– Ты что, забыл, куда я иду? – вопросом на вопрос ответил я. – А хочешь, прогуляемся вместе? – Мое лицо исказила гримаса. – Заодно прихватим и старину Компота, пускай полежит, подышит свежим воздухом. Проветрит, так сказать, высохшие от старости мозги.

– Ты же знаешь, что ни у кого, кроме тебя, нет ни единого шанса выжить у ворот. – Ему было явно не по себе оттого, что он начал этот разговор. Но старый товарищ был не из тех, кто малодушно прячется от опасности в спокойном ме-

сте. – Ты не раз и не два спасал мне жизнь, поэтому, если попросишь, я пойду...

Это было не самым благоразумным поступком – вверять свою жизнь в руки одурманенного наркотиками человека, но Билли был прежде всего воином. И в отличие от нас с Компотом никогда бы не опустился до элементарной трусости.

– Нет, не хочу... – обреченно махнул рукой я, погружаясь в какую-то мутную пелену безразличия. – Когда вернусь, поговорим. А пока посидите тут со стариком, выпейте и закусите.

Было видно, как Билли открыл рот, чтобы ответить, но громкий возглас Мио оборвал его на полуслове.

– Пора! – торжественно возвестил хозяин родового гнезда династии Мио и хлопнул в ладоши, призывая слуг.

Почти мгновенно комната наполнилась множеством людей (и нелюдей), и толстяк не успел сказать того, что собирался.

Я так и не понял, для каких целей Мио позвал столько народу. Ведь чтобы перенести кресло с одним человеком, вполне бы хватило трех-четырех слуг.

Но по большому счету все это было уже не столь важно. Бесчисленные орды штурмующих приготавились идти на приступ, а проклятые ворота с нетерпением ожидали своего героя и спасителя, жертву и заложника, принца и нищего. И...

Как обычно, быть этим собирательным образом опять вы-

пало мне.

Если один раз к тебе прилепилось идиотское прозвище «настоящий герой», то отделаться от него при жизни уже не удастся. Только смерть может развенчать этот миф. Только она – и никто другой.

* * *

Они бежали изо всех сил, потому что знали (по крайней мере, старичок и собачка) – игры кончились, настал момент истины. Раз Круплау замолчала, не отвлекаясь на свои ужасающие крики, значит, огромная тварь настроена более чем серьезно.

«Хорошо, что хоть потаскуха собралась с мыслями и ускорила, – подумала собачка. – Темп держит, лицо красное, но еще не выдохлась. От Круплау немного оторвались, и если ничего не произойдет, то добежим до конца улицы, а там – открытое пространство вплоть до самого дворца. Нет никакой паутины – и мерзкая гадина в очередной раз останется ни с чем».

– Веселей! Не отставать! – Было очевидно, что к жизне-радостному старичку вернулось отличное настроение.

Да, задержка чуть было не погубила их всех, но так вовремя и, что самое главное, удачно появившийся волшебник

исправил практически безнадежную ситуацию.

«ВЕ... СЕ... ЛЕЙ... – тревожным набатом звучало в голове жрицы любви. – ВЕ... СЕ... ЛЕЙ...»

Несмотря на бодрые возгласы сумасшедшего кавалера, а также игриво подпрыгивающую от радости собачку, женщине было ничуть не весело. К тому же она начала уставать. Причем состояние полнейшего изнеможения пришло не постепенно, а резко обрушилось на ее уже немолодой и совершенно не спортивный организм.

Ноги налились свинцовой тяжестью, в голове помутилось, и, не в силах продолжать этот увлекательный забег, проститутка остановилась, тяжело хватая воздух широко раскрытым ртом.

В этот момент ей было уже совершенно все равно – догонит ее ужасный монстр или не догонит. Она была готова даже умереть, но бежать дальше не могла.

«Абзац!» – затравленно подумала собачка.

– ПО-БЕ-ЖА-ЛИ! – От прежнего веселого старичка не осталось и следа. Отвратительная гримаса исказила лицо «галантного кавалера», и он закричал, брызгая слюной: – Побежали! Разве ты не видишь – Круплау прямо сейчас нас догонит!

Но вымотанная до предела женщина не могла и не желала ничего видеть или слышать. Она тяжело рухнула на колени и обреченно закрыла голову свободной рукой.

«Не самый лучший способ защиты от огромного мон-

стра», – отстраненно подумала собачка, понимая, что на этот раз они конкретно доигрались. И никакая в мире боль не заставит подняться эту шлюху. А даже если заставит, то максимум, на что ее хватит, – пробежать пару десятков метров и, словно низвергнутый с пьедестала монумент, грузно рухнуть на землю.

– ВСТА-ВА-АЙ!!! – продолжал надрываться потерявший самообладание старик.

Перебирая сотнями ног, Круплау стремительно приближалась к неподвижно застывшим беглецам. Она уже не сомневалась, что теперь им не уйти, но сдерживала в себе дикий победный крик, рвущийся наружу. Может, боялась спугнуть удачу или просто сэкономила силы – кто знает. Никогда нельзя с уверенностью сказать, какими мотивами руководствуется порождение Хаоса.

Охотница сосредоточенно продвигалась вперед и, когда расстояние сократилось до минимума, выстрелила клейким снарядом.

Попадание в цель не было стопроцентным – снаряд взорвался рядом с опустившейся на колени женщиной, намертво приклеив ее к мостовой. Но так как рука проститутки была связана неразрывным заклятием с рукой ее кавалера, то он тоже оказался пойманным.

– Нож!!! – страшным голосом закричал старичок, вытянув вперед свободную руку, как будто ожидал, что прямо сейчас в его ладони появится заветный нож, с помощью которого он

отрубит себе кисть и побежит дальше. – Нож!!! – продолжал кричать человек, бешено вращая глазами.

«Не нужно была щекотать себе нервы, играя по-честному, – обреченно подумала собачка. – Никакого ножа не будет: пока мы не убежим от Круплау, о колдовстве и чарах можно забыть».

Второй снаряд накрыл сумасшедшего волшебника, в поисках острых ощущений зашедшего настолько далеко, чтобы добровольно отказаться от всех своих магических способностей.

Двое из троих беглецов были пойманы, а оставшаяся на свободе собачка...

Она была фэйтом¹⁰ и поэтому даже при всем желании не могла бросить своего господина.

Поэтому следующий ее поступок был вполне закономерен – коротко разбежавшись, дворняжка мощно оттолкнулась задними ногами и, высоко подпрыгнув, преодолела клейкую лужу. А секунду спустя преданное животное уже оказалось на руках хозяина.

«Какого...» – хотел было спросить растерявший всю свою жизнерадостность и веселость старик, но не успел.

Круплау выкинула тонкую нить в направлении завязнувших в клее жертв. А затем потянула попавшихся на крючок рыбок вверх.

---

¹⁰ Фэйт – плененное и заколдованное существо, не только наделенное новым телом, но и лишенное памяти. Полностью зависимо от своего нового хозяина.

От мощного рывка слова застряли в горле доведенного до отчаяния колдуна – и он чуть было не выпустил из рук своего питомца. Соверши старик этот опрометчивый во всех отношениях поступок, и судьба беглецов оказалась бы предопределенной. Но хозяин чисто инстинктивно сжал маленький теплый комочек. В конечном итоге именно это подарило беглецам еще один шанс...

Файты – не просто существа, заключенные в различные тела. Это было бы слишком банально и скучно. Поэтому могущественные хозяева наделяют своих слуг разного рода талантами, превращающими любимцев если не в сверхсозданий, то в нечто подобное.

Маленькая дворняжка умела читать чужие мысли и передавать свои. Причем если с первым пунктом изредка возникали кое-какие проблемы, то второй действовал практически безотказно. Но не все было так гладко и просто, как могло бы показаться с первого взгляда. Объект мысленного контакта должен был находиться достаточно близко, в противном случае ничего бы не получилось. Именно поэтому собачке нужно было оказаться рядом с Круплау. Но не с целью передать мысль в мозг чудовища – внушить что-либо созданиям Хаоса в принципе невозможно. Смышленный пес хотел пробудить сознание парализованного ядом волшебника. Того самого человека, заключенного в специальное отделение за щекой монстра...

Теперь, когда добыча оказалась в ее власти, Круплау мог-

ла позволить себе немного поиграть. Долго, очень долго она ждала этого момента – и вот наконец ее звездный час пробил. Потом у нее будет достаточно времени, чтобы в полной мере насладиться своей страшной мстостью, но сейчас... Чувовищу хотелось увидеть, как не контролируемый сознанием страх отражается на лицах жертв. И поэтому она не сразу затянула в свою пасть беглецов, а начала очень медленно подтягивать к себе добычу, одновременно слегка раскачивая пленников.

Ра-аз... Маятник страшных качелей пошел вверх, достиг высшей точки – и стремительно рухнул вниз.

Два-а... Нить, к которой были прикреплены импровизированные качели, стала немного короче.

Три-и...

Четыре-е...

Пя-ять...

Ше-есть...

Морда ужасной твари становилась все ближе, а лица несчастных, попавшихся на крючок огромного монстра, выражали дикий ужас (лицо жрицы любви) и бессильную ярость (лицо доигравшегося старичка).

Одна только собачка выглядела спокойной и сосредоточенной. Создавалось впечатление, что она полностью ушла в себя и ее не волнует аттракцион «крылатые качели». Даже несмотря на то, что он может закончиться вечной пыткой.

Нет, разумеется, ее это волновало, но в данный момент

она отбросила в сторону все лишнее и полностью сконцентрировалась на выполнении чрезвычайно трудной задачи. Дворняга пыталась пробиться в сознание парализованного волшебника, чтобы показать ему, что ожидает несчастного, попавшего в лапы ужасной Круплау.

Задача, и без того непростая, осложнялась тем, что в распоряжении файта оставалось слишком мало времени...

Глава 7

Сначала не было ничего, кроме беспросветного мрака и ощущения безжалостного, пронизывающего до костей холода. По большому счету его нельзя было даже назвать холодом, так как космический вакуум, заполнивший собой каждую клетку тела, – это совершенно особенное, ни с чем не сравнимое ощущение. Человек хотел было закричать, чтобы услышать собственный голос и попытаться развеять мутную пелену отчаяния, окутавшую сознание. Но не смог этого сделать. Чтобы крикнуть, нужно иметь хотя бы минимальный запас воздуха в легких. А у него не было не то что воздуха, не было даже легких. Он стал огромным ледяным айсбергом, которому предстояло бесконечно скитаться среди равнодушных холодных волн самого страшного океана во всей вселенной.

«Выход... Из этого ужасного состояния обязательно должен быть выход, – лихорадочно размышлял человек, стараясь не поддаваться панике и ощущению полнейшей безысходности. – Выход есть всегда, главное – его найти. Если постараться, то...»

– То, что ты называешь выходом, намного страшнее бесконечного океана.

Голос доносился откуда-то издалека, но, если как следует напрячься и очень сильно захотеть, можно было разобрать

почти все слова.

Человек не просто напрягся, а сделал все, что мог, чтобы не потерять контакт с таинственным голосом. Может быть, сыграла роль невероятная сила желания, способствующая предельной концентрации, или же голос начал постепенно приближаться. Как бы то ни было, с каждым мгновением слова звучали все отчетливее и громче.

– Вечная пытка – вот что ожидает тебя в самом ближайшем будущем.

– Ты лжешь... – Несмотря на необычность ситуации и полнейшую неопределенность, человек не потерял самообладания. – Вечной пытки быть не может, потому что смерть рано или поздно принесет всем живущим покой.

– Рано или поздно, – насмешливо прошелестел голос, вновь начиная отдаляться. – «Рано или поздно» – это слишком долгий срок, когда речь идет о практически бессмертном создании Хаоса.

– Кто ты и откуда все это знаешь?

– Тебе ничего не скажет мое имя, но я помогу тебе кое-что вспомнить.

Картина, вспыхнувшая в сознании, была настолько яркой и правдоподобной, будто являлась неотъемлемой частью реальности.

Человек увидел со стороны, как огромная тварь, чем-то напоминающая паука, висящего на золотой паутине, крепящейся к крыше домов, выбрасывает из своего необъятного

чрева белый шар.

Клейкий снаряд взрывается на мостовой, разбрасывая в стороны густую белую жидкость, в которой, словно муха в капле смолы, завязла фигура мужчины.

Монстр, не обращая внимания на плененную жертву, преследует другую добычу, но, оказавшись прямо над головой несчастного, уже сам охотник превращается в дичь. Волшебник вскидывает руки вверх и... Магический удар, последовавший вслед за этим, настолько силен, что пробивает в брюхе чудовища огромную сквозную дыру. Из раны начинает фонтаном бить в разные стороны отвратительная белая жидкость. Кажется, что монстр повержен, но это не так. Огромная тварь приходит в себя, выстреливает клейкой нитью в направлении колдуна, разворотившего ее живот, и, поймав на крючок крупную рыбу, резко тянет ее вверх.

Замешкавшийся охотник оказывается неготовым к подобному развитию событий. Кроме того, он вложил чуть ли не всю свою энергию в один-единственный мощный удар. Поставив на кон все, что имел, человек просчитался, а ставка ценою в жизнь оказалась битой. И теперь, не в силах ничего противопоставить атаке поразительно живучего монстра, проигравший оказывается полностью во власти чудовища.

Еще пара мгновений – и тело смельчака исчезает в жуткой пасти...

– Что это? – В глубине души человек уже знал ответ на свой вопрос, но все еще отказывался поверить, что увиден-

ное происходило именно с ним.

– Ты... – Короткий, печальный ответ загадочного голоса расставил все на свои места.

Не оставляя сомнений в том, что ужасная картина, больше похожая на ночной кошмар, чем на жизнь, является частью жестокой реальности.

– А океан? – Человек был ошеломлен и подавлен, но, несмотря на все это, нашел в себе силы задать последний вопрос.

– *Океан – это яд, которым пропитано твое тело.* – Голос приблизился настолько, что отпала необходимость напрягаться, чтобы разобрать отдельные слова. – *Ты будешь дрейфовать в нем, пока тысяченогая Круплау не притащит тебя в свою пещеру, а затем...*

Возникшая картина тысяч безногих существ, корчащихся на огромной паутине, была настолько кошмарной, что даже этот мужественный человек не удержался от стога.

– *Вечность*, – прошелестел голос, как будто сам являлся одним из тех, кто бьется в агонии, запутавшись в переплетениях липкой сети. – *Целая вечность страданий. Вот что тебе предстоит.*

И хотя все естество человека отчаянно сопротивлялось, не желая принимать на веру аргументы загадочного голоса, но в конечном итоге разум все-таки возобладал над страхом. А как только пришло четкое осознание невозможности спасения, не осталось сомнений насчет дальнейших действий.

Если бы на месте опытного волшебника оказался какой-нибудь незрелый юнец, скорее всего, у него ничего бы не вышло. Для того чтобы плести причудливую сеть заклинаний, мало одного желания – нужны еще и врожденные способности. Рисовать могут все, но художниками становятся единицы. Так же и с магией – освоить простейшие приемы способно подавляющее большинство людей, но для того, чтобы стать хорошим профессионалом (не говоря уже о мастерстве высшей пробы), нужно иметь дар.

Человек, чье отравленное ядом тело находилось в пасти чудовища, порожденного Хаосом, принадлежал к разряду профессионалов, способных со временем стать настоящими мастерами.

Но вечность...

Это достаточно большой срок, чтобы устать от чего угодно. В том числе и от жизни. А вечность, помноженная на бесконечные страдания, едва ли не самое страшное, что можно себе представить.

«Значит, не судьба, – спокойно подумал человек, успевший принять окончательное решение. – По крайней мере, на прощанье блесну, словно догорающая свеча, вложив в последний огненный всплеск все свои силы».

Он хотел было поблагодарить голос, но почему-то не стал. Ему вдруг показалось, что загадочный доброжелатель преследует какие-то одному ему известные цели.

«Из Хаоса эта тварь или просто из чуждого нам измере-

ния, уже не важно, – отстранение подумал человек, проецируя в сознании маленькую искру. – Такие древние заклинания, как это, действуют на всех без исключения. Хотя, если поискать, можно найти пару монстров, абсолютно невосприимчивых даже к этому виду магии, но больше чем уверен – наша тысяченогая любительница мучений к ним не относится».

Маленькая искра разгоралась все сильнее и сильнее, превращаясь сначала в слабый огонек, затем в колеблющееся пламя небольшого костра, потом в горящий стог сена, ревущий ураган взметаемой в поднебесную высь лавы и, наконец, в безумие солнечных протуберанцев, посылающих в холодную ночь вселенской пустоты прощальные знаки обреченной звезды.

– Только я могу уничтожить мир, находящийся внутри меня, – прошептали почерневшие от яда губы. – Только я – никто другой.

Веки, залепленные отвратительной слизью, тяжело поднялись, но в пасти чудовища было темно, как в могиле. Даже при всем желании здесь нельзя было ничего увидеть.

– Только я... – громче и увереннее повторили непослушные губы, не обращая внимания на то, что в рот полилась какая-то гадость.

Одновременно с последней фразой в глубине широко распахнутых глаз появились отблески далеких протуберанцев, протягивающих свои длинные огненные языки навстречу

всепоглощающей тьме абсолютного Хаоса.

– Только я могу воспользоваться этим священным правом...

Зрачки стали ярко-оранжевыми, осветив призрачным светом близлежащее пространство.

Почувствовав какое-то смутное беспокойство, Круплау резко махнула головой, словно корова, отгоняющая нетерпеливым жестом надоедливого слепня.

Но слепень находился не снаружи, а внутри чудовища. И этот слепень уже вплотную подошел к своей последней черте, поэтому ничего не боялся.

– Солнце, не жди...

– Я иду...

– Эльту...

– Фа...

– Ти...

– С...

У его парализованного ядом тела было слишком мало энергии, чтобы заклинание набрало полную силу. Вообще удивительно, что человек в таком состоянии оказался способным выполнить задуманное. Но он все-таки попытался – и совершил невозможное.

Огненный шар взорвался в пасти Круплау, заливая все пространство вокруг яростью вырвавшейся наружи лавы.

БАХ!

Раздался резкий хлопок, и на месте правой щеки мон-

стра образовалась огромная дыра. Осколки выбитых клыков с кусками обожженного мяса брызнули в разные стороны, а из восьми глаз, находящихся с правой стороны головы, уцелели от силы два. И без того отвратительная морда чудовища стала выглядеть еще хуже. Хотя до этого момента казалось, что такое невозможно.

Но самым главным последствием взрыва живой бомбы оказались даже не выбитые глаза, зубы и развороченная щека, а то, что брызги огненной лавы попали в мозг адской твари. Именно после этого Круплау не только перестала ощущать себя цельной личностью, но и потеряла всякую ориентацию в пространстве, разом превратившись в огромную испорченную заводную игрушку. Она натыкалась на всевозможные препятствия и пробуксовывала, будучи не в силах обогнуть преграду.

То, что еще мгновение назад было огромным монстром, уверенным в своих силах, сейчас представляло из себя лишь его слабую неразумную тень. И этой тени уже не было дела ни до чего на свете, кроме невыносимой боли, выжигающей ее изнутри. Потока раскаленной лавы, затопившего ее сознание и лишившего ее разума...

Сразу же после взрыва раскачивающиеся на страшных качелях пленники неожиданно обнаружили: качели сломались, а они летят в стену близлежащего дома.

Сарлон, как и любой другой город этого измерения, имел стандартную архитектуру – вереницы жмущихся друг к дру-

гу трех– и четырехэтажных домов по сторонам узких улочек.

Взлететь на качелях на уровень четвертого этажа, а там обнаружить, что лопнули веревки, – не самый приятный жизненный опыт. Как правило, такие трюки заканчиваются более чем плачевно даже для прекрасно владеющих своим телом акробатов, не говоря уже о простых обывателях.

И если бы не клейкая масса, в которой завязли несчастные пленники, и не определенная доля спортивного везения, помноженного на благоволение звезд, то счастливая троица, чудесным образом избежавшая плена Круплау, вне всякого сомнения, переломала бы себе все кости.

Впрочем, даже со всем перечисленным без переломов не обошлось. И, как ни странно, наибольшие повреждения вызвало даже не падение с четвертого этажа, а именно первоначальный удар о каменную кладку фасада здания.

Порождение Хаоса выпустило нить, удерживающую пленников, сразу же после того, как взрыв разворотил ему половину черепа.

Поэтому старичок и проститутка со всего размаха врезались в близлежащую стену.

Женщина ударилась боком, и ее правая рука оказалась выбитой из сустава. А престарелый кавалер, как и полагается настоящему мужчине, встретил опасность лицом к лицу. И не успеет он смягчить удар выставленными вперед руками, столкновение могло обойтись ему намного дороже разбитого в кровь лица и пары-тройки сломанных ребер.

Несмотря на почтенный возраст, у джентльмена оказалась неплохая реакция, что и позволило ему отшвырнуть собачку в сторону близлежащего балкона до того, как его руки вре-зались в стену. «Ох уж мне эти игры по правилам, – затрав-ленно подумала дворняга, отчаянно изгибаясь всем телом во время полета. – Полный отказ от магии во время забега – это...»

Маленькое тельце наконец достигло цели своего полета, достаточно жестко (но, к счастью, без травм) приземлившись на небольшом балконе.

Обычная собака после таких потрясений не сразу пришла бы в себя. Но фэйт не был обычной собакой, поэтому он вскочил на ноги и без малейшего промедления развернул-ся в направлении полета его господина. Ограждение балкона представляло из себя декоративную решетку, а глаза фэйта видели одинаково хорошо и днем и ночью. Поэтому не про-шло и секунды, как умная дворняга, достучавшаяся до разу-ма парализованного волшебника, сумела оценить ситуацию.

Два тела, обмазанные клейкой массой, медленно скользи-ли по стене, опускаясь к земле, словно пара глупых слизней, ползущих по одним им известным делам.

Прикинув расстояние, отделяющее ее от хозяина, собачка встала на перила балкона и, сжавшись словно пружина, резко прыгнула. Ей бы наверняка не удалось удержать равновесие на голове господина, не находишь чуть ниже голова прости-тутки. Масса женщины превышала массу кавалера, поэтому

она скользила чуть быстрее. Но скованные заклЯтием ладони не позволяли ей удалиться дальше чем на длину вытянутой руки.

Погасив скорость падения о голову хозяина (при этом его окровавленное лицо в очередной раз чувствительно ткнулось в стену), дворняга перескочила на голову падшей (в прямом и переносном смысле слова) женщины. И оставалась сидеть там до тех пор, пока несчастная шлюха не достигла земли.

Спуск с четвертого этажа занял не больше минуты. Но за это время неистовая Круплау успела разнести как минимум половину квартала. Огромная тварь, ослепшая от боли и потерявшая ориентацию, бросалась от дома к дому, разбивая стекла и корежа балконы, потом стремительно взбегала ввысь по отвесным стенам и рвала в клочья золотую паутину. Проламывала крыши и начисто сносила чуть ли не всю черепицу, затем вновь падала вниз, ломая многочисленные ноги, и вновь поднималась лишь для того, чтобы метаться и крушить все попадающееся на пути.

После очередного падения она взобралась вверх и вместе с частью крыши обрушила вниз водосточную трубу. Чугунная конструкция разломилась пополам (лопнул соединительный шов), при этом одна половина упала на землю, а вторая, отделившись от прилегающего здания, осталась торчать вверх под углом примерно в тридцать градусов.

Нет ничего странного в том, что импровизированный кол

не долго ждал свою жертву. Круплау находилась не в том состоянии, чтобы обращать внимание на подобные мелочи, а если быть до конца точным – вообще ничего не видела и не воспринимала.

Пробив часть крыши, тварь дернулась назад, чтобы освободиться, и в очередной раз, не удержавшись, рухнула вниз с высоты четвертого этажа.

Не долетев до земли, левый бок чудовища встретился с обломком водосточной трубы. Обломок пробил навывлет туловище твари, выйдя с правой стороны тела. И без того обезумевшее от боли создание получило еще один мощный болевой импульс. После чего невероятно живучее порождение Хаоса вскочило на ноги (большая половина которых к этому моменту уже была переломана или оторвана) и побежало по улице.

Труба, торчащая у него из туловища, была достаточно длинной, чтобы ее края с обеих сторон задевали стены домов, высекая искры из камня. Если абстрагироваться от реальности и посмотреть на происходящее как бы со стороны, могло бы показаться, что этот забег является частью какого-то большого магического аттракциона со всевозможными спецэффектами. Но никто из находившихся поблизости не мог этого сделать по той простой причине, что все бежали не разбирая дороги. Бежали с одной-единственной мыслью: оказаться как можно дальше от проклятого монстра.

А тысяченогая Круплау с наполовину размолотым чере-

пом мчалась по улице, не только сея ужас и панику, но и сметая все на своем пути. Тот, кто не успел или не смог отбежать в сторону, был раздавлен агонизирующим чудовищем. Счастливым, избежавшим этой печальной участи, повезло чуть больше – они попали под разящий удар железной трубы, получив ушибы и повреждения различной степени тяжести.

Этот забег, наверное, мог продолжаться очень долго, так как Круплау была чрезвычайно живучим созданием, но в одном месте расстояние между домами, стоящими на противоположных краях улицы, сократилось и труба застряла. А чудовище, обезумевшее от боли, мощно рванулось вперед и... И фактически расплосовало свое тело на две части. Однако если в случае с первой сквозной раной потоки клейкого вещества, вытекающие из огромной туши, смогли заделать пробоину, то сейчас рана была слишком серьезной. Поэтому ни о каком заживлении не могло быть и речи.

Если бы не поврежденный мозг, Круплау уже давно покинула бы это измерение, переместившись в свою страшную пещеру. Но волшебник, превратившийся в огненный протуберанец, фактически убил монстра. И лишённая разума тысяченогая тварь уже не могла выжить в огромном городе, полном магов и других удивительных существ из всевозможных миров...

Чудовище все еще продолжало ползти вперед, оставляя за собой длинный белый след отвратительной жидкости, вы-

текающей из ее расплосованного брюха. Но это были уже произвольные судороги.

Два огненных шара, один большой, а второй совсем маленький, ударили в голову чудовища с промежутком в секунду. Старый мастер и его молодой ученик, случайно оказавшиеся неподалеку, произнесли заклинания почти одновременно. Разница заключалась в силе вызванной огненной стихии. Хотя по большому счету Круплау хватило бы и ученической подачи, чтобы окончить страшный забег по улицам ночного города. Но опытный волшебник решил не рисковать (никогда нельзя расслабляться, если имеешь дело с порождениями Хаоса) и поэтому задействовал все свои силы.

Два удара слились в один оглушительный взрыв, и голова монстра разлетелась в разные стороны брызгами огненного дождя.

Лапы еще несколько раз судорожно дернулись вразнобой – и безвольно опали...

– Мы победили? – спросил молодой человек у учителя, слегка разочарованный тем, что все так быстро кончилось. – Неужели вот так просто можно разделаться с тварью, вторгнувшейся в наш мир из темных глубин Хаоса?

– Солнце, не жди... Я иду... – пробормотал старый мастер, размышляя о чем-то своем. И после непродолжительной паузы терпеливо ответил несмышленому подмастерью: – Мы не победили это создание, а всего лишь добились. Его уничтожил безымянный человек, пожертвовавший своей жиз-

ню.

Откровенно говоря, из этого путаного объяснения ученик ничего толком не понял, но не решился переспрашивать – наставник скажет сам, если захочет, а если нет, никакие вопросы здесь не помогут.

– Пойдем, нам пора, – сказал маг.

– А как же...

Вопрос о том, как они обогнут огромную тушу, забрызгавшую улицу белым клейстером, так и не сорвался с губ любознательного юноши: подняв голову, он увидел, что огромная тварь исчезла.

Если бы не разрушенная улица, проломленные крыши, выбитые стекла и несколько десятков жертв, разбросанных по мостовой, можно было бы подумать, что кошмарное порождение Хаоса было не чем иным, как игрой чересчур разыгравшегося воображения.

* * *

– Вставай, дорогая, нужно идти...

Прилепленный к стене старичок повернул к спутнице окровавленное лицо, на котором застыла какая-то сумасшедшая улыбка.

Женщина с вывихнутой рукой и сидящей на голове соба-

кой повернула голову в направлении голоса и, увидев страшную маску, упала в обморок. Она и без того держалась слишком долго, но эта безумная улыбка явилась той самой каплей, что в конечном итоге переполнила чашу терпения. Ноги жрицы любви подкосились, и грузное тело мягко осело на землю.

Вместе со смертью Круплау исчезло и все, что с ней было связано, в том числе клейкая субстанция, прилепившая беглецов к стене здания. Поэтому пребывавшая без сознания женщина просто упала.

– Давно мы так продуктивно не веселились, – обратился хозяин к своему четвероногому питомцу, не обращая внимания на обморок спутницы. – Я вообще не припоминаю, чтобы так отчаянно волновался со времен падения Метлонвийской империи. А здесь вам пожалуйста – полный набор. И отчаянное бегство... – Не прекращая говорить, старик слегка щелкнул пальцами, и его сломанные ребра срослись, а кровь и ссадины исчезли с лица. – И плен. – Он еще раз щелкнул пальцами, вправив руку спутницы. – Затем непредсказуемо волнующее падение с огромной высоты, тревожное ожидание и счастливый финал!

«Да уж... – невесело подумала собачка. – "Продуктивное веселье", пожалуй, самый подходящий термин для описания этого гребаного забега. А насчет счастливого финала – тоже в самую точку. Круплау сдохла, а это значит, что наши гонки наконец прекратятся».

– Вставайте, милочка, – ласково попросил галантный кавалер, протягивая руку своей счастливой избраннице. – Нас ждет удивительная ночь во дворце радушного короля.

«Очередной безумный кошмар, – обреченно подумал фант. – Но хуже, чем это бегство, все равно уже ничего не будет».

Ошеломленная проститутка никак не могла понять, что с ней происходит и почему у нее ничего не болит. Если все происходящее было сном, то с какой стати старик еще здесь? А если нет, то почему с ее рукой и телом все в порядке?

– Пойдемте скорее, я вам все объясню по пути. – Старичок был сама галантность. – Скоро начнется королевский пир, а нам нужно еще проверить несколько архиважных дел во дворце.

Не способная не только понимать, но даже сопротивляться, женщина покорно встала, позволив увлечь себя к виднеющимся невдалеке шпилям королевского дворца. Ночью этот великолепный архитектурный комплекс выглядел даже лучше, чем днем, потому что подсветка превращала его в нечто совершенно удивительное.

– Тебе ведь тоже жаль, что мы потеряли Круплау? – обратился хозяин к игриво виляющей хвостиком собачке.

Утвердительный кивок дворняги нагляднее всяких слов свидетельствовал о согласии.

– Вне всякого сомнения, это невосполнимая потеря для всех нас, – задумчиво пробормотал старичок, потирая пере-

носицу.

«Верный признак того, что он замыслил недоброе», – с тревогой подумал смышленный пес.

И не ошибся...

После непродолжительных размышлений хозяин выдал коронную фразу, от которой лапы несчастной дворняги подкосились:

– Круплау была последним, сто двадцать четвертым яйцом в кладке великой Сфиллы. Около сотни из них сожрал ее достопочтенный папаша Зульт – мир его праху, чудный был экземпляр. Пять или шесть особей погибли в детстве. Еще несколько отдали концы на стадии юношеского становления, – он даже остановился, чтобы закончить свою мысль, – и, значит...

Лицо старичка, обращенное к псу, озарила счастливая улыбка.

«Значит, остались еще три или четыре жутчайшие гадины, с которыми можно продуктивно повеселиться», – поняла догадливая собачка.

– Еще не все потеряно! – радостно воскликнул довольный хозяин. – Мы обязательно отыщем оставшихся и продолжим наши увлекательные забеги!

После чего, насвистывая себе под нос незамысловатый мотивчик, колдун весело зашагал по направлению к королевскому дворцу.

«Не-ет!» – в немом отчаянии взывала про себя несчастная

собачонка, но быстро сумела справиться с душевным порывом. И как только успокоилась, сразу же прилепила на морду стандартную фальшивую улыбку и, весело повиливая куцым хвостиком, побежала догонять своего сумасшедшего господина.

* * *

Сайко проснулся так же быстро, как и уснул. Отличительной чертой любого мало-мальски порядочного авантюриста является способность мгновенно отключаться при необходимости и просыпаться при возникновении первых признаков опасности.

Еще мгновение назад молодой человек пребывал в чарующе сладких сетях Морфея, а сейчас он уже лежал с закрытыми глазами, пытаясь определить, почему так неожиданно очнулся. Протекция Утешителей если и не являлась стопроцентной гарантией безопасности, то по крайней мере подразумевала очень высокую степень защиты. Все было именно так, но...

В комнате явно присутствовало нечто опасное, и продолжающий притворяться спящим Сайко пытался понять, откуда именно исходит угроза.

– Я вижу, друг мой, вы уже не спите. – Судя по голосу,

незванный гость стоял недалеко от двери. – Поэтому давайте оставим в стороне никому не нужные детские уловки и поговорим как взрослые люди.

Продолжать изображать спящего было глупо, поэтому Сайко открыл глаза, но не сделал попытки подняться, оставшись лежать на кровати. Он не проявлял неуважения к собеседнику, а просто пошел на маленькую хитрость – противник, небрежно развалившийся на кровати, вызывает меньше опасений, чем тот, кто стоит на ногах.

– Вижу, вы быстро соображаете, поэтому уверен: мы сможем договориться. – Голос принадлежал невзрачному упитанному человеку, отдаленно напоминающему потрепанного жизнью кота.

В жизни Сайко сталкивался со множеством разных людей. И в один прекрасный день к нему пришло осознание простой истины: самыми опасными являются не огромные страшные воины, а именно такие вот невзрачные, серые люди, похожие на обычных лавочников или мелких чиновников. Потому что они не выставляют напоказ свою силу, не кичатся мощностью и умениями, а просто убивают... Тихо, спокойно, как бы между прочим. Что-то наподобие такой ситуации: пошел утром в молочную лавку, а по дороге сорвал листик с дерева. Мимолетно посмотрел на него – и, за полной ненадобностью, отбросил в сторону, сразу же забыв. Только этот листик был не листиком вовсе, а чьей-то жизнью...

Разумеется, Сайко было ужасно интересно, для чего он

понадобился непонятному господину, но еще больше его занимал вопрос – «Где Утешители?» Не в смысле, где они находятся, а в смысле – почему не отработывают своих денег? Если миллион наличными не та сумма, ради которой стоит профессионально и грамотно подходить к исполнению своих непосредственных обязанностей, то... То какого, спрашивается, черта создавать себе такой имидж, на деле не стоящий ломаного гроша?

– А где моя охрана? – Вопрос был прямолинейно-глупым, но совершенно уместным.

– Отдыхают где-то там, – небрежно махнул рукой в неопределенном направлении невзрачный человек и продолжил: – О соглядатаях короля я также позаботился. Однако меня интересуют не эти глупые шпионы и охранники, а непосредственно вы.

Сайко уже и сам понял, что именно он является объектом пристального внимания незваного гостя, только никак не мог взять в толк, с чем конкретно связано неожиданное появление незнакомца.

– А чем, простите, обязан? – Этот вопрос уже давно витал в воздухе, и хотя новоявленный миллионер боялся услышать ответ, все же задал его.

– Вы запланировали построить чудо-зоопарк. – В интонациях собеседника начали проскакивать какие-то тягучие нотки, еще больше усиливавшие сходство с котом. – Лично я заинтересован в том, чтобы контракт на возведение этого

культурно-оздоровительного комплекса достался мне.

Называть зоопарк культурно-оздоровительным комплексом было то же самое, что тюрьму – зоной свободного волеизъявления, но сейчас Сайко не интересовали подобные мелочи. Котоподобный незнакомец мог называть зоопарк, как ему было угодно, главное, чтобы он как можно скорее убрался.

– Значит, вы желаете получить средства на возведение... зоо... комплекса?

– Совершенно верно, – умиротворенно кивнул собеседник, а когда он поднял голову, из его шеи вышло узкое лезвие длинного стилета...

Причем самое поразительное было даже не это, а то, что, во-первых, описанное действие не сопровождалось фонтаном крови, а во-вторых, любитель животного мира как ни в чем не бывало продолжил:

– Я желаю получить средства на возведение зоокомплекса.

Затем этот удивительный человек не торопясь развернулся и, коротко размахнувшись, ударил стоявшего рядом Утешителя в лицо. Несмотря на видимую легкость, удар был достаточно мощным, чтобы сломать нос, послав в глубокий нокаут несчастного телохранителя.

– Не всякий осмелился бы на вторую попытку после того, что с ним сделали. – В интонациях незнакомца слышалось явное уважение. – Неплохих ребят ты набрал себе в помощ-

ники.

– Это... Это Утешители. – Ошеломленный Сайко понимал, что сейчас его жизнь напоминает тот самый листик, который можно легко и не напрягаясь сорвать и выбросить на обочину.

И надеялся, что название серьезной организации если не вызовет положительного эффекта, то хотя бы заставит посетителя серьезно задуматься.

– Никогда не слышал. – Короткий ответ незнакомца расставил все точки над «i». – Хотя это не имеет никакого значения. – Странный господин вытащил стилет из горла и небрежно отбросил его в сторону. – Главное сейчас – подписать бумаги.

«Он не только не человек, но еще и не местный, – лихорадочно размышлял удачливый авантюрист, пару часов назад уснувший абсолютно счастливым и богатым, а проснувшийся если не бедным, то уж точно – несчастным. – Ничего не знает про Утешителей, и его невозможно убить».

– Давайте же скорее подпишем все необходимые бумаги и расстанемся друзьями, – предложил до смерти перепуганный Сайко.

Судя по довольному виду неуязвимого человека-кота, именно это он и хотел услышать. Два внушительных пергамента легли на кровать рядом с лицом богатого мецената, обожающего зоопарки.

– Будете читать? – вежливо поинтересовался незнакомец,

обратив внимание на то, что Сайко не спешит ставить подписи под двумя объемными текстами, написанными от руки мелким красивым почерком.

«Буду я читать или не буду, – вполне логично рассудил молодой человек, – все равно это ничего не изменит. Сейчас нужно подписать все, что угодно. Главное, чтобы хладнокровный убийца как можно скорее убрался».

– Нет-нет, что вы. Я вам полностью доверяю. Тем более когда речь идет о такой животрепещущей теме, как зоопарк.

С этими словами Сайко торопливо поставил две жирные подписи в указанном месте.

– И дату, пожалуйста, – попросил незваный гость.

– Разумеется... Как же без даты...

Еще пара быстрых росчерков пера – и все формальности были окончательно улажены.

– Приятно иметь дело с понимающим тебя с полуслова человеком, – позволил себе скупую улыбку загадочный незнакомец.

– Взаимно.

– Прощайте. – Не тратя времени на долгое расставание, странный посетитель коротко махнул рукой и вышел из спальни.

Сайко не слишком понравилось это «прощайте», так как в нем послышался некий намек на то, что деловые партнеры никогда не увидятся. Намного лучше звучало бы стандартно-безличное «до свидания».

«Хотя увидимся или не увидимся – дело десятое. Главное, что ходячий кошмар наконец-то убрался», – с облегчением подумал молодой человек.

Если бы Сайко мог знать, что ходячий кошмар оставил на теле своего делового партнера проклятие Сантибарры – крошечную черную метку, убивающую жертву в течение пары часов, то не стал бы радоваться благополучному расставанию.

Но он пребывал в счастливом неведении относительно своего ближайшего будущего и поэтому был полон оптимизма.

«От убийцы отделались, Утешители явно стоят своих заоблачных гонораров, если вызывают уважение даже у неуязвимого киллера, скоро начнется пир, где не будет отбоя от потрясающих красавиц, и...»

Неясная тень в углу комнаты наконец трансформировалась в нечто определенное, и это нечто выглядело достаточно жутко, чтобы испугать даже человека с очень крепкими нервами.

– Т-ты... галлюцинация и... и... или н-на самом деле? – слегка заикаясь от волнения, спросил несчастный Сайко.

– Я слуга королевы, – глухо простонал призрак.

– К-какой к-королевы? – В голову молодого человека пришла неожиданная мысль, что все происходящее может быть обыкновенным кошмаром. Он просто спит и видит череду диких снов о неуязвимых убийцах и ужасных призраках.

– КОРОЛЕВЫ СЕМИ ПАЛАЧЕЙ, – последовал лаконичный ответ.

Сайко ни разу не слышал о такой королеве, но присутствие в титуле семи палачей наводило на мысль, что вышеупомянутая особа явно не боится запачкать свои руки кровью.

– И чего она хочет? – попытавшись отбросить в сторону страшные мысли, перешел к делу несчастный миллионер.

– Подписать договор.

– Кровью? – Это был очередной глупый вопрос, связанный с ассоциациями, родившимися в голове после упоминания палачей.

– Кровью будет даже лучше, – глухо прошелестел призрак.

– А не кровью можно? – Сайко почувствовал себя ужасно по-дурацки – сначала сам себя загнал в ловушку, а теперь пытается выбраться из нее.

– Кровью будет лучше. – В интонациях духа почувствовалась явная угроза.

– Лучше – значит лучше, – обреченно согласился молодой человек. – А о чем будем договариваться?

– О загонах для животных...

– Простите?!

– Загоны для животных, – зловеще прошипел призрак.

Сайко не сразу понял, о чем, собственно, идет речь. Но после непродолжительной паузы пришел к выводу: загоны для животных – не что иное, как проклятый зоопарк.

– Мне очень жаль, но если вы имеете в виду зоопарк, то я уже отдал права котообразному джентльмену.

– Это был один из семи палачей. – Воздух рядом с призраком сгустился в некое подобие мутного зеркала, в глубине которого можно было увидеть зловещего монстра. – Самый молодой и нетерпеливый – способен освежать тушу за пару недель. Но ты ему не достанешься. Даже не надейся.

Перспектива освежения туши за пару недель не вселяла радужных надежд на будущее. Тем более что под тушей подразумевалось тело, принадлежащее Сайко.

«Бесцветный человек с повадками кота по крайней мере не пугал меня двухнедельными пытками, – затравленно подумал любитель зоопарков. – А здесь налицо ничем не прикрытая угроза, которую наверняка осуществят, несмотря на всех Утешителей, вместе взятых».

– Полагаю, ваши загоны для животных будут выгодно отличаться от зоопарка котообразного джентльмена, – с фальшиво-наигранной радостью воскликнул Сайко. – Давайте скорее подпишем бумаги – и вы отправитесь к королеве с моими самыми наилучшими пожеланиями. А также выражением искреннего восхищения по поводу ее великолепных палачей.

Очередная пара пергаментов трансформировалась прямо из воздуха перед лицом делового партнера.

– Подпись и число? – Это был не вопрос, а скорее утверждение.

– Да.

– Могу я воспользоваться кровью своего телохранителя? – Рука молодого человека указала в сторону распластанного на полу тела.

– Нет.

– Очень жаль, – совершенно искренне вздохнул Сайко, после чего не раздумывая проткнул острым пером свой палец и, выдавив пару капель крови, быстро расписался в указанном месте.

– Это все? Или будут еще какие-нибудь пожелания?

– Последний вопрос – что за человек приходил сюда?

«Путать он прекрасно умеет, а выражает свои мысли, словно тупоголовый фермер», – недовольно подумал Сайко, однако счел за лучшее не злить очередного гостя и ответил правду:

– Первый раз в жизни его видел. Он не представился, но после того, как мой телохранитель проткнул его шею стилетом, продолжал отлично себя чувствовать. Мило поддерживал беседу и даже вежливо попрощался напоследок. Вот, кажется, и все. Ах да, он чем-то походил на большого кота. Хотя, может быть, мне просто померещилось с пьяных глаз. Это все или будут еще вопросы?

Но призрак узнал и получил все, что хотел, поэтому счел свою миссию выполненной. Он даже не потрудился попрощаться, растаяв в воздухе так же неожиданно, как и появился.

– Уф... – с облегчением вздохнул Сайко, вытирая пот с лица шелковым покрывалом. – Кажется, от всех сумасшедших благополучно отбился, теперь можно наконец-то расслабиться и подумать о предстоящем банкете.

Но ни расслабиться, ни тем более подумать о банкете ему не удалось. Потому что первые двое посетителей были только началом вереницы гостей-бизнесменов, заинтересованных в том, чтобы подписать контракт на постройку удивительного зоопарка.

Глава 8

Мио считал свою крепость практически неприступной и волновался из-за одного-единственного слабого места – ворот. Именно поэтому термин «неприступная крепость» был дипломатично заменен сумасшедшим хозяином на менее благозвучное – «практически неприступная». Но какие бы термины ни употреблялись в отношении этой массивной конструкции, ворота оставались самым слабым звеном, способным в конечном итоге привести к сдаче родового гнезда Мио.

Похитив Ранвельтильскую девственницу, безумный колдун отдавал себе отчет в том, что счастливые обладатели (точнее будет сказать – могущественные покровители) «невинного создания» так просто это дело не оставят. Начнутся угрозы и провокации, целью которых будет очернить светлый облик возвышенного и прекрасного волшебника (Мио Четвертого) в глазах прогрессивной общественности.

И что характерно – хозяин «практически неприступной крепости» как в воду глядел. Начались открытые провокации, явное подстрекательство, бессовестное очернение и прочие грязные методы, свойственные нечистоплотным правителям, одурманивающим народ патокой сладкой лжи, льющейся из грязных уст.

Вообще-то простому трудовому народу было совершен-

но безразлично, у кого именно находится «невинное создание». Темные массы не понимали, в чем, собственно, заключается уникальность этой девственницы, когда кругом полным-полно юных красавиц, в силу возраста или каких-то иных причин не познавших радостей секса. Причем подавляющее большинство этих девиц (за исключением старых дев) выглядели намного свежее и привлекательнее, чем изрядно потрепанная жизнью ранвельтильская барышня.

Но неустанная пропаганда истинной церкви (в каждом измерении была своя «истинная церковь») плюс грамотный пиар, помноженный на грязные слухи, в конечном итоге сделали свое черное дело. В общественном сознании окрепла и пустила глубокие корни мысль, что нельзя вот так за здорово живешь отдавать чистое создание в лапы отвратительного извращенца.

Что интересно, в результате этих манипуляций не только преобразился образ ранвельтильской красавицы (она стала чуть ли не белоснежным ангелом во плоти), но и существенно снизился рейтинг мракобеса-колдуна, посягнувшего на святая святых – олицетворение чистоты и невинности.

До поры до времени Мио не обращал внимания на подлые происки мелких завистливых злопыхателей. Сосредоточенная дева бродила в темпансцессе, ища ключ к мировому господству. Мио же оставался могущественным колдуном, укрепившимся в родовом замке с мощным гарнизоном. А наемники прелты были готовы сражаться за кого угодно и

где угодно, главное, чтобы платили деньги. Дикое создание обожало только две вещи в мире – золото и кровь. Первым их в избытке снабжал Мио, не скупящийся на оплату верных соратников, а второе... Войны так и так было не избежать, поэтому не возникало сомнений – за кровью дело не станет.

Все это было, конечно, замечательно, но только до тех пор, пока шесть королевств не объединили свои армии в Священный союз, задавшись благородной целью освободить юную деву из плена ненавистного колдуна.

Каждый из шести участников альянса руководствовался своими корыстными интересами (девственница здесь была совершенно ни при чем), связанными в основном с экономикой, политикой, религией... и т. д. и т. п. Но какие бы тайные цели ни преследовали правители объединившихся королевств, главное – им удалось собрать под знаменами Священного союза внушительную армию и отправить ее в поход за славой, богатством (Мио был богат) и, разумеется, пресловутой девственницей.

Конечно, чтобы уладить все формальности, устроить встречу на высшем уровне, обсудить сроки и задачи предстоящей кампании, договориться по основным пунктам, разделить сферы влияния и подготовить армии к походу, необходимо время. Даже если активно не вмешиваться во все эти процессы (а Мио при помощи своих капиталов вмешивался более чем активно), нужно не меньше года, чтобы собрать и привести армии чуть ли не на край света – под стены непри-

ступной цитадели. Но год растянулся на два с небольшим, что и позволило волшебнику подготовиться к штурму. И даже не просто подготовиться, а еще и заручиться поддержкой великого героя (меня), способного коренным образом изменить ход всего противостояния.

На самом деле Мио свято верил в то, что напыщенные болваны в конечном итоге не договорятся между собой. Но несмотря на свои собственные умозаключения, он решил не рисковать. Загодя просчитал все возможные варианты и во всеоружии подошел к решающей битве.

За колдуном давно и заслуженно укрепилась слава малого с приветом. И на этот раз отвратительный эгоцентрик оправдал свое прозвище на все сто. Он додумался повесить на ворота крепости в качестве живого щита юношу, в организме которого присутствовал «Растворитель миров» – чрезвычайно редкая и безумно ценная субстанция, чье зловещее название говорит само за себя.

И если темные народные массы не догадывались о тайной подоплеке подобного демарша, то их командиры отдавали себе отчет в том, что ни одна девственница в мире не стоит таких жертв, как конец света в отдельно взятом измерении.

Представители «истинной церкви» уверяли, что это в принципе невозможно. Но все прекрасно знали: священники говорят только то, что им выгодно в данный момент. Им не терпелось заполучить в свои руки Ранвельтильскую деву,

поэтому они были готовы на все ради осуществления заветной мечты...

– Они знают, кто ты, – на ходу давал мне последние инструкции Мио, с трудом поспевая за слугами, тащившими меня вместе с креслом к проклятым воротам. – И значит, не посмеют тронуть, оставив попытки ворваться в цитадель через ворота.

– А что мешает им проникнуть в крепость с воздуха?

Не то чтобы меня сильно интересовали подробности предстоящей кампании, но поддерживать хотя бы видимость разговора было гораздо веселее, чем отмалчиваться, погрузившись в пучину черных дум.

– Крепость ни разу не пала, так как стоит на пересечении нескольких энергетических линий. Это нечто наподобие узла, который, в отличие от веревки, трудно разрезать или рубить. Я переполнен силой и энергией...

«Так же как и безумием», – мимоходом подумал я.

– И в состоянии защитить свою крепость от вторжения с воздуха.

– А с земли? Если все так просто, зачем вообще нужно столько войск, такие высокие стены и остальное?

– Даже самая могущественная магия не всеильна. Можно собрать армию в полмиллиона, но никому не найти больше двадцати-тридцати драконов и пяти-шести по-настоящему сильных магов. Потому что и те и другие – огромная редкость. Я уверен, моих сил хватит для нейтрализации куч-

ки драконов. И готов прозакладывать собственную репутацию, что, находясь в центре сосредоточения силы, отобьюсь от нескольких магов, испытывающих трудности с восстановлением энергетических сил, необходимых для заклинаний.

– Именно поэтому все упирается в ворота, а точнее – в меня?

– Совершенно верно. – Было очевидно, что безумного колдуна обрадовала моя блестящая догадка.

– А как долго я буду висеть?

– Хороший вопрос. По моим приблизительным подсчетам, враг привел под стены крепости около трехсот тысяч воинов. Половина из них – неопытные новички. У меня двадцать пять тысяч наемников прелтов, каждый из которых стоит нескольких людей. А если учесть, что потери штурмующих всегда в несколько раз выше, чем обороняющихся, то получается – у противника нет ни единого шанса. Просто так генералы не смогут отступить. Раз пришли – надо идти на штурм. Пара дней и сто – сто пятьдесят тысяч убитых – таков будет итог этой блестящей кампании. Если я и ошибаюсь, то ненамного. Потеря половины армии, вне всякого сомнения, заставит альянс свернуть походные шатры и уйти.

Из всего сказанного я уяснил только одно: даже при самом благоприятном раскладе мне придется провисеть на воротах дня два, изображая самого пылкого защитника девственниц, какого только можно найти.

– А если какой-нибудь не в меру горячий воин попадет в

меня стрелой? – осторожно спросил я, отчаянно боясь услышать ответ в стиле «шрамы украшают мужчину».

К счастью, Мио в кои-то веки решил проявить благоразумие, успокоив меня сообщением, что он обо всем позаботился. Герой будет защищен сферой, непробиваемой для стрел противника.

– Достаточно простое и непритязательное заклинание, – доверительно сообщил сумасшедший колдун. И, немного подумав, добавил: – Правда, оно не способно оградить от магической атаки или удара тарана, но уверен, до столь неприятных эксцессов дело не дойдет.

Не то чтобы это сообщение успокоило меня, но оно по крайней мере внесло ясность.

– Значит, ни таранов, ни магических атак не предвидится?

– Нет, конечно. Практически все в курсе, кто ты и почему появился на воротах. Мои шпионы основательно поработали над тем, чтобы донести до сведения противника присутствие в наших рядах славного героя. Скажу больше: сейчас объединенный штаб командования мучительно размышляет, как наиболее достойно выйти из этой ситуации. Простая логика подсказывает – раз пришли, значит, нужно идти на штурм. Слишком много денег, амбиций, интриг и всего прочего стоит за фасадом Священного союза.

Военные понимают – взять крепость не удастся, однако нужно хотя бы попытаться. Ореол достойно проигравших выглядит в глазах королей намного лучше, чем репутация

элементарно струсивших. Поэтому они пойдут на отчаянный штурм, потеряют половину армии, а затем с чистой совестью уберутся домой.

Все это выглядело достаточно мрачно, если не сказать – откровенно пугающе. Но добряк Мио снабдил супергероя дозой волшебного пертигастоната, с помощью которого можно было спокойно перенести надвигающийся кошмар.

Как оказалось, я глубоко заблуждался.

Когда вас с каким-то поистине фанатичным упорством пытаются расплющить в лепешку при помощи огромной кувалды, никакие медикаменты не помогают.

Они просто не действуют – и все тут. Не знаю, с чем это связано. Могу лишь сказать – одурманивающие пары пертигастоната начисто выветрились из моей головы после первого же удара, потрясшего до основания врата «практически неприступной крепости»...

* * *

Королевский дворец – не то место, куда может попасть каждый желающий. Потому что желающих всегда невероятно много, а прием посетителей строго ограничен. Те, кто в силу каких-либо причин хочет проникнуть под своды резиденции солнцеликого монарха без очереди или в обход су-

существующих правил, обычно заканчивают свои дни в темных, сырых казематах. Эта чисто профилактическая мера направлена на пресечение возможных вылазок со стороны недоброжелателей – не более того. Кто знает, откуда подобное нетерпение? Не связано ли оно с черными замыслами относительно лучезарного повелителя? Не стоят ли за ним происки внешних и внутренних врагов? Вопросов возникает очень много, и ответы на большинство из них находятся в пыточных камерах, где лоснящиеся от пота и жира палачи в два счета выведывают всю правду о замыслах, намерениях и даже о самых сокровенных мыслях своих несчастных жертв.

Правда, существуют даты торжественных приемов, когда королевская резиденция наполняется специально приглашенными гостями. Но в эти знаменательные дни количество охраны резко увеличивается. А и без того мощная антимагическая защита становится поистине непреодолимой. Особенно для всякого рода злодеев, пытающихся подорвать незыблемые основы королевской власти.

Могущественному и коварному Мио Четвертому понадобилось целых два года, чтобы, изучив хитросплетения обороны, найти в ней брешь. Дух, посланный королевой Семи Палачей, являлся нематериальной субстанцией. И в силу своей необычной природы хотя и с трудом, но все же проник во дворец. Был еще котообразный господин, пожелавший остаться неизвестным. Но он воспользовался чужим телом, что в некотором роде упростило его задачу. И только

веселый старичок – большой любитель острых ощущений – не стал изобретать велосипед, решив войти во дворец с парадного входа. Причем не один, а вместе со своей «королевой» и смышленным четвероногим любимцем неизвестной породы...

Это была странная пара – юная красавица и низкорослый горбун с отталкивающей внешностью пресыщенного жизнью сластолюбца, отмеченного явной печатью порока. Слегка провалившийся нос говорил если не о последней стадии сифилиса, то о чем-то ничуть не более аппетитном. Старик, с трудом опирающийся на изысканную трость, был одет в строгий черный фрак, а девушка – в умопомрачительное белое платье, которому позавидовала бы любая невеста. Драгоценностей на ней было немного, однако выглядели они столь впечатляюще, что ни у одного наблюдателя не могло возникнуть сомнений в их баснословной стоимости.

Красавица шла рука об руку со спутником, и было не совсем ясно, кто же кого ведет: кавалер свою даму или юная леди – порочного горбуна. Дополняла картину белоснежная болонка с розовым бантом на шее, семенящая позади девушки.

Именно в таком виде странная процессия и предстала перед дежурным офицером, расположившимся возле ворот на самом первом контрольно-пропускном пункте (всего их было пять).

– Простите, с кем имею честь? – вежливо поинтересовал-

ся вышколенный охранник.

– Барон Антенвейский с невестой, – сухо представился мерзкий горбун и спустя мгновение, как будто вспомнив о чем-то важном, добавил: – А также со смышленной собачонкой по кличке Вини...

Услышав свое имя, «смышленная собачонка» выбежала вперед и села на задние лапы, игриво помахав в воздухе передними. Затем вновь опустилась на все четыре и внимательно посмотрела на офицера. Она как будто ожидала, что воодушевленный ее блестящим выступлением охранник восторженно захлопает в ладоши.

Но вместо того, чтобы просто улыбнуться, офицер поинтересовался:

– Имеются ли у сиятельных персон приглашения?

– Молодой человек, – лицо горбуна исказила неприятная усмешка, – сиятельным персонам не нужно приглашений, так как сиятельные персоны сами по себе настолько *сиятельны*, что не нуждаются в подобных мелочах.

«Сумасшедший», – подумал офицер, но не стал спорить с безумным бароном, вместо этого предложив проводить блестящую пару (с собачкой, разумеется) к начальнику караула.

– Я не имею полномочий решать подобные вопросы, – предельно вежливо ответил охранник, – но уверен, вы без труда договоритесь с вышестоящим начальством.

«Не договоримся», – наученная прежним горьким опытом, подумала несчастная собачка.

«Ничего у вас не получится, – злорадно подумал офицер, направляясь к небольшому красивому зданию, стоящему неподалеку. – Ничего у тебя не получится, мерзкий сифилитик», – мысленно уточнил он, сожалея о том, что такая потрясающая девушка вынуждена жить с отвратительным горбуном.

«Подобные оскорбления смываются только кровью!» – отчетливо прозвучало в голове человека, и на секунду он даже сбился со своего ровного шага.

Однако быстро взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжил идти дальше.

«Нервы ни к черту, – раздраженно подумал он. – Мережит всякая ерунда. Сейчас сдам эту странную пару господину Темпту – и пусть кровосос из тайной полиции сам разбирается с сумасшедшим бароном. Если сочтет нужным, то заживо сгноит его в каземате, а если нет, отправит куда подальше. В общем, не мое дело, что он сделает с мерзким калекой, главное, я четко следовал служебным инструкциям...»

Офицер просчитал ситуацию абсолютно верно, так как вышеупомянутый господин Темпт являлся правой рукой начальника тайной полиции, жестокого и всесильного чудовища со странным именем-прозвищем Ласковый Жу. Разумеется, в обычный день Темпт навряд ли снизошел бы до того, чтобы находиться в караулке внешнего кольца оцепления. Но в связи с проигрышем Фромпом половины королевства,

возможными беспорядками в городе, предстоящими торжествами во дворце и так далее все силы охраны и правопорядка были приведены в состояние повышенной боевой готовности. А беспечно веселящиеся горожане даже не подозревали, что город находится фактически на осадном положении: войска и тайная полиция ждут королевского приказа для взятия улиц столицы под свой полный контроль.

Но пока все было спокойно, и скрытое напряжение, витающее в кулуарах королевского дворца, никак не проявлялось и уж тем более не выплескивалось наружу в виде каких-либо нездоровых эксцессов.

– Господин Темпт. – Вошедший офицер придерживался строго официального тона. – Барон Антенвейский с невестой желали бы попасть на королевское торжество, но не имеют приглашений.

Человек с пивным брюшком, пучком жидких волос и равнодушно-сонными глазами на обрюзгшем лице производил впечатление владельца деревенской харчевни, а уж никак не могущественного помощника главы тайной полиции. Но внешность зачастую бывает обманчива, и в случае с господином Темптом эта прописная истина в очередной раз нашла свое подтверждение.

Легкий кивок означал, что информация офицера принята к сведению, а сам он может подождать за дверью до тех пор, пока в его услугах не возникнет надобности.

Молодой человек правильно истолковал жест и поспешил

удалиться. Он не сомневался, что сумасшедший барон добром не кончит. Потому что слуги, отвечавшие за безопасность лучезарного Фромпа, стояли в рейтингах короля намного выше всех баронов, вместе взятых. И если даже они ошибались, чрезмерно рьяно подходя к исполнению своих обязанностей, то, как правило, гнев властелина был недолгим. Мудрое изречение «Король один, а завистников тьма» означало буквально следующее: лучше ошибиться тысячу раз, наказав невиновных, чем пропустить одного настоящего врага. Именно поэтому положение назойливого барона выглядело, мягко говоря, не слишком завидным. Грань, отделявшая назойливость от враждебного умысла, очень тонка. Особенно когда в решение данной проблемы вмешивается такая одиозная фигура, как правая рука Ласкового Жу...

Вошедший горбун и ослепительная красавица выглядели достаточно необычно, чтобы заинтересовать даже многое повидавшего на своем веку Темпта. Его правая бровь чуть приподнялась вверх, что для знающих людей служило верным признаком интереса, пробудившегося в этом невзрачном на вид человеке.

– Офицер сообщил, вы хотели проникнуть во дворец. – Толстенький плешивый мужичок выглядел откровенно поплебейски, особенно на фоне молодцевато подтянутого капитана, одетого с иголки, и убеленного сединами старца – не иначе как местного мага.

– Он был абсолютно прав! – Когда горбун говорил, с его

губ слетали мелкие капельки слюны. – Мы действительно собирались на пир... А кто вы, собственно, такой, чтобы задавать вопросы великому барону Антенвейскому?

– Меня зовут Темпт, – коротко представился полицейский, – и я...

– Вот тебе, голубчик, деньги. – К ногам невзрачного толстяка упала мелкая серебряная монетка. – Сходи-ка выпей дешевого пива, чтобы не путаться под ногами у знатных господ и не мешать серьезному разговору.

Если до этого момента барон еще мог попытаться избежать печальной участи, то теперь не оставалось никаких сомнений в том, что глупец самолично выкопал себе могилу. Всем прекрасно известна прописная истина: никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя оскорблять *по-настоящему серьезного человека*. А если все-таки совершил глупый поступок, то обязательно придется ответить за него по полной программе. И не важно, отдавал горбун себе отчет в своих словах или нет – с этого момента его судьба была предопределена.

После того как барон произнес роковую фразу, в комнате воцарилась гробовая тишина. Четверо солдат, их блестящий капитан и седовласый старец застыли в напряженном изумлении. Они не могли поверить в то, что кому-то может быть неизвестно имя господина Темпта.

– Покорнейше благодарю, – смиренно ответил пристыженный плебей и, наклонившись, поднял с пола серебряную

монетку...

Если закоренелый палач ни с того ни с сего становится ласков и вежлив, это может означать только одно – он уже все решил для себя и начал разжигать в жаровне огонь. Но не ради того, чтобы наполнить комнату благословенным теплом, а чтобы накалить докрасна пыточные щипцы.

– Прошу знатных господ извинить неразумного Темпта. – Плешивый толстячок суетливо вскочил со стула, всем своим видом выражая рабскую угодливость. – Я только немного постою в сторонке, а затем сбегаю за...

– Стой где угодно, главное – не мешай, – грубо перебил нетерпеливый барон и продолжал, обращаясь уже к капитану: – Так по какому праву барона Антенвейского и его невесту не пускают во дворец?

Молодцеватый капитан все еще пребывал в некоем оцепенении и поэтому не сразу нашелся что ответить.

– Молчите? – Мерзкий горбун в раздражении начал брызгать слюной еще сильнее. – У вас что, молодой человек, на службе мозги высохли? У моей глупой собачонки ума и то побольше будет, чем у вас всех, вместе взятых!

Рука, сжимающая трость, описала полукруг, указывая на всех присутствующих, после чего ни у кого не осталось сомнений: «мозги высохли» именно у группы людей, находящихся в караульном помещении.

Столь резкий переход от раздражения к прямым оскорблениям оказался таким неожиданным, что капитан оконча-

тельно растерялся. Создавшееся положение выглядело более чем двусмысленным. С одной стороны, он подчинялся вышестоящему – Темпту, а с другой, выходило, что после того, как полицейский ушел в тень (решив поиграть в любителя милостынь), именно капитану принадлежала вся полнота власти. И соответственно, отвечать на оскорбление должен был он, и никто другой.

Возможно, у этого человека была не такая быстрая реакция, как у других, но прилюдно оскорблять себя (тем более в присутствии подчиненных) потомственный офицер никому и никогда не позволял.

Лицо капитана начало багроветь (верный признак неконтролируемой ярости, плавно перетекающей в необузданное бешенство), а рука непроизвольно потянулась к эфесу шпаги...

– Стоп! – Костлявая рука горбуна, резко выброшенная вверх, была сжата в кулак. – Влюбленные еще не поцеловались!

– Что? – не удержался от невероятно глупого вопроса начальник караула. – Чего не сделали влюбленные?

«Прощальный поцелуй, – прозвучал чужой усталый голос в голове офицера. – Это же так естественно – поцеловаться на прощание».

Капитан замотал головой из стороны в сторону, словно ослепленный яростью бык, со всего разбега ударившийся о каменную стену. Одновременно с этим прекрасная неве-

ста наклонилась к своему низкорослому кавалеру и, обвинив его искалеченное тело нежными руками, запечатлела долгий страстный поцелуй на устах истеричного горбуна.

На какое-то мгновение показалось, что невеста просто-напросто задушит своего низкорослого кавалера в пылких объятиях, но до подобных крайностей все же не дошло.

Рука барона Антенвейского даже во время поцелуя оставалась вытянутой вверх. И вдруг кулак разжался, после чего на влюбленную пару посыпалась сверкающая россыпь драгоценных камней.

По большому счету это дикое зрелище даже нельзя было назвать неестественным, потому что оно лежало за гранью здравого смысла – юная красавица, целующаяся с мерзким слюнявым стариком под ослепительный блеск падающих бриллиантов.

Даже привыкший к разного рода извращениям Темпт на мгновение опешил. Слишком уж это было необычно и...

Непередаваемо красивая невеста наконец оторвалась от своего престарелого жениха, и две руки, словно грациозные шеи белоснежных лебедей, вытянулись навстречу багровеющему закату...

Кроваво-красному закату жизнью молодцеватого капитана, седовласого мага, четырех солдат и господина Темпта.

Глава 9

Весельчак Мио не отказал себе в удовольствии лично проводить славного защитника Ранвельтильской девы до конечного пункта назначения. Напоследок он слегка освежил меня бодрящими парами пертигастоната и, пожелав всяческих успехов (на ратном поприще), с помощью нехитрого заклинания намертво прилепил к своим гребаным воротам.

Прощание оказалось недолгим – неприятель приближался, поэтому никаких пышных проводов с цветами, слезами, оркестром и проникновенными речами не было и в помине. Все прошло быстро, сжато и по-деловому. Нечто среднее между бизнес-ланчем и напутствием в краткосрочную (двухдневную) командировку.

Мио наскоро помахал ручкой, мило улыбнулся – и поспешил ретироваться, оставив меня наедине с приближающейся армией противника и невеселыми размышлениями насчет сложившейся ситуации.

Положение было, конечно, не самым лучшим. Причем это еще очень мягко сказано. Но все, что от меня зависело, я уже сделал (или не сделал – с какой стороны посмотреть), поэтому не оставалось ничего иного, как зависнуть на пертигастонате и моих воротах...

Руки в стороны, ноги шире плеч, затылок намертво приклеен к холодной железной поверхности. В общем, ни дать

ни взять – морская звезда, выброшенная штормом на берег, а затем подобранная любознательным мальчуганом и прилепленная старой жвачкой на деревянную калитку. Для того чтобы все знали: здесь живут отважные мореходы и путешественники, собиратели древних кладов и сокровищ, непоседы и весельчаки. Одним словом, добрые, хорошие люди, готовые прийти на помощь обиженным и оскорбленным в любую непогоду...

«Хорошо хоть с погодой повезло», – отстранению подумал я, начиная чувствовать, как мое сознание под действием паров пертигастоната трансформируется во что-то необычно яркое.

– Это не пертигастонат, – откуда-то из темных глубин подсознания всплыл надоедливый внутренний голос. – Подлец Мио обманул нас. Я замечаю существенную разницу между...

– Замечаешь ты разницу или нет – абсолютно не важно. – Мой радостный смех был совершенно искренним. – Солнце пронзает мое тело миллионами ярких лучей, и я чувствую, как становлюсь неотъемлемой составляющей всего живого – частицей природы. Пчелой, собирающей пыльцу с душистых цветов, птичкой, несущей в клюве веточку для строительства гнезда...

Армии Священного союза пошли на штурм крепости одновременно с трех направлений...

– Весело отфыркивающимся ежиком, окунувшимся в теп-

люю весеннюю лужицу...

Небо почернело от стрел и едкого черного дыма осадных башен...

– Игривой лисичкой и пушистым волчонком, весело гоняющимися за красивой бабочкой...

Воздух пронзили вспышки молний – в бой вступили маги...

– Гордым орлом, свившим гнездо на вершине самой высокой и неприступной горы...

Два десятка драконов, неожиданно вынырнувших из мерцающей воронки небесного портала, с устрашающим ревом устремились вниз и обрушились на головы обороняющихся...

– Мудрым удавом, неторопливо размышляющим о бренности бытия...

Залп осадных катапульт послал в сторону крепости десятки огненных шаров...

– Ласковым котенком, играющим с мотком шерсти...

Кипящее масло выплеснулось из огромных чанов на головы штурмующих...

– Умной белочкой, весело грызущей орешки... КЛАД...

КЛАЦ...

КЛАЦ...

БУУУУУУУУМММС!!!

Мне показалось, что я неожиданно очутился внутри огромного церковного колокола, который начал звонить, со-

считать траекторию движения гигантского оружия и пришло к неутешительному выводу – столкновения не избежать...

– *От судьбы не уйдешь*, – философски прошуршало издерганное подсознание и предательски замолчало.

«Абзац тебе, Мио!» – не без злорадства подумал я, закрывая глаза...

– БУУУМСССС!!! – Повторный удар огромного колокола расплющил барабанные перепонки, но это было сущим пустяком по сравнению с тем, что могло бы произойти в случае прямого попадания в цель.

Мое хлипкое тело было всего лишь жалкой песчинкой на исполинских воротах, поэтому и в очередной раз «мужественному герою» крупно повезло.

– *В гробу я видал такое везение!* – истерично взвыло мое второе «я».

И это был один из тех немногих случаев, когда я был с ним полностью солидарен – такое везение действительно лучше всего наблюдать со стороны. Можно даже из гроба. Но уж никак не в качестве того самого парня, который решил поиграть в игру с откровенно пугающим названием «А ну-ка попади».

Скорее всего, я оглох после второго удара, поэтому третий уже не услышал, а только ощутил всем телом вибрацию металлической поверхности.

«Откуда здесь взялся этот... демон?» – Сознание все глубже и глубже погружалось в черную воронку Хаоса.

Мне уже не хотелось открывать глаза, потому что все равно ничего хорошего я бы не увидел.

– Откуда здесь взялся этот . . . . демон? – отчаянно напрягая голосовые связки, закричал я, но из-за контузии не услышал собственного голоса.

Четвертый удар оказался последней каплей, переполнившей чашу моего поистине безграничного терпения. Без всякого преувеличения можно сказать: я держался до последнего, пока оставались хоть какие-то силы. Но этот проклятый молотобоец. . . Он меня все-таки доконал.

Чудовищное напряжение последних часов наконец дало о себе знать – и я провалился в бездонный колодец беспмятства.

Из-за подобной слабости чуть было не пропустив самое интересное.

* * *

Она была потрясающе хороша в своем белоснежном платье. Ни дать ни взять – олицетворение молодости и красоты. Прощальный воздушный поцелуй безвозвратно канувшей в Лету эпохи невинности. Непорочный ангел, спустившийся с небес.

Для того чтобы забрать с собой нескольких смертных. . .

Короткий блеск рассекающих воздух лезвий – и мгновение спустя в груди каждого из не успевших даже испугаться людей торчало по кинжалу.

Начавший было вставать капитан грузно завалился назад, опрокинув стул. После чего мертвое тело достигло пола, а голова ударилась о деревянный настил и, неестественно повернувшись набок, окончательно замерла.

В широко раскрытых глазах застыло выражение несказанного удивления и не произнесенного вслух вопроса: «Как же так?..»

«Как же так?» – вопрошали и остекленевшие глаза опытного мага, павшего жертвой дешевого, примитивного спектакля.

Но даже если бы они узнали ответ на не заданный вслух вопрос, все равно не смогли бы ничего изменить. Увлекательная игра под названием «жизнь» пользуется такой бешеной популярностью именно в силу того, что не прощает даже малейших просчетов. А краски острова Чегро нельзя было даже назвать просчетом. Невинная забава богатых отпрысков благородных фамилий являлась не более чем детской шалостью, данью моде или мимолетным капризом, о котором не принято говорить вслух в порядочном обществе.

Талантливый художник накладывал мазки прямо на человека – и на час с небольшим толстый урод превращался в изысканного красавца, а милая девушка преображалась в кошмарную ведьму.

Эти краски могли бы стать серьезной угрозой для общественной безопасности, если бы не одно очень специфическое свойство – ни один художник не мог воплотить в жизнь именно тот образ, который задумал. Все, на что он был способен, – придать определенные черты, не более.

«Нарисовать» двойника короля или кого бы то ни было еще не представлялось возможным. По большому счету краски острова Чегро являлись карнавальным костюмом или маской, а то и тем и другим, вместе взятым.

Именно поэтому никакая антимагическая защита была не в силах распознать невинный обман, потому что он не был связан с магией, так же как не связана с магией бумажная карнавальная маска.

Заявиться же в прекрасно охраняемый королевский дворец, разрисовав себя красками острова Чегро, мог только абсолютный безумец. Но кто бы осмелился утверждать, что жизнерадостный старичок, сопровождаемый проституткой и собачкой-медиумом по кличке Вини, не был безумцем?

Никто. Так как факты – вещь упрямая. И они, факты, лучше всяких слов говорили о том, что забеги с Круплау и фокусы с красками – верный признак психического расстройства. Самого что ни на есть настоящего и неизлечимого сумасшествия...

Красавица невеста развернула корпус на сто восемьдесят градусов, одновременно согнув ноги в некоем подобии изысканного реверанса. Ее большие, широко распахнутые глаза

смотрели прямо перед собой, и со стороны могло показаться, что она вообще ничего не видит. Прекрасная слепая кукла, надевшая белое платье, чтобы прийти на праздник жизни и...

Подарить быструю, легкую смерть.

Четверо солдат повторили судьбу капитана: метательные ножи – страшное оружие в руках опытного человека. Изрядно потрепанная жизнью путана никогда прежде не кидала ножей и тем более не убивала шестерых человек в течение шести секунд. Но сумасшедший горбун с помощью внушения мог превратить в прекрасного воина кого угодно.

Шесть трупов застыли поверженными изваяниями, и только господин Темпт все еще оставался целым и невредимым.

– Наверное, вы подумали, что влиятельный чин тайной полиции может понадобиться злоумышленникам для проникновения в королевский дворец? – Чудовище, называющее себя бароном Антенвейским, задало вопрос совершенно спокойно, без прежней истерики и слюней.

Эта неожиданная перемена была страшнее всего.

– Н-наверное, это было бы л-логично. – Плешивый толстячок выглядел предельно жалко и, судя по легкому заиканию, а также мелко трясущимся щекам, откровенно боялся калеки, раскидывающегося бриллиантами.

– Логично... Хм... Безусловно, вы правы насчет логики.

В глубине широко распахнутых глаз господина Темпта за-

зглась слабая искра надежды.

– Но видите ли, уважаемый, все дело в том, что логика и эмоции в подавляющем большинстве случаев – вещи несовместимые. В данной ситуации было бы совершенно логичным воспользоваться вашими услугами и без осложнений проникнуть в королевский дворец...

«Мы не из тех, кто ищет легких путей», – удрученно подумала собачка.

– Но мы с Вини, – горбун небрежно махнул рукой в сторону болонки, украшенной пошлым бантом, – никогда не искали легких путей...

Смышленный пес кивнул в знак согласия.

– ...И привыкли полагаться скорее на эмоции, нежели на здравый смысл.

Щеки влиятельного человека, одно только имя которого могло привести в священный трепет практически любого жителя огромной столицы, затряслись еще сильнее. Слишком часто он сам выступал в роли всесильного и ужасного вершителя судеб, чья коротко брошенная фраза могла подарить человеку надежду или низвергнуть его в пропасть отчаяния. И поэтому догадался – смертного приговора не избежать.

– Судя по всему, вы уже поняли то, что не было произнесено вслух?

– Да, – едва слышно прошептал Темпт.

– Вот и прекрасно. – Было очевидно, что горбун искрен-

не рад. – В определенной недосказанности есть неуловимое очарование, но только не в том случае, когда речь идет о жизни и смерти. И знаете что? – Мерзкий старик резко сменил тему разговора. – Будучи наслышан о вашем тонком, изысканном вкусе, не могу себе отказать в удовольствии сделать вам небольшой презент.

Рука барона быстро метнулась во внутренний карман фрака и вытащила на свет нечто странное.

Только внимательно присмотревшись, похолодевший от ужаса Темпт понял: горбун сжимает двумя пальцами туловище насекомого, отдаленно напоминающего крупную двухвостку.

– Думаю, как художник художника вы меня поймете и по достоинству оцените благородный жест доброй воли.

Господин Темпт не хотел ничего понимать, чувствовать себя художником и находиться в одной комнате с кошмарным бароном. Но был бессилён что-либо предпринять и поэтому стоял с широко распахнутыми от ужаса глазами, зачарованно внимая диким речам сумасшедшего старика.

– Моя несравненная королева, – кивок в сторону невесты-убийцы, – сломает вам позвоночник, чтобы вы не могли двигаться. А чудесная во всех отношениях Ствара, – кончики пальцев барона игриво потрясли гадкое насекомое, – проникнет в вашу печень и начнет медленно пожирать ее, словно червь, грызущий свежее яблоко. Четыре-пять часов диких страданий – и вы спечетесь, словно пресловутый фрукт. –

Лицо садиста обезобразила жестокая гримаса, которую только при очень богатом и нездоровом воображении можно было ассоциировать с ласковой улыбкой. – Признайтесь честно, я вас удивил и порадовал?

Если насчет удивления никто не сомневался, то ни о какой радости не могло быть и речи.

Жестокий и беспощадный человек, без малейших колебаний и каких бы то ни было угрызений совести отправивший к палачам не одну сотню ни в чем не повинных узников, лишился дара речи. Он не просто оцепенел от ужаса, он был полностью раздавлен, будучи не в силах даже пошевелиться, не говоря о каких-либо более решительных действиях.

– Если возражений не последовало, будем считать, что джентльмены договорились, – удовлетворенно произнес горбун и, повернувшись к ослепительной невесте, произнес: – Начинайте, дорогая...

Повинуясь приказу своего господина, прекрасное создание сделало два коротких шага и без какого бы то ни было замаха ударило оцепеневшего от ужаса человека в солнечное сплетение.

Как ни странно, боли не было, так же как не последовало и кратковременного удушья, обычно сопутствующего попаданию в эту точку.

Заместитель Ласкового Жу успел подумать, что никто и никогда не ломает позвоночник ударом в живот, но после того, как его ноги подогнулись, а резко онемевшее тело груз-

но осело на пол, все-таки изменил свое мнение. Профессионалы высочайшего класса могут поразить врага энергетическим ударом намного сильнее и эффективнее обычного. И для этих виртуозов совершенно не важно, с каким участием тела соприкоснется их кулак. Главное – абсолютно точно представлять, какую область нужно поразить.

«Грамотная, сука, – как-то совершенно отстраненно подумал распластанный на полу Темпт, впадая в состояние не то спокойствия, не то безразличия. – Ее бы в нашу контору – цены бы не было...»

Но девушка не продавалась, поэтому ни о какой цене речи быть не могло.

«А снизу рост горбатого уroda кажется не таким уж и маленьким. – Как ни странно, после удара и последующего за ним падения к Темпту вернулось утерянное было самообладание. – И тварь, зажатая в пальцах, заметно увеличилась в размерах. Хотя, скорее всего, это не более чем игра воображения...»

– Оставляю вас наедине с блистательной Стварой, – весело произнес сумасшедший барон, разжимая пальцы.

Извивающаяся в воздухе гадина упала на пол и, быстро перевернувшись со спины на живот, засемила к неподвижно сидящему человеку.

«Гадалка же предупреждала, чтобы я опасался насекомых, – мелькнула у Темпта запоздалая мысль. – А я, глупец, не поверил и отправил ее к палачу...»

– С удовольствием бы остался и поболтал, но, к великому сожалению, ограничен во времени. – Извиняющийся тон горбуна был не более чем жестокой насмешкой. – Нас ждет увлекательнейший прорыв во дворец, и потому мы вынуждены откланяться. – Нелепое кривляние отвратительного барона выглядело не менее гадко, чем он сам.

Зато его очаровательная спутница попрощалась достойно – присев в глубоком, почтительном реверансе. После чего странная пара развернулась и проследовала к выходу. Впереди уверенно шагал низкорослый горбун, чуть позади шла ослепительная красавица, а замыкала шествие болонка с пошлым розовым бантом.

Обреченный на смерть провожал глазами своих убийц, и, почувствовав это, в самый последний момент собачка обернулась. Взгляды парализованного человека и уставшего от жизни фэйта встретились, и в голове безжалостного Темпта отчетливо ясно прозвучало прощальное напутствие: «Не сопротивляйся – и тогда Стваре хватит часа, чтобы закончить работу».

«Закончить работу», – невесело усмехнулся человек, ничуть не удивившись тому, что глупая болонка способна передавать мысли. Точно так же он говорил палачам: «Нужно закончить работу к такому-то сроку». Что означало – продлить агонию жертвы на определенное время.

И вот теперь на собственной шкуре придется испытать, что значит «закончить работу за час».

– Проклятая гадалка, – в сердцах выругался Темпт.

А затем Ствара наконец добралась до своей жертвы и, совершенно того не желая, отомстила за сотни безвинно погибших людей.

– Жалеть кого бы то ни было – признак дурного тона, – игриво помахивая тростью, желчно проскрипел горбун, обращаясь непонятно к кому – то ли к невесте, то ли к собачке. – А жалеть палача – тем более.

– Господа? – Ожидавший неподалеку офицер был несказанно удивлен появлению странной компании. – Я... Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Конечно, голубчик! – Лицо барона Антенвейского озарилось очередной мерзкой гримасой. – Пожалуйста, не стойте у нас на дороге.

«В каком смысле?..» – хотел было поинтересоваться совершенно сбитый с толку офицер, но не успел.

Безобидная с виду трость метнулась к его лицу, а неожиданно выскочившее лезвие прочертило тонкую красную линию на шее несчастного.

«Теперь уж точно не избежать штурма». – Удрученный вид болонки говорил о ее состоянии лучше каких бы то ни было слов.

– Вперед, друзья мои! – воодушевленно закричал ненормальный барон, увлекая за собой спутников. – Нас ждут великие дела!

«...!» – подумал фэйт, успевший за свою долгую службу

господину устать от этих «великих дел», как собака.

«...!» – выругался он еще раз, но все же, радостно пови-
ливая хвостом, побежал догонять хозяина.

Взятие приступом королевского дворца, без всякого со-
мнения, можно интерпретировать как великое дело, но...

«Когда же все это кончится?!» – наверное, в тысячный раз
спросил у себя бедный фант и в тысячный раз сам же себе
печально ответил:

«НИ...

КОГ...

ДА...»

Пока жив его ненормальный хозяин, это сплошное безу-
мие никогда не кончится.

Глава 10

Его звали Ульрих Победоносный. Глупое и пошлое имя, если вдуматься. Беда в том, что обременять себя лишними мыслями никто не хотел. Судя по всему, подавляющее большинство людей прекрасно живут, не думая. Может быть, именно благодаря этому печальному факту нездорово фанатичный Ульрих пользовался всенародной любовью, считаясь символом...

Каким именно символом он являлся, никто толком не знал, но все утвердились во мнении, что Ульрих – безусловный символ. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы одиозная личность, наделенная манией величия, всюду совала свой нос, совершенно не считаясь с мнением людей.

По-хорошему, его давно стоило прирезать. Благо врагов и недоброжелателей у этого человека имелось в достатке. Но все как-то не получалось, или не доходили руки, или находились более важные дела. И как следствие – Победоносный дотянул до Великой битвы за Ранвельтильскую девственницу, сыграв в ней одну из ключевых ролей.

Можно было бы назвать его выступление «первой скрипкой», или «блестящим соло», или...

А впрочем, как бы это дерьмо ни называлось, лично мне от этого было не легче. По той простой причине, что в столкновении двух «мегагероев» вашему покорному слуге отво-

дилась роль пассивного зрителя. Вынужденного наблюдать, как карающий демон раз за разом пытается расплющить меня в лепешку при помощи огромного молота.

Если отбросить незначительные детали, то в целом процедура напоминала экстремально девельтипированную пули-визацию. Правда, рядом не наблюдалось кошмарно зловеще-го Антопца, но этот пробел с лихвой компенсировался тем, что сам демон и его оружие были в несколько раз больше, чем каменный голем из подземелий Цтинкла...

Когда в женских гламурных журналах обсуждают мужские достоинства, то зачастую жеманно утверждают: «Размер не имеет значения». Может быть, это и правда (журналам виднее), но если речь заходит о гребаной девельтипированной пули-визации, то, скажу откровенно: размер – это наиглавнейшее. Чем больше кувалда, которой вас пытаются пули-визировать, тем больше шансов, что вы даже не успеете понять, накрыл ли тело сладостный оргазм или просто его не по-детски расплющило.

Могу авторитетно подписаться под всем вышесказанным, так как имею большой опыт в плане пули-визации, размеров кувалд, молотов и другого колюще-режущего и дробяще-расплющивающего оружия...

Впрочем, не будем отвлекаться и вернемся к нашему несравненному Ульриху.

Справедливости ради стоит отметить, что честолобивый, но недалекий рыцарь никогда бы не смог вызвать карающего

демона. И если бы не помощь и закулисные интриги последователей Истинной церкви, то опоздавший к началу битвы «символ» (вместе со своим двухтысячным отрядом) бесславно и глупо сложил бы голову, штурмуя неприступные стены родового гнезда эксцентричного Мио.

Вечером, накануне дня решающей битвы, стало предельно ясно – завтрашнее сражение будет проиграно. И несмотря на все просьбы, угрозы, а также прямое давление священников, им не удалось убедить генералов в том, что взятие ворот – самый быстрый, легкий и безопасный путь к победе.

Благодаря стараниям шпионов Мио верховное командование альянса было в курсе того, кто будет «охранять» врата неприступной цитадели. Поэтому ни у кого из военных не возникало желания играть при шансах пятьдесят на пятьдесят. Тем более что все шесть монархов наверняка учтут мудрое решение своих генералов, когда будут разбирать причины бесславного поражения в этой кампании. Нет, определенно при подобном раскладе риск был совершенно не оправдан. Поэтому штурм ворот не рассматривался даже с чисто теоретической точки зрения.

И только упорные священники продолжали доказывать, что все это не более чем наглый блеф, мастерски инсценированный хитроумной бестией Мио.

А так как их никто не послушал, то изворотливым служителям церкви пришлось действовать самостоятельно – на свой страх и риск. И, забегая немного вперед, стоит при-

знать: их авантюрные замыслы полностью себя оправдали...

Весть о том, что Ульрих Победоносный вместе с отрядом рыцарей прибудет на рассвете решающего дня, была с энтузиазмом встречена всей армией. Его враги надеялись, что самовлюбленный болван наконец-то найдет свою смерть под стенами неприступной цитадели, а друзья радовались, что пойдут в атаку с «победоносным символом», который, вне всякого сомнения, принесет им удачу.

Но планы тех и других нарушили коварные приверженцы Истинной церкви.

Ночью два человека, чья принадлежность к священнослужителям не вызывала сомнений (длинные рясы и отсутствие оружия говорили сами за себя), покинув расположение огромного военного лагеря, отправились навстречу Ульриху. Сытые, хорошо отдохнувшие кони за четыре часа бешеной скачки достигли бивака великого воина. После чего гонцам понадобилось еще полчаса, чтобы пробиться на аудиенцию к Ульриху, и только после всего этого в палатке «победоносного символа» состоялся приватный разговор.

Если опустить незначительные детали, то суть предложения священников сводилась к тому, чтобы Ульрих внес решающий вклад в победу армий альянса.

Коварные отцы церкви особенно упирали на глупость и слабость генералитета, не способного пойти на решительные меры, когда дело касается несравненной жемчужины данного измерения – блистательной и непревзойденной Ранвель-

тильской девственницы. Да, смиренно соглашались послы, существует определенная вероятность того, что проклятый колдун не блефует и действительно вывесит на входе своего грязного логова пресловутого юношу с «Растворителем миров» в голове. Но даже если это не элементарный обман (хотя, зная взбалмошного Мио, трудно поверить, что он способен на честную игру), то и тогда нет никакой уверенности в том, что «Растворитель» сработает. В истории измерений не было ни одного случая, чтобы какой-нибудь мир безвозвратно исчез. Так что все эти детские выдумки и неумелое нагнетание обстановки могут смутить лишь малодушных трусов.

Ульрих Победоносный никак не мог позволить, чтобы его причислили к малодушным трусам, поэтому не колебался ни секунды. Конечно, если бы вся слава и почет достались не ему, то, возможно, «символ» прислушался бы к голосу разума и не поддался на уговоры священников (к которым по большому счету питал плохо скрываемую неприязнь). Но ему предлагали громкую славу и почести – в обмен на минимальный риск. Поэтому нет ничего удивительного, что он подписался на эту авантюру.

Ну а все остальное – уже детали. Хозяин Кольца Печали (взятого напрокат у святых отцов) мог дважды вызвать карающего демона. А опоздать к началу битвы на полчаса, чтобы неожиданно возникнуть перед воротами с двухтысячным отрядом тяжеловооруженных рыцарей, было проще простого.

Кроме того, противостоять карающему демону мог толь-

ко какой-нибудь иной демон. А когда начинают биться два высших существа, всем смертным лучше убраться как можно дальше с поля боя. Фактически бесплотные демоны выясняют отношения на Арене Хаоса. Но так как их оболочки продолжают оставаться в первоначальном измерении, являясь всего лишь некой проекцией, то из-за сложностей, возникающих с пересечением мнимых и действительных реальностей, все живое в радиусе нескольких сот метров сгорает дотла.

По большому счету священникам нужен был даже не сам Победоносный (разрушителя они могли вызвать без проблем), а именно его двухтысячный отряд. Уничтожить жалкую кучку приверженцев Истинной церкви и загнать демона в кольцо было бы делом двух-трех минут. Высшее существо выполняло только один приказ (разбить ворота) и не стало бы отвлекаться на битвы презренных смертных. А вот справиться с многочисленной группой тяжеловооруженных рыцарей было достаточно проблематично. Истребить пару тысяч закованных в тяжелую броню всадников, чтобы добраться до их предводителя, – задача не из легких. И двумя-тремя минутами здесь явно не ограничиться. Нужно как минимум полчаса. А за это время ворота падут.

Таким образом, недалекий Ульрих при поддержке коварных священников поставил несчастного Мио в ситуацию, из которой не было выхода.

Убить бесплотного карающего демона колдун просто не

мог. Вызвать на помощь еще одного демона было бы крайне неразумно – во время битвы чудовищ заживо бы сгорел сам «славный герой», в голове которого покоился «Растворитель миров». Открыть ворота значило обречь себя на неминуемое поражение. А положиться на волю провидения не представлялось возможным. Либо страшная кувалда демона убьет юношу – и все закончится в одно мгновение, либо импровизированный таран проделает брешь в укреплении, в которую хлынут войска неприятеля.

Еще совсем недавно ни на секунду не сомневающийся в собственной победе Мио вдруг оказался на грани ужасного поражения. Задача, которую ему предстояло решить как полководцу обороняющегося замка, не имела решения, и потому...

И потому гарнизон крепости поднял мятеж и сдал цитадель врагу.

Прелты считались чуть ли не образцовыми наемниками и никогда не шли на откровенное предательство, но если верховный главнокомандующий не справляется с бременем ответственности, возложенным на его плечи, то не остается ничего иного, как признать свое поражение и спасти собственные жизни.

В течение пяти минут демон шесть раз обрушил свою страшную кувалду на ворота и, к счастью для всех обитателей измерения, не попал в человека, с чьей смертью могла оборваться история этого мира.

Прелты и без того терпели слишком долго, предоставив хозяину пятиминутную отсрочку. Но никаких видимых действий со стороны растерянного колдуна не последовало. Поэтому около сотни свирепых воинов, оставив позиции на стенах, бросились к воротам.

Немногочисленные слуги, преданные Мио, попытались было остановить взбунтовавшихся наемников, но были уничтожены, после чего мятежники привели в действие огромный механизм, открывающий массивные створки, – и крепость пала.

Ульрих Победоносный во главе многочисленного тяжеловооруженного отряда ворвался во внутренний двор цитадели, не встречая никакого видимого сопротивления.

Конечно, было бы замечательно изрубить в мелкий фарш сотню-другую прелтов. Но побросавшие оружие наемники (которые к тому же сами открыли ворота) относились не к той категории врагов, чья смерть могла осенить лучами славы возвышенно-прекрасный облик Ульриха.

Поэтому «символ» ограничился водружением над воротами своего знамени с родовым гербом и, взяв около двух сотен воинов, проследовал к башне Феникса, на самом верхнем этаже которой в «страшной неволе» томилась Ранвельтильская девственница – прекрасная и бесценная жемчужина этого измерения...

Не успев как следует оправиться после встречи с бесплотным духом, Сайко подвергся очередному нашествию гостей. Правда, в отличие от первых двух randevу (когда разговор происходил тет-а-тет) теперь он имел дело сразу с тремя посетителями. Причем все трое были с ног до головы забрызганы кровью и поэтому выглядели откровенно зловеще.

А если добавить к описанию внешнего вида явные признаки сумасшествия, сквозившие в диких речах их предводителя, то становилось ясно – от такой компании нужно держаться как можно дальше. И будь на то воля Сайко, он непременно последовал бы этому мудрому соображению. Но, к сожалению, в данной ситуации от него ровным счетом ничего не зависело...

Молодой человек стоял на коленях, безуспешно пытаясь привести в чувство телохранителя, когда входная дверь, выбитая мощным ударом, сорвалась с петель и с грохотом рухнула на пол. Сразу же вслед за этим в комнату ворвался запачканный кровью горбун, неистово потрясающий тростью и громоподобным голосом декламирующий:

Да, малодушными нас делает сомненье...

Так бледный свой оттенок размышленье

Кладет на яркий цвет уж твердого решенья,
И мысли лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение.
О, если б... ¹¹

Вслед за безумным декламатором в комнате появилась молодая девушка ослепительной красоты и грации, чье некогда белоснежное платье потемнело от крови. И, будучи порванным в нескольких местах, обнажало фрагмент прекрасной груди. Это неземное создание было совершенно, как мраморная статуя. Разорванное платье и бурые пятна запекшейся крови несколько портили общее впечатление, но даже в таком виде она выглядела поистине божественно.

Совершенно не удивительно, что на фоне непередаваемой красоты и обнаженной природы появление третьего персонажа – мокрой болонки грязно-бурого цвета – прошло абсолютно незамеченным.

– Позвольте поинтересоваться, – страшный горбун, за секунду до этого вдохновенно размахивавший руками, быстро успокоился, с ходу усевшись в удобное кресло, – как наиболее яркий представитель молодого поколения, из всех нами встреченных, что вы думаете по поводу гениальной фразы «Да, малодушными нас делает сомненье...»? Не находите ли вы, что в этом глубокомысленном замечании намного

---

¹¹ Концовка «известного в узких кругах» монолога Гамлета. Перевод М.Загуляева.

больше скрытого смысла, чем может показаться на первый взгляд?

С огромным трудом оторвавшись от созерцания груди богоподобной незнакомки, Сайко повернул голову на голос и не нашел ничего лучшего, как ляпнуть короткое: «Что?»

– Не находите ли вы, что во фразе «Да, малодушными нас делает сомненье» намного больше смысла, чем кажется? – терпеливо повторил закинувший ногу на ногу горбун, которого ничуть не смущала промокшая от крови одежда и темно-бордовая лужица, образовавшаяся рядом с креслом.

– Вы... Вы серьезно? – Пораженный до глубины души Сайко не мог поверить в то, что необычная пара вырезала половину дворца только ради того, чтобы спросить, какие мысли возникают у него по поводу непонятной фразы.

– Молодой человек, – укоризненно покачал головой странный незнакомец, – разве я похож на несерьезного джентльмена?

– Нет, не похожи, – честно признался Сайко, лихорадочно размышляя, что понадобилось от него кровожадному любителю поэзии.

Слишком долго думать не пришлось, потому что ответ лежал на поверхности. Сегодня всех посетителей интересовала только одна животрепещущая тема – ГРЕБАНЫЙ ЗООПАРК!

– Нет, не похожи, – еще раз для пущей убедительности повторил новоявленный миллионер и быстро добавил: – В

первой строчке вашего божественного стихотворения смысла не просто много. Его там настолько много, что просто голова начинает кружиться, если как следует призадуматься.

– Bravo! – Вольготно развалившийся в кресле горбун захолопал в ладоши. – Вيني, обрати внимание, какая прекрасная смена у нас подрастает.

Сайко перевел взгляд на красавицу, но она, словно бездушная кукла, стояла, глядя в пустоту прямо перед собой, никак не реагируя на реплику. А вот мокрый, взъерошенный комок, вертевшийся у ее ног, услышав свое имя, сделал стойку на задних лапах, игриво помахивая в воздухе передними.

– Вы меня, безусловно, заинтересовали, – поощрительно-ласково улыбнулся сумасшедший декламатор. – Сразу видно, что никаких сомнений у вас нет и оттого ни о каком малодушии не может быть и речи.

Спасаясь от преследования недоброжелателей, Сайко однажды пришлось прикинуться невменяемым, проведя в больнице для умалишенных пару незабываемых недель. Именно там он научился главному правилу общения с психами: никогда не нужно им перечить или тем более их злить. Если не хочешь, чтобы какой-нибудь особо нестабильный индивидуум ночью перегрыз тебе глотку (а подобные эксцессы встречались сплошь и рядом), лучше во всем с ними соглашаться. При этом желательно мило улыбаться, лучась добротой и спокойствием.

– Сомнения и малодушие чужды мне в принципе, – со-

вершенно искренне (так, что на секунду сам поверил в собственную ложь) ответил Сайко.

Он хотел было продолжить начатую мысль, но вовремя вспомнил о втором правиле выживания: «Никогда не говори лишнего сумасшедшему. Отвечай сжато, конкретно и только по существу».

– Похвально! – Горбун был явно удовлетворен блестящим ответом собеседника. – Под впечатлением от ваших речей я даже слегка переосмыслил собственное решение.

Так бледный свой оттенок размышленья
Кладет на яркий цвет уж твердого решенья.

Произнеся эти строки, непредсказуемый любитель поэзии резко замолчал, о чем-то глубоко задумавшись.

«Ситуация не из приятных», – встревожился Сайко, лихорадочно пытаясь решить, что лучше – промолчать или высказаться по поводу «твердого решенья».

Но, на его счастье, горбун не стал слишком долго зависать в зачарованных далях «бледных размышлений», быстро вернувшись к реальности текущего момента.

И мысли лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение, —

продекламировал он торжественно, после чего, слегка склонив голову набок (и став оттого чем-то похожим на уче-

ного ворона), лукаво блеснул черным глазом (еще более усилив сходство) и попросил:

– Удивите меня, молодой человек, еще раз: отгадайте, о какой мысли идет речь?

«Скоро сюда сбегутся все, кто только может, – подумала заметно нервничающая собачка. – Дворец большой, и это дает определенный шанс, но рано или поздно нас все-таки вычислят. Виртуоз экстра-класса может пробить брешь в антиматической защите королевской резиденции, но бессилён что-либо сделать, когда речь заходит об энергетической ловушке. Несколько волшебников создадут клетку, внутри которой блокируются все магические способности, а многочисленная охрана – она же по совместительству пушечное мясо – в конечном итоге задавит нас количеством. По-хорошему, нужно как можно скорее убираться из огромного потревоженного улья, а вместо этого мы тянем время до самого последнего момента, изображая из себя...»

Трое охранников ворвались в комнату неожиданно. Без всякого сомнения, они знали, что преступники, проникшие во дворец, предельно опасны. И поэтому, не вступая в какие бы то ни было переговоры, сразу же бросились в атаку. Отвлекаться на болонку никто не стал (это было бы глупо), поэтому основной удар пришелся на девушку, стоявшую ближе всех к двери.

Глухо щелкнули пружины небольших арбалетов, и три коротких болта устремились навстречу своей жертве. Они ка-

зались не настоящими, даже игрушечными, но разбирающимся в оружии людям прекрасно известно: эти «игрушечные» болты – страшная вещь в ближнем бою. Выстрел с трех-четырех метров может пробить стальной доспех тяжеловооруженного рыцаря. А залитые кровью преступники вообще не были защищены, что делало их полностью уязвимыми...

Внимая речам ненормального старика, Сайко продолжал краем глаза следить за прекрасной незнакомкой. И поэтому первым увидел, как на белоснежной груди расцвел красный бутон, выплеснув наружу кровавые капли-лепестки.

Девушка судорожно взмахнула руками, но сохранить равновесие ей не удалось – еще две стальные заточки пронзили ее грудь, после чего пробитое насквозь в трех местах тело повалилось назад за кресло, в котором вальяжно развалился мерзкий горбун.

Ненужные арбалеты были отброшены в сторону, и трое воинов, обнажив короткие мечи, бросились вперед, чтобы добить «беззащитного» старика.

Сайко даже успел подумать: «Каким образом эта странная тройца смогла пробиться во дворец?» Однако последующее развитие событий расставило все на свои места.

Изрешеченное болтами тело красавицы резко поднялось на ноги. Она даже не вскочила, а встала, словно кукла-неваляшка, – мгновение назад еще лежала на полу, а сейчас уже стоит на ногах – и коротко шагнула навстречу атакующим. Эта дикая сцена выглядела как откровенное самоубийство.

Ничего удивительного, что девушка напоролась на вытянутый меч, острие которого, легко пронзив хрупкое тело, вышло из спины. Треск разорванной ткани слился с неприятным хрустом костей, а беспощадный убийца, по инерции сделав шаг вперед, неожиданно оказался в объятиях невероятно прекрасной невесты, чьи огромные черные глаза были похожи на жерла глубоких колодцев, на дне которых затаилась чья-то смерть.

Вопрос, чья именно, – не обсуждался...

Голова красавицы чуть отклонилась назад, а затем резко пошла вперед. Она ударила лбом в лицо своего новоявленного жениха. И этот страшный удар оказался настолько сильным и точным, что хрящи сломанного носа вошли в мозг, а человек умер на месте.

Пронзенная мечом невеста не остановилась на достигнутом, а выкинула в стороны изящные руки. Короткий свист рассекаемого воздуха – и два кулака врезались в височные кости оставшихся воинов. Раздался хруст крошащихся черепов – и все трое нападавших были мертвы.

Вопрос, чья именно смерть затаилась на дне глаз-колодцев, изначально не требовал ответа, потому что исход битвы был предрешен.

– Так что вы скажете о мысли?

Радостно-возбужденный голос безумного любителя поэзии вывел Сайко из оцепенения, и молодой человек перевел взгляд с неубиваемой невесты на ее спокойного кавалера.

– Мысли?!

– Да. Удивите меня еще раз, попытавшись отгадать, о какой мысли идет речь?

Разумеется, Сайко не мог знать, какие мысли бродили в нездоровом сознании кровожадного горбуна. По большому счету там могло вообще не быть ни одной связной мысли. Но странный котообразный господин и бесплотный посланец королевы Семи Палачей приходили из-за чертова зоопарка. Поэтому совершенно естественным было бы предположить, что и эта ненормальная компания заявила сюда исключительно ради «вольеров для животных».

– Если я правильно угадаю, о чем идет речь, вы ответите на один мой вопрос? – неожиданно даже для самого себя попросил Сайко.

– Хм-м... А вы чрезвычайно интересный молодой человек! – Было очевидно, что просьба показалась странной даже нестабильному во всех отношениях колдуну. – Ну что ж, давайте попробуем, но только у меня будет встречное условие: если не отгадаете – не обессудьте.

Ошибки лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение.

Если быть до конца откровенным, то предложение нельзя было назвать слишком уж заманчивым. Строки про ошибку, остановившую важнейших дел течение, совершенно откоро-

венно намекали на смерть, остановившую течение жизни. А учитывая, как быстро и хладнокровно божественная красавица расправилась с тремя охранниками (а сколько человек полегло до этого – вообще неизвестно), не приходилось сомневаться, что так же быстро и хладнокровно будет убит и новоявленный миллионер. А ведь ему так и не удалось в полной мере насладиться неожиданно обрушившимся на голову богатством.

«Скорее всего, они все равно задумали меня убить, – напряженно подумал Сайко, краем глаза наблюдая, как девушка извлекает из своего живота меч. – Если пришли в открытую, никого не боясь, значит, заранее решили избавиться от ненужного свидетеля».

– Хорошо. Я согласен на ваше условие, – с притворной беззаботностью махнул рукой отчаянный авантюрист. – Будем играть на максимальные ставки.

– Прекрасно! Меня всегда радовали вот такие отчаянные молодцы. – На этот раз ненормальный старик говорил абсолютно искренне.

«Скорее же! – раздраженно подумала не находящая себе места от волнения собачка. – ДАВАЙТЕ СКОРЕЕ РАЗБИРАЙТЕСЬ СО СВОИМИ "НРАВИТСЯ – НЕ НРАВИТСЯ" – И УХОДИМ!»

Она без труда могла прочесть мысли человека, но, когда речь заходила о столь серьезных пари, ее хозяин предпочитал, чтобы фэйт не вмешивался.

– Я считаю, что вы пришли сюда ради зоопарка. И главная мысль – та, ради которой и останавливаются важнейших дел течение, связана именно с ним.

Несколько секунд в комнате царило напряженное молчание, прерываемое хриплым дыханием взъерошенной Вини (она откровенно нервничала), а затем эксцентричный горбун в который уже раз захлопал в ладоши.

– Вечер однозначно удался! – в неопишемом восторге закричал он. – Сначала Круплау, потом дворец и под самый занавес – блестящее пари! Вот уж действительно не ожидал ничего подобного!

«Еще пять минут промедления, – обреченно подумала несчастная собачонка, – и мои ожидания точно сбудутся».

– И так как пари было честным, то лично я не вижу никаких оснований, чтобы не выполнить свою часть договора.

«БЫ-СТРЕ-Е!»

– С давних времен существовало предание, что однажды наступит момент, когда звезды закружатся в безумном хороводе, сети Дауры наполнятся уловом, короли падут ниц, а звери и птицы потеряют свободу, оказавшись в плену многоликого Виру. И тот, кто отыщет ключ к несуществующему замку, станет великим наследником Трона.

Последовала многозначительная пауза, во время которой молодой человек, наверное, должен был хлопнуть себя ладонью по лбу и закричать: «Как же я забыл о пророчестве! Ведь это же все объясняет!!!»

Но вместо этого абсолютно сбитый с толку Сайко подумал: «Со зверями и птицами, потерявшими свободу, – понятно, но каким образом весь остальной бред связан с моим хреновым зоопарком?»»

Видимо, растерянность, оразившаяся на лице собеседника, сказала колдуну больше, чем все слова, вместе взятые, поэтому он поспешил объяснить:

– Карты Судьбы и чтение пророчеств – вещи достаточно трудные, но если обладать определенными навыками, то...

– Ясно! – утвердительно кивнул Сайко, решив не вдаваться в ненужные подробности чтения пророчеств, и, задумчиво нахмурившись, пробормотал: – Так вот почему котообразному господину и призраку королевы была необходима моя подпись.

– Котообразный господин? – Глаза горбуна превратились в две узкие щелочки.

– Да.

– А нельзя ли поподробнее, но только вкратце. Я чувствую приближение врагов.

«Наконец-то! – радостно встрепенулся фэйт. – НАКОНЕЦ-ТО МЫ ПРОЗРЕЛИ!»

– Пришел странный невзрачный человек. Как мне показалось – неуловимо смахивающий на большого кота. Мой телохранитель, – рука Сайко указала на распростертое на полу тело, – проткнул его шею стилетом, но гость как ни в чем не бывало отключил нападающего и предложил мне подписать

контракт.

– В том, что все права на строительство переходят к нему?

– Точно. Потом был еще призрак, назвавшийся посланцем королевы Семи Палачей.

– Призрак – ерунда, – нетерпеливо отмахнулся горбун. – Задери свою рубаху и посмотри на правую сторону груди. Если рядом с соском есть небольшое пятно, напоминающее чернильную кляксу, то плохи твои дела. Проклятие Сантибарры – вещь ужасно неприятная. От силы два с половиной часа – и некогда полный сил и здоровья человек превращается в бессмысленный холодный труп.

Одно дело разговаривать с сумасшедшим колдуном, вымазанным с ног до головы запекшейся кровью, и совершенно другое – убедиться в наличии смертельного заболевания, поразившего молодое здоровое тело. Только сейчас новоявленный миллионер понял, что все его прежние страхи не стоили ломаного гроша.

Сайко ужасно не хотелось проверять догадку собеседника, но неопределенность была во сто крат хуже, поэтому с отчаянием обреченного человека он резко задрал рубаху, опустил взгляд на грудь и...

И увидел черное пятно, похожее на чернильную кляксу.

– Проклятие Сантибарры! – потрясенно прошептали непослушные губы. – Но за что? Я ведь все подписал! Это... Это же нечестно!

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялся старик. – О каких «чест-

но» или «нечестно» может идти разговор, когда на сцену выходит негодяй Зоул? Скажу вам совершенно откровенно: Зоул полный псих. Я бы тоже убил вас после того, как вы подписали все документы, – продолжал ненормальный горбун, – но я бы сделал это легко и красиво, а не заставил жестоко страдать с проклятием Сантибарры. Нет-нет. Что ни говорите, а Зоул – олицетворение зла и безумия. Все пороки в одном флаконе. Лучше и не скажешь. Кстати, пока у нас есть время – поставьте, пожалуйста, автограф на паре документов, а я в знак благодарности подарю вам вот этого милого паучка.

Рука старика метнулась во внутренний карман, вытащив оттуда страшного черного паука размером с ладонь. Мохнатые ноги и какие-то неправдоподобно большие жвала придавали ему особо зловещий вид.

За предельно короткое время на бедного Сайко обрушилось слишком много информации. Он узнал, что помечен проклятием, обрекающим его на смерть, услышал про тайну зоопарка, почерпнул ценные сведения о безумном Зоуле и получил в подарок страшного паука.

Рука автоматически поставила подписи на паре документов и, после секундной заминки, начертала текущую дату.

– А... нельзя... Ну... в общем... этот паук...

– Без паука никак не получится, – с сожалением вздохнул ненормальный горбун. – Только мой маленький любимец может высосать проклятие Сантибарры и спасти чрезвычай-

чайно ценную жизнь, которую с этого момента нужно охранять особенно тщательно. Потому что все эти юридические тонкости с правом наследования могут затянуться надолго. А живой и невредимый человек, переполняемый чувством благодарности за спасенную жизнь, всегда может сказать, кому именно он поручил возвести зоопарк. Ведь правда, Вيني?

Собачка утвердительно закивала, подпрыгивая от нетерпения. Было очевидно, что ей хочется как можно скорее покинуть это опасное место.

– А раз это правда, ты останешься здесь и проконтролируешь, чтобы нашего юного друга никто не обижал. В случае возникновения каких-нибудь осложнений ты знаешь, как со мной связаться. Если не смогу появиться сам, пришлю ЛСД¹².

– Вопросы? Нет? Так я и думал. Тогда, друзья мои, позвольте откланяться.

Колдун порывисто вскочил с кресла, схватив неподвижно стоящую красавицу, чье платье уже даже не покраснело, а почернело от запекшейся крови, и, весело прокричав: «В самый последний момент!» – растворился в воздухе вместе со спутницей.

За всеми этими феерическими манипуляциями Сайко даже не заметил, как и когда огромный паук очутился на груди, а оставшаяся заботиться о его безопасности собачонка

---

¹² ЛСД – еще один файл безумного маньяка Асванха Пиринизона (Аспирина), известный по первой и второй части цикла.

запрыгнула на руки.

Но зато он увидел, как на потолке, стенах и паркете появились фиолетовые полосы, чем-то напоминающие прутья решетки. А сразу же вслед за этим в помещение ворвалась группа вооруженных до зубов стражников.

– В последний момент... – пробормотал Сайко, только сейчас в полной мере осознав, что горбун достаточно серьезно рисковал.

«Скажешь, что я твоя любимая собачка Вини, – прозвучало в голове удачливого авантюриста. – Если будут обыскивать и спросят про паука, сошлись на древнюю традицию варваров. Или придумай что-нибудь еще. Помни, нас не должны ни в коем случае разлучать, и нельзя снимать паука, пока он не высосет проклятие Сантибарры».

«А что будет после того, как он высосет это убийственное проклятие?» – хотел было поинтересоваться Сайко у смышленного пса, но передумал...

Дальнейшее развитие событий показало, что совершенно напрасно он не стал этого делать. Так как паук, высосавший проклятие Сантибарры, превращался в саму Сантибарру. И по сравнению с этим чудовищем не в меру игривая Круплау выглядела словно невинный ягненок, решивший слегка порезвиться на зеленой лужайке...

Сказать, что Фромп был взбешен, – значит вообще ничего не сказать. Его состояние можно было сравнить с неистовой яростью быка, раз за разом бросающегося на красную тряпку и неизменно получающего укол шпагой от изысканного красавца тореадора. И хотя король в глубине души понимал, что ярость затмевает его разум, но был не в силах бороться с приступом дикого бешенства.

Слишком много событий произошло в течение неполного дня. Одна только потеря половины королевства могла вывести из равновесия кого угодно. А неожиданное нападение на дворец за два часа до начала пира, устроенного в честь проклятых героев, было последней каплей, переполнившей чашу терпения монарха.

Он кричал и ругался самыми последними словами на советников и особо доверенных приближенных. Как будто был не блистательным королем, а пьяным матросом, вымещающим злобу на прохожих, которые имели несчастье оказаться у него на пути. Монарх не контролировал себя в этот момент и оттого был особенно страшен.

– Какие, ..., запредельные возможности экстра-класса? – бешено вращая глазами, кричал Фромп, сверля ненавидящим взором мага, отвечающего за безопасность дворца. –

Кто говорил мне, что защита десятого уровня непреодолима? КТО – ЭТО – БЫЛ?

Вопрос не требовал ответа, так как все прекрасно знали, что за магическую безопасность королевской резиденции отвечают шесть опытных волшебников во главе с присутствующим здесь Сервелом.

– На кой хрен мне нужна защита, не способная никого остановить?! В таком случае проще широко распахнуть все двери и сказать – приходите, кто хочет, и берите, что пожелаете! А если нужно будет перерезать половину охраны – не стесняйтесь! Вас никто не обидит и не тронет.

Подавленно молчащий Сервел мог бы сказать в свое оправдание, что защита десятого уровня является максимально возможным антимагическим барьером и преодолеть ее под силу только невероятно сильным волшебникам, о которых доподлинно ничего не известно. Имеются лишь смутные непроверенные слухи, больше похожие на вымысел, чем на правду. Но слухи на то и слухи, чтобы относиться к ним с осторожностью.

Однако перечить монарху, когда он в таком состоянии, было бы неразумно. Чуть позже, когда он придет в себя и успокоится, они смогут нормально поговорить, а сейчас...

Даже самые великие и могущественные короли – всего лишь люди. Иногда им нужно расслабиться и выпустить пар.

Может быть, чисто подсознательно это понимал и сам Фромп, и поэтому сиятельная особа выпускала пар доста-

точно долго и жестко. Когда злоумышленники покушаются на святая святых – основы власти, ответные действия обязаны быть не просто суровыми, а предельно жестокими. Иначе как друзья, так и враги могут усомниться в могуществе короля и попытаться устроить дворцовый переворот. Не нужно было далеко ходить за примерами – в тысячелетней истории Сарлона было достаточно низвергнутых монархов, потерявших престол и жизнь в результате элементарного проявления слабости. «Слабость – самая непростительная черта владыки», – не переставал повторять Фромп Первый своему сыну.

И уроки отца не прошли даром. Фромп Второй на протяжении всего своего правления неукоснительно следовал этому нехитрому правилу. Может быть, именно благодаря этому он так долго и оставался главой огромной империи.

Заключительным аккордом королевского гнева стало смещение Сервела с его поста и лишение почетного звания главы магов. Начальнику дворцовой стражи недолго думая отрубили голову, двух старших офицеров отдали на растерзание палачам, а все остальные охранники, дежурившие в эту смену, были сосланы рабами на галеры.

Как обычно и бывает, самый виноватый (Сервел) пострадал меньше всех. Но квалифицированные кадры в любое время большая редкость, поэтому относиться к ним нужно особенно бережно. Плюс ко всему ссориться с гильдией магов было неразумно, поскольку могло быть чревато различ-

ными неприятностями – вплоть до неожиданной смерти.

Хотя вступать в конфликт с могущественным королем – тоже не самый лучший способ дожить до глубокой старости. Многочисленная армия осведомителей и тайных агентов Ласкового Жу была в состоянии уничтожить любого непокорного, будь то маг или простой обыватель.

Поэтому самым лучшим в сложившейся ситуации было сохранять дружественный нейтралитет. А смещение Сервела с его высокого поста являлось скорее красивым жестом, нежели прямым вызовом. И все, кто должен был понять это, оценили великодушие короля. А те, кто не понял, – не оценили...

Они или лишились головы (как начальник караула), или были сосланы на галеры.

– Чествование героев переносится из дворца на площадь Падающих Звезд, – отрывисто приказал Фромп, после того как пришел в себя и начал понемногу остывать. – Через полтора часа должно быть готово все необходимое. В случае срыва банкета виновные ответят головой.

В свете последних событий выражение насчет головы уже не казалось обычной метафорой, потому что являлось неотъемлемой частью суровой действительности. Не выполнил приказ короля – голова с плеч. В назидание остальным.

Аудиенция была окончена, а короткий взмах руки Фромпа означал, что все свободны. Сервел хотел было остаться и переговорить с повелителем наедине, но передумал.

«У короля сегодня был слишком насыщенный и трудный день, – здраво рассудил убеленный сединами старец. – Будет лучше дать ему успокоиться и все обдумать, а только затем предложить блестящую комбинацию, способную в одно мгновение вернуть владыке утерянные позиции, а мне – прежнюю должность».

Занятый подобными мыслями, Сервел быстро миновал несколько коридоров и оказался в небольшом тупике – тихом, спокойном месте, где располагались его личные покои. Должность придворного мага подразумевает постоянную жизнь во дворце. А от такой жизни зачастую настолько устаешь, что в редкие свободные минуты хочется отгородиться от бесконечной суеты и надоевшего шума в уединении тихого кабинета. Правда, сейчас не до отдыха – нужно спешить на площадь Звезд, чтобы успеть подготовить ее к предстоящей церемонии. Но Сервел не смог отказать себе в маленькой слабости посидеть две-три минуты в тиши уютного кабинета.

Именно эта слабость его и погубила.

Открыв дверь, маг шагнул в комнату – и почти сразу же был разрублен на две половины. Одна из которых упала внутрь кабинета, а вторая осталась лежать в коридоре.

Убийца подждал рядом с дверью, прижавшись к стене. И как только жертва переступила порог, сразу же огромный топор со страшной силой врезался в голову несчастного, и...

И все кончилось.

Королева Семи Палачей заранее спланировала убийство Сервела, но не могла предположить, что оно произойдет сразу же после неприятного разговора с Фромпом.

Каприз взбалмошной кокетки Судьбы раскидал карты таким образом, что король неожиданно для себя оказался в более чем двусмысленном положении. Сначала он пощадил провинившегося старца, наказав вместо него ни в чем не повинных охранников, а затем прямо или косвенно приложил руку к смерти только что помилованного мага.

Все это выглядело на редкость скверно. Потому что владыка, столь безжалостно и подло расправляющийся со своими подданными, вынужден постоянно опасаться ответного предательства.

Нет ничего удивительного в том, что предательство не заставило себя долго ждать.

Глава 11

Цитадель Мио пала. Наемники предали его. Но даже несмотря на весь ужас своего положения, эксцентричный колдун не собирался так просто сдаваться. Башня Феникса была настолько высокой, что едва не подпирала своим шпилем небо. Ранвельтильская девственница могла в самом крайнем случае выступить в качестве заложницы, а могучие кредхи черпали силы в магической энергии, в которой не было недостатка. Нет, Мио еще не проиграл сражение, и жестоко ошибались те, кто наивно полагал, что битва закончилась.

Ульрих Победоносный вместе с двумя сотнями рыцарей первым столкнулся с хитростью колдуна, наполнившего башню Феникса жестокими ловушками и всякого рода неприятными сюрпризами. И то, что «символу» удалось выжить, свидетельствовало скорее о его невероятном везении, чем о каких-либо экстраординарных способностях.

Однако справедливости ради стоит отметить, что начало операции складывалось более чем спокойно, не предвещая каких бы то ни было трудностей. Широкая лестница (пятнадцать человек могли выстроиться в шеренгу) оказалась совершенно пустынной. Не было ни слуг, ни охранников – вообще никого. Могло даже показаться, что небольшой отряд обнаружил древнюю святыню, давным-давно покинутую ее обитателями. Для полноты картины не хватало только сви-

сающей с углов паутины, толстого слоя пыли и стаи летучих мышей.

Но чистота и порядок свидетельствовали о том, что это место обитаемо, а на самом верху затаился злобный колдун, удерживающий в своих грязных руках эталон чистоты и непорочности – Ранвельтильскую деву.

– Друзья! – проникновенно обратился Ульрих к своим людям. – Нам выпала великая честь освободить прекрасную деву!

Он мог бы добавить: «По-быстрому освободим девственницу – и приступим к грабежу замка», но не стал этого делать. Его верные рыцари и без того знали, что их доблестный командир позаботится, чтобы они не ушли без трофеев и получили свою долю из огромного вознаграждения, обещанного священниками Истинной церкви за возвращение их ненаглядной «жемчужины».

– Вперед, мои львы! Без страха и упрека! Вперед! – Обожавший всякого рода избитые штампы, Ульрих не удержался от своей глупой привычки и сейчас.

Двести человек дружным ревом приветствовали слова обожаемого командира и, преисполненные решимости, бросились наверх – туда, где их ожидали слава, несметные богатства и...

И четырнадцать крехов, устроивших смертельную западню, выбраться из которой посчастливилось лишь единицам. Не встречающий никакого сопротивления отряд миновал

пять или шесть лестничных пролетов (сто двадцать одна ступенька в каждом), когда за очередным поворотом лицом к лицу столкнулся с великолепной семеркой кредхов – дьявольским порождением черной магии.

При всей своей глупости, напыщенности и самовлюбленности Ульрих обладал одним чрезвычайно ценным качеством – он не был трусом. Это никоим образом не могло компенсировать все остальные недостатки, но являлось очень ценным подспорьем в военной карьере. Только по-настоящему смелый человек мог повести за собой в огонь и воду две тысячи рыцарей, безраздельно доверяющих своему командиру.

Вот и сейчас, оказавшись лицом к лицу с кошмарными кредхами, Ульрих не повернул назад, пытаясь найти спасение в паническом бегстве, а издал воинственный клич (нечто наподобие залихватского «у-ех-хо-оу-у!!!») и бросился в атаку.

Его воинственный порыв был немедленно поддержан, и двести человек, проревев в ответ «уе-е-е-е-е!», устремились за командиром.

Вообще-то это было не самым мудрым решением, потому что кредхи не принадлежат к числу обычных чудовищ, которых можно убить. Скорее их можно сравнить с марионетками злобного колдуна, живущими до тех пор, пока их подпитывают магической энергией.

Лопасты мельницы крутятся, приводя в движение жерно-

ва, перемалывающие зерно, только пока дует ветер. Так же и с кредхами – они могут биться до тех пор, пока их повелитель вливает в их оболочки магическую силу. Нет подпитки – нет монстров. Но так как родовое гнездо Мио стояло на пересечении энергетических линий, то о недостатке энергии можно было не беспокоиться – чудовищные марионетки могли сражаться сколь угодно долго...

Ульрих, вырвавшийся вперед, самоотверженно бросился на ближайшего монстра, в три раза выше человеческого роста, и, уклонившись от встречного удара, полоснул мечом по ноге противника. Лезвие легко вошло в податливо мягкую плоть, однако наружу брызнула не кровь, а странная голубая субстанция, напоминающая...

Мелькнувшая на периферии сознания мысль умерла раньше, чем успела родиться, потому что в корпус Ульриха врезались расплющенные останки воина, не успевшего уклониться от страшного удара кредха. Два тела, одно живое, другое полностью изуродованное, отлетели к перилам. Не будь на Победоносном стальных доспехов, все могло бы сложиться иначе.

Но Ульрих был не только чертовски смелым, но и невероятно везучим. Бесчувственное тело, рухнув грудью на перила, согнулось пополам и заскользило вниз. Преодолев несколько метров (его дважды пытались поймать, но безуспешно), Ульрих нарушил призрачное равновесие и, имея шансы пятьдесят на пятьдесят, опять выиграл – свалившись

на лестницу, а не рухнув вниз с двадцатиметровой высоты. Громыхая доспехами, Победоносный докатился до конца лестничного пролета, где и остался лежать до тех самых пор, пока не пришел в чувство.

Вообще-то профессиональные воины достаточно спокойно относятся к смерти, считая ее неотъемлемой составляющей своей профессии, но иногда даже у закаленного в боях ветерана могут сдать нервы...

На этот раз дрогнуло сердце бесчувственного и самовлюбленного «символа».

Двести человек, увлекаемые своим командиром, самоотверженно бросились на семерых чудовищ – и в пылу битвы не заметили, как за их спинами возникли еще несколько кредхов. Неуязвимые марионетки коварного Мио, взяв атакующих рыцарей в тиски, уничтожили их за несколько кратких минут.

Очнувшийся Ульрих застал окончание жуткой резни, пережить которую удалось только ему и еще одному счастливчику, потерявшему руку, но сохранившему жизнь.

В сложившейся ситуации не оставалось ничего иного, как оставить место страшного побоища. Что Ульрих и сделал. Помогая ослабевшему от потери крови товарищу, изрядно помятый Победоносный спустился по лестнице. Он покидал своды проклятой башни, ставшей могилой для двух сотен отличных воинов.

– Коварный колдун заманил нас в ловушку и всех уничто-

жил... – Надтреснутый голос, казалось, принадлежал не блестящему «символу», а смертельно уставшему человеку.

Если бы Ульрих вышел из Башни Смерти один, не вытащив ослабевшего раненого, то у некоторых особо подозрительных личностей могли возникнуть нехорошие мысли: не подменили ли их командира?

– Что там?

– Что случилось?

– Как все произошло?

Вопросы сыпались со всех сторон, и для того, чтобы ответить, Ульриху пришлось собрать воедино остатки сил и громко рявкнуть:

– МОЛЧАТЬ! Забыли, ... кто здесь главный?

Если у кого-то и оставались сомнения насчет подмены лидера, то после этого отечески ласкового вопроса они сами собой отпали.

Да, внутри проклятой башни Смерть собрала обильную жатву, но их предводитель выжил, спас товарища и сообщил о ловушке. Кому-то это могло показаться невероятным подвигом, но в блестящей карьере Ульриха было множество еще более удивительных случаев.

После того как, повинувшись приказу командира, рыцари замолчали, их лидер вкратце рассказал о случившемся. Так как никто из присутствующих ни разу не сталкивался с чудовищами, в чьих жилах течет голубая кровь, то послали за предводителем наемников, который охотно объяснил, что из

себя представляют кредхи и почему их невозможно убить.

Ульрих чуть было не спросил, почему прелты не предупредили его воинов о бессмертных чудовищах. Но в последний момент все же сдержался. Было глупо предполагать, что могущественный волшебник позволит просто так зайти в свое логово.

Несмотря на падение с лестницы, голова Победоносного работала достаточно хорошо, чтобы меньше чем за минуту просчитать все возможные варианты.

Да, он захватил замок и наемники сдались именно его отряду. Но целью кампании была не победа над жалкой кучкой прелтов (о ней забудут на следующий день как о чем-то несущественном), а освобождение Ранвельтильской девственницы. Однако ее охраняют неуничтожимые кредхи и еще какие-нибудь не менее могучие существа. Поэтому взять башню приступом не удастся. Понадобится магическая осада, которая может затянуться на неопределенно долгое время. И в конечном итоге вся слава достанется не ему – великолепному и неотразимому Ульриху, а какому-нибудь сморщенному от старости колдуну. Но и это еще не все. Потому что высохший старикашка получит гигантское вознаграждение и его имя начертаят золотыми буквами...

Где именно начертаят имя, Ульрих не мог бы сказать точно, потому что имел самые смутные представления о грамоте. Но настоящему воину грамота ни к чему – это известно всем. Одно только имя героя должно повергать в ужас его

врагов, а написать балладу в честь подвига всегда смогут барды. Герои бьются, барды слагают баллады – каждый занимается своим делом и оттого счастлив.

– Тот счастлив, – задумчиво пробормотал Ульрих, – кто сможет совершить невозможное и стать настоящим героем...

Все рыцари с напряженным вниманием следили за каждым жестом своего командира. Им ужасно не хотелось встретиться с чудовищами в башне, но в то же время не давала покоя мысль о потерянных деньгах.

«Если бы можно было как-нибудь обмануть могущественных охранников и заполучить девушку, – думал практически каждый из рыцарей, – это было бы просто чудесно».

Обмануть чудовищ.

Освободить девственницу.

Получить деньги.

В этой классической трехходовой комбинации, казалось, не было ничего сложного, если бы не одно «но»...

Никто не знал, как обмануть монстров. Судя по рассказам прелтов (не доверять которым не было оснований), мозгов у слуг Мио не было вовсе. Эти марионетки совершенно бездумно подчинялись ненормальному колдуну.

А для того чтобы обмануть безумного Мио, нужно было нечто такое... Нечто такое...

В общем, что-то совершенно невысказанное, лежащее за гранью здравого смысла.

Именно такая идея (лежащая даже не за гранью здравого смысла, а вообще черт знает где) родилась в голове Ульриха.

– Мои львы! – как всегда, патетично и пошло начал «победоносный символ». – Я поведу вас к самой вершине славы и почестей, туда, где не ступала нога честного человека, а порок и черная магия свили себе змеиное гнездо. Я поведу вас на приступ башни зловещего чернокнижника, и на этот раз мы прорвемся сквозь толпы ужасных чудовищ и станем героями, освободившими юную деву!

Если отбросить красивые слова о славе и почестях, то все остальное чрезвычайно смахивало на откровенный бред. Но возможность быстрой наживы, помноженная на безграничную веру в командира, сделала невозможное. Людская масса всколыхнулась в едином порыве, и множество глоток извергли из своих недр мощный рев:

– ВЕДИ НАС, УЛЬРИХ!!!

– ВЕДИ...

– НАС...

– ПОБЕДОНОСНЫЙ!!!

Именно от этого дикого рева я и пришел в себя. Но как показало дальнейшее развитие событий, сделал я это совершенно напрасно.

Так как длинный кровавый след привел в покои, которые занимал Сайко, то нет ничего удивительного в том, что у людей, отвечающих за безопасность королевской особы, нашлось очень много неожиданных вопросов к новоявленному миллионеру. И не будь молодой человек столь популярен в народе, а также не заключи он пожизненный контракт с Утешителями, его судьба была бы предрешена. Пыточных дел мастера умели развязывать язык лучше, чем кто бы то ни было.

А Ласковый Жу, начальник тайной полиции, исповедовал доктрину быстрого признания. Смысл ее заключался в следующем: для тех, кто признавался сразу, предусматривалась льгота в виде быстрой и практически безболезненной смерти. Те же, кто упорствовал, лишались каких бы то ни было поблажек, автоматически переходя в разряд особо коварных врагов короны. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но в данном случае Л.Жу (как его за глаза шепотом называли подчиненные) вынужден был отказаться от прекрасно зарекомендовавшей себя доктрины, перейдя на скользкий путь дипломатических переговоров. Начальник тайной полиции был старым и опытным лисом, прекрасно чувствующим

щим себя среди хитросплетения дворцовых интриг, но...

Доктрина слишком прочно вошла в его сознание, став в некотором роде опорной точкой, на которой базировалась его уверенность в собственных силах. А без этой поддержки ему было трудно разговаривать с чрезвычайно хитрым молодым человеком, не стеснявшимся прикидываться дураком даже в присутствии столь влиятельного и могущественного человека, как Ласковый Жу.

Доверить же кому-нибудь другому этот неприятный разговор шеф тайной полиции не только не хотел, но и не имел права. Потому что речь шла ни больше ни меньше, а о безопасности Великого и Несравненного (официальное звание Фромпа). Поэтому приходилось делать самому всю грязную работу.

После того как проворные слуги бережно вынесли Утешителя (он все еще не пришел в себя), собрали все трупы и заменили ковер, пропитанный кровью, настала очередь магов. Волшебникам не понадобилось много времени чтобы снять антимагическую защиту, окружившую комнату энергетической решеткой. И только после того, как внешний вид комнаты был приведен в идеальный порядок, вошел Ласковый Жу.

– Вы не будете против ответить на несколько сугубо конфиденциальных вопросов? – участливо спросил пожилой господин, чьи большие выразительные глаза лучились поистине неземной добротой.

– Я всегда рад помочь ответить на всякие ко... кони... фи...

– Конфиденциальные...

– Да, точно, они самые. Так вот я на них готов с радостью ответить в любое время суток. Как только услышу эти вопросы ко... кони... фи...

– Конфиденциальные...

– Точно, как только их услышу – так и подумаю: «КАКАЯ РАДОСТЬ! Вот наконец-то хоть один порядочный вопрос нашелся, на который и ответить приятно». Потому что про все остальное – как ни спросят, то хоть стой, хоть падай. Голимая пошлятина и порнография, упакованная в обертку вульгарного притворства.

«Доктрина, – печально подумал Ласковый Жу, глядя на бессовестного молодого человека. – Как же без тебя плохо!»

«Это самый главный палач королевства!» Внутренности Сайко скрутило в тугий узел после того, как он опознал (по слишком уж ласковым глазам) самого господина Жу. А все это словесное извержение являлось не более чем защитной реакцией напуганного человека.

– *Не забывай, что я с тобой и могу читать мысли этого человека,* – отчетливо прозвучал в голове Сайко голос Вини – четвероногого медиума.

Как ни странно, но после этих слов молодой человек успокоился, взяв себя в руки.

– *Если ты такая умная, то скажи, пожалуйста, что он*

подумал сейчас.

– Доктрина. Твой собеседник сокрушается по поводу какой-то доктрины.

Новоявленный миллионер не мог ничего знать о доктрине, но чувствовал – в ней нет ничего хорошего и жизнеутверждающего.

Поддерживать вежливый разговор и одновременно мысленный диалог было чрезвычайно трудно, поэтому Сайко переключился на «ласкового» собеседника.

– Как вы считаете, почему злоумышленники забежали именно в вашу комнату? – начал издав�ка Л.Жу.

– Ну, не знаю. – Молодой человек растерянно пожал плечами. – Может быть, решили спрятаться? У разбойников ведь всегда на уме одно и то же – кого-нибудь прирезать, ограбить, а потом спрятать концы в воду.

– Н-да. Соображение, вне всякого сомнения, интересное и оригинальное, но, боюсь, ради того, чтобы спрятаться в вашей комнате, обычные разбойники не стали бы штурмом брать королевский дворец. Они могли просто затаиться в трущобах Сарлона или в каком-нибудь не менее экзотическом месте.

– Да, вы правы! Как же я сразу не догадался! – Для большего эффекта Сайко хлопнул себя ладонью по лбу. – Раз они пришли именно ко мне, то хотели только одного – убить! Вы можете спросить меня, какие мотивы ими двигали? Ну, спросите же, не стесняйтесь.

Никто никогда и ни при каких условиях не посмел бы назвать Ласкового Жу стеснительным. Чрезмерно жестоким – могли. Кровожадным и ужасным – тоже. Но стеснительным – это уж был откровенный перебор. От подобной наглости начальник тайной полиции даже слегка растерялся и не нашелся что сказать.

– Раз вы молчите, то отвечу на свой вопрос сам. Злодеи пришли за жизнью великодушного мецената из-за элементарной зависти. Пошлой и глупой зависти. – Голос молодого человека вполне естественно задрожал от волнения. – Им, видите ли, не давала покоя мысль, что есть на свете кто-то щедрее и богаче их, кто-то, способный пожертвовать деньги на правое дело, кто-то...

С трудом сдерживаемые слезы наконец брызнули из глаз, и жертва завистников разрыдалась в полный голос.

«Доктрина, – печально подумал Ласковый Жу. – Без нее в наше смутное время – никуда. Вся моя сила заключается не в уме или хитрости, а именно в доктрине».

Продолжая рыдать, Сайко смог ненадолго отвлечься от собеседника и обратился к Вини:

– Ну что он – поверил мне? А если нет, то о чем он думает?

Ответ собачки-медиума не внушал особого оптимизма, так как не содержал ничего нового:

– Он по-прежнему сокрушается о какой-то доктрине, но что подразумевает этот термин – непонятно.

– А ты мне могла бы внушить ему что-нибудь этакое?

– Опасно пытаться воздействовать на человека, невосприимчивого к внушению. У этого индивидуума очень сильная энергетика.

«Гребаная доктрина, чертова энергетика и хренова жизнь! – зло подумал незадачливый авантюрист, размазывая слезы по щекам. – Только разбогател, как сразу со всех сторон накинута стая шакалов, чтобы оторвать себе лакомый кусок от пирога чужого счастья...»

– Значит, вы полагаете, что злоумышленники проникли во дворец, побуждаемые исключительно завистью? – Ласковый Жу по-прежнему был спокоен и приветлив, но это давалось ему с огромным трудом.

– А чем же еще? – От недавних слез не осталось и следа. – Вот сегодня появлюсь я на пиру, перед взыскательной публикой – и скажу: «Половину дворца вырезали злодеи, чтобы подобраться ко мне. А все почему?»

«Почему, Сайко?» – дружным хором спросят меня люди.

А я им честно и прямо отвечу: «Потому что хотели меня убить," подлые завистники с мелкими душонками».

– Может быть, не стоит раздувать столь незначительный инцидент до гигантских размеров?

Л.Жу сопроводил вопрос ненавязчивой улыбкой.

Это была его фирменная улыбка, от которой падали духом и начинали молить о пощаде даже самые стойкие. Но у Сайко сегодня были встречи с одним духом и двумя могуществен-

нейшими колдунами, один из которых пометил его проклятием Сантибарры, а второй презентовал мерзкого паука и собачку-медиума. Поэтому начальник полиции мог хоть заулыбаться до смерти (своей, разумеется) – это не произвело бы на его собеседника никакого впечатления.

– Если инцидент был незначительный, то о чем мы, собственно говоря, беседуем? – простодушно поинтересовался Сайко. – С моей стороны никаких претензий к правоохранительным органам не имеется. И я готов выкинуть из головы все случившееся, чтобы с чистой совестью вступить в новую, богатую и счастливую жизнь.

– Доктрина! – проскрежетал зубами от злости Л.Жу. – Без нее в нашем деле никак.

– Вы что-то сказали?

– Просто спросил, откуда здесь взялось животное и чье оно.

– Животное мое. – Теперь настала очередь Сайко широко и радостно улыбаться. – А откуда взялось... Прибежало ногами.

– Чем прибежало?!

– Ногами. У нас, варваров, принято так говорить, когда кто-нибудь прибегает.

На самом деле Сайко отдавал себе отчет в том, что разговаривать в подобном развязно-идиотском тоне с могущественным человеком нельзя. Но ничего не мог с собой поделать – его, что называется, несло. Может быть, в этом бы-

ло виновато проклятие Сантибарры или же сказывалось чудовищное напряжение последнего часа. А может, не последнюю роль играл контракт с Утешителями. В общем, если хорошенько поискать – причин нашлось бы предостаточно.

Но человек, на чьей груди пригрелся (в прямом смысле слова) отвратительный паук, не хотел ничего искать. Все, что было нужно, он уже сегодня нашел, обрел и испытал. Полчаса назад Сайко еще мог думать о женщинах, но после того, как увидел роскошную красавицу, вытаскивающую меч из собственного живота... Теперь он хотел только одного – чтобы его хотя бы ненадолго оставили в покое. Этот дурашливо-идиотский тон по большому счету был защитной реакцией до предела вымотанного человека, не более.

Но Ласковый Жу, никогда не пытался разобраться в тонкой душевной структуре своих жертв. Его безжалостная доктрина отвергала всю эту глупую ерунду про душевные структуры, как мусор, не имеющий отношения к делу.

– Значит, собачка прибежала ногами, – зловеще процедил Л. Жу, напрочь забыв о своей ласковости.

– Точно! Ногами!

– И привела ее к хозяину преданная любовь?

Странно было слышать из уст этого страшного человека слова о преданной любви. Но Сайко за последний час с небольшим насмотрелся и наслушался столько странных вещей, что уже ничему не удивлялся.

– Преданнейшая любовь! – Несколько радостных кивков

наглядно подтверждали правоту этих слов.

– Наверное, смысленый песик? – Начальник полиции вспомнил отчаянную молодость, когда еще ни о какой доктрине речи не шло и приходилось пробиваться вверх по служебной лестнице исключительно за счет ума и хитрости.

И этот невинный на первый взгляд вопрос являлся прелюдией к ловушке, в которую опытный охотник загонял ничего не подозревающую дичь. Если собака приبلудная, то она ни за что не признает новоявленного владельца. И вот тогда они начнут говорить по-другому...

– Умная – не то слово! – Было очевидно, что хозяин искренне гордится умом четвероногого любимца. – Вيني, лежать!.. Сидеть!.. Служить!.. Дай лапу!.. Вيني, кувырок!.. Алле-оп! Прыжок!.. Опасность!.. Левый поворот!.. Правый поворот!.. Замри!.. Отомри!..

Л.Жу даже не пытался прервать весь этот дурацкий, никому не нужный цирк. А просто сидел и печально размышлял о том, что годы идут, он стареет, теряет былую хватку и скоро какой-нибудь молодой и резвый претендент займет его место.

От подобных мыслей настроение окончательно испортилось. После чего начальник тайной полиции, мудро решив, что здесь ему делать нечего, сухо попрощался и вышел. Он спешил в милые сердцу подземелья, где все было привычно и знакомо. Не нужно было вести глупых разговоров, а трудолюбивые палачи прекрасно вписывались в общую концеп-

цию чудесной доктрины.

Ласковый Жу шел и с каждым новым шагом обретал бы-
лую уверенность в собственных силах. По опыту прежних
лет он знал: если что-то не получается сразу, нужно немно-
го подождать, как следует все обдумать – и только затем на-
нести точно рассчитанный удар. Да, ему не удалось взять на
испуг самоуверенного наглеца, всецело полагавшегося на за-
щиту Утешителей. Но это была не слабость, а всего лишь
предварительная разведка боем. Первый, но далеко не по-
следний их разговор. И если сейчас они говорили просто так,
то в следующий раз Ласковый Жу придет на randevу воору-
женным до зубов. А великолепная доктрина окажется имен-
но тем самым оружием, которое способно открыть любые
двери и развязать языки.

Что же касается Утешителей...

Серьезная, конечно, организация, спору нет, но не на-
столько могущественная, чтобы противостоять несокруши-
мому аппарату государственной власти.

«Еще успеем поговорить со всеми этими наглецами, – по-
думал Л. Жу, открывая дверь в камеру пыток, где жарко пы-
лал огонь, раскаляя добела инструменты палачей. – Ласково
и нежно поговорим обо всем на свете. И вот тогда-то я узнаю
все, что хотел знать. А после...»

Улыбка, осветившая лицо начальника тайной полиции,
была совершенно искренней. Настанет время истинной бо-
ли. По сравнению с которой эти раскаленные добела клещи

покажутся просто невинной забавой, не более...

Глава 12

Когда очень много возбужденных до предела мужчин хватают вас руками – это неприятно. Но когда эти же самые мужчины в буквальном смысле слова отдирают вас от ворот и привязывают на пару щитов, это еще неприятнее. А самое неприятное из всей этой кучи неприятностей заключается в том, что щиты прикрепляются к нескольким копьям. После чего пять или шесть человек поднимают вас в воздух и несут, словно праздничный вымпел или живую эмблему на карнавале.

Выражение «со щитом или на щите» обретает новый смысл (неведомый до этого момента), и вы начинаете чувствовать, что в очередной раз вляпались в какое-то грандиозно несусветное дерьмо...

План Ульриха был прост, но в то же время гениален. Он позаимствовал идею у Мио и побил козырного короля (колдуна) веселым джокером (мноой). А так как у джокера в ухе находился «Растворитель миров», то он был небитой картой – в прямом, переносном и всех остальных смыслах.

Если бы разгоряченные рыцари не скандировали: «ВЕДИ НАС, УЛЬРИХ! ВЕДИ!», я мог бы попытаться поговорить с Победоносным, обсудить создавшееся положение и попытаться что-нибудь объяснить. Не знаю, правда, что бы я стал объяснять, но все-таки для очистки совести сделал бы хоть

самый минимум, после которого можно уверенно сказать: «Я пытался, но не получилось. Обстоятельства были сильнее меня».

Но вокруг стоял такой шум, гам и крик, что ни о каких разговорах и речи быть не могло. Все, что было в моих силах, – это собрать мужество в кулак и достойно встретиться лицом к лицу с теми тварями, которых собирались испугать моим присутствием.

Причем самое интересное в этом раскладе было то, что Ульрих доподлинно не знал – испугаются монстры, увидев меня, или нет.

Ну привязали какого-то человека на щиты и выставили в качестве живого тарана – и что с того?

У большинства демонов, монстров и прочих сказочных персонажей мозга если и присутствуют, то только в очень ограниченном количестве. И это еще не говорит о том, что монстр способен ими думать.

Удар...

Удар...

Еще удар...

Кто-то умер...

Ах, это было целое измерение? Ну, извините, не рассчитали. С кем, как говорится, не бывает.

И вот, имея такие мизерные шансы, жаждущий славы Ульрих решил сыграть.

– Ставлю свою жизнь, плюс жизнь всех остальных идио-

тов, плюс целое измерение, плюс... А впрочем, и этого достаточно. Так вот, ставлю все вышеперечисленное на то, что сейчас игральные кости выбросят две шестерки.

– ВЕДИ НАС, УЛЬРИХ!

– МЫ С ТОБОЙ ДО САМОГО КОНЦА!

– У-УЛЬРИХ!!!

При таком ажиотаже и нездоровой истерии может подписаться на заведомую авантюру даже вполне трезвомыслящий человек. Что уж говорить про страдающего манией величия Победоносного, считающего себя чуть ли не земным воплощением какого-нибудь древнего божества

– ВПЕРЕД, МОИ ЛЬВЫ! – закричал Ульрих, взметнув вверх руку с мечом.

– ВПЕ-Е-РЕ-ОД!!!

– А-А-А-А-А!!!

Возбужденные до предела рыцари, не переставая дико кричать, устремились внутрь башни Феникса. Неся свой штандарт, эмблему, символ, страховку, оружие и т. д. и т. п. Можно долго и нудно перечислять, что они несли наперевес, но суть от этого не изменится – всем этим замечательным набором символов был именно я.

– Думаешь, у нас есть шанс? – Мой верный спутник даже не пытался скрыть тревогу.

– Если бы логово Мио было оборудовано камерами видеонаблюдения, то шанс мог быть. Внимательно присмотревшись к изображению на мониторе, колдун опознал бы меня

и не стал бы играть при шансах пятьдесят на пятьдесят. Потому что проиграл бы в обоих случаях. Но так как это средневековый оплот экзальтированного мракобеса, а не резиденция продвинутого наркобарона, то камер в этом месте не может быть даже чисто теоретически.

– Ну а какие-нибудь волшебные кристаллы или еще что-нибудь подобное?

– Можно, конечно, поставить на кристаллы, волшебные сферы и прочую чушь, но, боюсь, вон те ребята прямо сейчас расставят все точки над «i»...

Рыцари под предводительством Ульриха, достигнув очередного пролета, увидели впереди компанию кредхов. Одно дело возбуждать себя воинственными криками, стоя в безопасном месте, и совершенно другое – оказаться лицом к лицу с группой чудовищ, которые незадолго до этого уничтожили две сотни отборных бойцов.

– ВЕ-ЕДИ-И НАС, УЛЬРИ-ИХ!!! – в очередной раз исторглось из множества глоток, и это «ВЕДИ» дословно означало: «СТУПАЙ ВПЕРЕД И ДОКАЖИ, ЧТО ТЫ НЕ ОШИБСЯ».

Человек может быть закоренелым подлецом и негодяем, но если у него присутствует капля мужества, то это может искупить часть его грехов в глазах окружающих.

Да, Ульрих был самовлюбленным болваном, интересующимся только славой и ничем больше. Да, он играл по-крупному и зачастую совершал необдуманные поступки. Да. Да.

Да и еще раз да. Но при всем том он был достаточно смел, чтобы лично отвечать за свои же слова, не прячась за спиной воинов.

– СЛАВА И МУЖЕСТВО!!! – закричал Победоносный, в который уже раз взметнув вверх меч.

– СЛАВА И МУЖЕСТВО!!! – дружно взревели рыцари.
– *Если бы все не было настолько серьезно, можно было бы подумать, что это какой-нибудь сбор патриотично настроенных крестьян, наивно решивших, что чем громче они будут кричать пошлые и банальные лозунги, тем более крутыми воинами будут выглядеть в глазах деревенских дам.* –
Мое подсознание всегда оживало в самый неподходящий момент.

– *Тебе не кажется, что тема сельскохозяйственного ополчения сейчас не слишком уместна?*

– *Думаешь, лучше поговорить о тех монстрах, которым нас сейчас кормят?*

– *Нет.*

– *Может быть, какие-нибудь другие интересные темы?*

Рев устремившихся вперед рыцарей достиг наивысшей точки...

– *Какие, ..., темы?* – Я в ужасе закрыл глаза, не в силах смотреть на стремительно приближающихся чудовищ.

– *Ловко,* – мое и без того нестабильное подсознание спятило с ума окончательно, – *великолепный детский трюк: закрой глаза, и все проблемы разом исчезнут.*

– Никакой это не трюк, а всего лишь...

Рядом что-то затрещало (по всей вероятности, не выдержало копьё), и щиты вместе с привязанным к ним телом резко накренились влево.

– *Может быть, посмотришь, что происходит?*

– *Нет.*

Еще один удар, но уже с другой стороны сломал второе копьё. Рядом с моим лицом (чуть было не задев его) пролетело что-то большое, облив меня... фонтанирующей кровью...

– *Может, хватит быть малодушным трусом и пора наконец взглянуть в глаза опасности? Настоящие мужчины умирают с широко открытыми глазами!*

В этот момент мне не хотелось умирать ни с открытыми, ни с закрытыми глазами. По большому счету мне вообще не хотелось умирать, так как я был еще слишком молод, чтобы по достоинству оценить подобную мученическую кончину.

– *Если не смотреть на происходящее, то, может быть, все и обойдется.*

Это была явно не самая удачная мысль, но так-как ничего другого в наличии не имелось, я уцепился за нее, словно утопающий за спасательный круг.

– ХА! ХА! ХА! – издевательски рассмеялся внутренний голос.

На этот раз «что-то» не пролетело мимо, а ударилось точно в бок.

Столкновение оказалось достаточно болезненным. Мерт-

вое тело (а это было именно оно), одетое в кольчугу, отбило мне руку. Хотя если бы удар пришелся в голову, то как минимум глубокий нокдаун был гарантирован.

– *ОТКРОЙ... НАКОНЕЦ ГЛАЗА!*

– *Нет.*

Может быть, мое ненормальное подсознание хотело увидеть очередную порцию ужасов, но лично я достаточно насмотрелся на все эти битвы, чтобы насытиться на всю оставшуюся жизнь.

Если мне и суждено умереть в этом месте, то пусть я умру с закрытыми глазами. Ну а если я выживу...

Пронзительный крик «Я УБЬЮ ЕГО!» вкупе с приставленным к моему горлу мечом не только оборвал философские рассуждения, но и натолкнул на чрезвычайно неприятный вывод, что, скорее всего, выжить не удастся...

Пока я мило беседовал с собственным подсознанием, Ульрих Победоносный в очередной раз пошел ва-банк. И сделал это не по своей воле, а исключительно из-за того, что обстоятельства в очередной раз оказались сильнее его.

Однажды крехи уже продемонстрировали «символу», как легко и практически не напрягаясь могут разделаться с парой сотен бойцов. В принципе ничто не мешало им сделать это повторно. А если отбросить в сторону всякие заумные теории и рассчитывать на пальцах, то выходило, что:

А) Двести рыцарей были уничтожены за неполных пять минут.

Б) Значит, тысяча восемьсот воинов будут убиты минут за сорок пять.

Вот так просто и страшно мог окончиться блестящий поход за Ранвельтильской девственницей. Каких-то жалких полчаса – и в огромной горе тел никто не найдет останков великолепного Ульриха.

А все почему?

Да потому, что марионетки кредхи, управляемые коварным Мио, не стали испытывать судьбу, а сделали все возможное, чтобы лишить атакующих единственного козыря – «веселого джокера», то есть меня.

Они ударили с флангов, попытавшись зажать в клещи стоявших в центре копьеносцев, после чего решили замкнуть кольцо окружения и отобрать взрывоопасного заложника. Задача была достаточно легкой, особенно если учесть тот факт, что кредхов невозможно убить каким бы то ни было холодным оружием.

Ульрих стоял рядом с копьеносцами, поэтому оказался в оке тайфуна – в спокойном, тихом месте, где нет даже намека на дуновение ветра, не говоря уже о неистовой силе природной стихии. Однако попавшие в это место могут чувствовать себя в относительной безопасности только очень короткое время...

Не прошло и минуты, как «символ» с копьеносцами оказался в плотном кольце окружения. Первый бросок костей, на который возлагались все надежды Победоносного, вместо

двух шестерок принес две единицы. А это означало не только проигрыш в игре, но и окончание жизни.

Предводитель рыцарства был слишком смелым для того, чтобы упасть на колени и взмолиться о пощаде, но одновременно и слишком прямолинейным для того, чтобы уметь блефовать.

Если кредхи решили взять живым ценного заложника, значит, либо сами додумались, в чем тут дело (что маловероятно), либо Мио пристально следил за развитием событий и держал ситуацию под контролем.

Времени на раздумья практически не оставалось, поэтому Ульрих не нашел ничего лучшего, как приставить острие своего меча к горлу заложника и прокричать: «Я УБЬЮ ЕГО! КЛЯНУСЬ СВЕТОМ ПЕЧАЛЬНОЙ ЗВЕЗДЫ, Я ПЕРЕРЕЖУ ЕМУ ГЛОТКУ!»

Кроме самого «символа» и бывшей дамы его сердца Аталии, подслеповатого звездочета и нескольких любителей-энтузиастов, про Печальную звезду никто ничего не знал.

Поэтому было в высшей степени неразумно использовать столь неизвестную звезду в такой судьбоносный момент. И если бы уровень доверия к клятвам измерялся степенью известности объекта, именем которого клянутся, то Печальная звезда в этом рейтинге занимала бы одну из последних позиций. А если говорить проще, то можно было клясться светом хоть миллионов печальных звезд – и все равно никто бы этому не поверил.

Разумеется, Мио не был настолько глуп, чтобы принять во внимание всю эту чушь со звездами. Но часом раньше карающий демон, вызванный Ульрихом, шесть раз подряд ударил по воротам, на которых находился человек, способный в одно мгновение уничтожить целое измерение. Если Победоносный так наплевательски относился к безопасности целого мира, когда лично ему ничто не угрожает, то...

Не оставалось ни малейших сомнений, что перед лицом смертельной опасности он претворит свою угрозу в жизнь.

Кредхи, подвластные воле своего господина, остановились...

– Убери этих тварей немедленно! – Голос, выдвигающий условия, прерывался от волнения.

Не нужно иметь частную практику и двадцатилетний психологический стаж, чтобы прийти к выводу – человек, приставивший меч к горлу заложника, взвинчен до такой степени, что не вполне отдает себе отчет в происходящем. А значит, в любой момент может перейти от угроз к действию, и тогда...

– Я знаю, что ты задумал какую-то гадость! – Голос Победоносного сорвался на визг. – Поэтому считаю до трех!..

– *Думаешь, он не блефует?* – отстраненно-спокойно спросил внутренний голос, как будто речь шла не о нашей жизни, а о бестолковой сцене какого-нибудь глупого боевика.

– РАЗ...

– *Если вспомнить про демона с огромной колотушкой, то*

получается, что парень играет на полном серьезе.

– ДВА...

– Два сумасшедших парня выясняют, у кого слабее нервы, а наше несчастное тело выступает в роли...

– ТРИ...

Никаких «два с половиной», «два с четвертью», «два с хвостиком», «с натяжкой», «с капелюшечкой», «с крохотуленькой» и т. д. не последовало. Только РАЗ, ДВА и ТРИ. Все по-военному четко, быстро и уверенно.

И что, пожалуй, самое главное, Ульрих Победоносный не блефовал. На счет «три» он действительно осуществил свою угрозу.

* * *

Сайко был чрезвычайно рад, что начальник полиции (вечно улыбающийся кровосос) не задержался в его апартаментах. Впрочем, радость продлилась недолго (от силы несколько минут) и быстро сошла на нет – с появлением в комнате очередного гостя.

– Опять... – удрученно вздохнул несчастный, успевший горько пожалеть, что ввязался в эту сомнительную авантюру с миллионами и вольерами для животных. – Я же все подписал, что еще нужно? – тоном смертельно уставшего человека

спросил Сайко.

Посланец королевы Семи Палачей (а это был именно он) был все так же нематериален, как и прежде. А если выражаться более конкретно, он выглядел как призрак.

– Королева недовольна.

Это была не констатация факта, а скорее приговор. И не нужно было показывать семерых палачей и рассказывать о том, какие они кровожадные и жестокие, чтобы понять одну простую истину – Сайко влип. Серьезно и основательно влип, и теперь нужно приложить максимум усилий, чтобы как-то выпутаться из возникшей ситуации.

– Видите ли, уважаемый... Возникли определенные обстоятельства... – Слова звучали настолько жалко и неубедительно, что даже самому говорящему стало предельно ясно – это не тот довод, который может понравиться королеве или ее неуравновешенным палачам.

– Обстоятельства? – Призрак был искренне удивлен.

Еще ни разу за всю его долгую службу у королевы никто не ссылался на обстоятельства. Все или выполняли условия его госпожи – или же, ничего не тая, изливали душу внимательным слушателям. В роли которых выступали верные слуги ее сиятельного величества – палачи.

– Ну, понимаете ли... – Сайко никак не мог сформулировать мысль. – Понимаете... Я в общем-то и не виноват... Меня заставили.

– Заставили? – зловеще прошелестел призрак. – Кто по-

смел встать на пути у моей госпожи?

– Прости, но мне придется тебя сдать, – мысленно обратился Сайко к собачке. – Если я не предоставлю убедительных доказательств, то вместо этой бесплотной субстанции сюда явятся отвратительные мясники. И тогда меня уже точно разрежут на куски.

Файт понимал, что у смертного нет выхода, поэтому ответил:

– Расскажи призраку всю правду и не забудь упомянуть, что ты подписал контракт с Асванхом Пиринизоном. Больше чем уверен, одно только имя моего хозяина заставит глупое привидение убраться.

Сайко не был уверен, что упоминание какого-то имени сможет привести в священный трепет бесплотное существо, состоящее на службе у могущественной королевы, но спорить не стал.

«В конце-то концов, пусть сами разбираются между собой», – благоразумно решил он и ответил:

– Великий и несравненный...

– Асванх Пиринизон, – подсказал файт.

– ...несравненный Асванх Пиринизон приставил ко мне своего верного слугу в образе собачки. – Чтобы не оставалось никаких сомнений, рука Сайко указала на дворнягу, сидящую неподалеку. – Лично мне совершенно все равно, кому отдать все права на возведение зоопарка, поэтому вы уж, пожалуйста, разберитесь между собой любовно, а я, изви-

ните, умываю руки.

– Ты утверждаешь, что эта жалкая собачонка заставила тебя подписать новый контракт?

– Нет, Вини здесь совершенно ни при чем. – После того как дворняга помогла Сайко провести Ласкового Жу, ново-явленный миллионер проникся к ней симпатией. – Она меня не заставляла ничего подписывать, а просто осталась в качестве наблюдателя.

– Какого наблюдателя?

– Ну... Видите ли... Асванху Пиринизону показалось, что могут прийти какие-нибудь злые люди... Нет-нет, я не вас имею в виду. Вы же вообще призрак... Нет, просто какие-нибудь порочные, злые и непорядочные людишки, пытающиеся украсть или урвать то, что плохо лежит. И вот именно для этого... Ну... Асванх и оставил своего любимца.

Судя по всему, этот сумбурный монолог не внес ясности в картину, поэтому призрак уточнил:

– Какой-то идиот Пири... зон...

По телу собачки прошла нервная судорога. Файт будет обязан передать господину содержание разговора и не сможет пропустить неуважительную реплику насчет «идиота» и «Пири-зона». А так как хозяин всегда чрезвычайно болезненно реагировал на оскорбления, то... Призрака засунут в какое-нибудь тело, чтобы он смог почувствовать, что такое настоящая боль. Семерку палачей отдадут в руки коллег по цеху. А сама королева... Для нее, наверное, будет придумано

что-нибудь особенное. Асванх был мастером на всякого рода придумки. Когда же речь заходила об оскорблении его драгоценной персоны, фантазия колдуна просто не знала границ.

– ...зон, пришел сюда с цирковой шавкой...

«Надо будет попросить, чтобы призрака засунули в крепкое тело», – обиженно подумал фэйт.

– ...предложил тебе подписать контракт, а потом оставил это недоразумение, – призрак небрежно указал на собачку, – чтобы оно охраняло тебя от злых людей?

«Какой-то не слишком связный разговор получается», – тревожно подумал Сайко, но ответить попытался как можно увереннее:

– Если не принимать в расчет множество убитых охранников, то в принципе все именно так и было. Но если вы появились так быстро, значит, сами все прекрасно, знаете.

– Свитки, на которых ты поставил свою лживую подпись, магические. Они почернели сразу же после того, как был подписан новый договор с Пиризоном, – объяснил призрак. – Но если тебя запугал какой-то чудак с нелепой собачонкой, то королева...

– Пойдите, пойдите! – Сайко знал, чем обычно кончаются подобные речи. Если ты не обожаешь короля, то отправляйся в темницу. Если не платишь налоги и крадешь у ближнего своего – ступай на виселицу. Если. Если. И еще раз если.

Это проклятое слово было чревато крупными неприятностями. Кому, как не прожженному авантюристу, было не

знать об этом.

– Пойдите! – вскричал не на шутку разволнованный Сайко. – Этот, как вы позволили выразиться, чудаков перерезал половину дворца, а затем совершенно недвусмысленно намекнул, что в случае неповиновения прикончит и меня. Даже у распоследних негодяев из трущоб Нижних кварталов имеются определенные понятия о чести. Лавочник, отстегивающий половину своих доходов криминальной группировке, уверен, что находится под надежной защитой. И если завтра к нему придут какие-нибудь другие люди, то он не будет отбиваться от превосходящих сил противника, а просто предложит разобраться между собой конкурирующим бандам. Потому что лавочнику абсолютно все равно, кому платить. Главное, чтобы ему дали спокойно работать.

А что мы имеем в данном случае? Могущественная королева получает от меня миллион золотом и все права на возведение зоопарка. А взамен не может даже обеспечить элементарную безопасность? И вы считаете это нормальным явлением? Асванх Пиринизон тоже не ангел но, по крайней мере, приставил ко мне собачку, уполномоченную разбираться с конкурентами и прочими проблемами. Поэтому давайте оставим в стороне все эти «если» и перейдем к цивилизованной форме бизнеса. Право строительства зоопарка достанется тому, кто способен защитить меня от посягательств различных проходимцев. Если многоуважаемая королева вместе со своими палачами берется это сделать, то я со сво-

ей стороны с чистой совестью поставлю подпись под каким угодно документом. В противном случае найдутся другие защитники, – Сайко в очередной раз кивнул в сторону дворяги.

– Насколько я понял, ты предлагаешь королеве унижаться до выяснения отношений с какой-то мелкой шавкой? – угрожающе процедил призрак, которого не убедила пылкая речь Сайко.

– Я предлагаю королеве разобраться с хозяином этого пса. А также с котообразным господином, чуть было не убившим меня. Как только все недоразумения будут улажены, неудачники сойдут с дистанции и останется один по-настоящему сильный претендент. Вот тогда мы и начнем строить супер-зоопарк на зависть всем остальным мирам.

– Ты хочешь сказать – останется одна королева?

– Я хочу сказать, что лавочнику все равно, кому платить, – главное, чтобы его не трогали!

– Ладно. – Было очевидно, что призраку все это очень не нравится, но он все же внял голосу разума. – Думаю, 'моя госпожа согласится разогнать свору собак, пытающихся вырвать лакомый кусок из ее рук, а затем...

– Боюсь, никакого «затем» не предвидится. Потому что твоя госпожа сдохнет намного раньше, чем настанет какое-либо «затем», – развязно произнесло странное на вид существо, материализовавшееся недалеко от призрака.

Пока Сайко общался с посланцем королевы, Вини не те-

ряла времени даром и связалась с хозяином. Несчастливая собачка жутко устала от всех этих приключений, забегов и прочей ерунды, поэтому коротко сообщила о возникших на горизонте проблемах и, не вдаваясь в детали, попросила о помощи. Она намеренно опустила подробности насчет оскорблений (оставив их на потом), ограничившись неопределенно-нейтральным «не могу решить кое-какие вопросы».

Расчет был предельно точным: вместо того чтобы лично заняться решением «кое-каких вопросов», хозяин послал файта со странным именем ЛСД.

– Ты и есть тот самый безумец, посмевающий встать на пути моей госпожи? – В отличие от бесцеремонно-грубого собеседника призрак был предельно корректен.

– Нет, я не тот самый безумец, – насмешливо-развязно ответил ЛСД, судя по глумливой улыбке, пребывающий в прекрасном расположении духа. – Тот самый безумец послал меня разобраться с проблемами, только и всего.

– Значит, ты просто слуга?

– Я фэйт.

– Это что-то меняет?

– Да.

– Насколько я понял, ты уполномочен говорить от имени своего хозяина.

– Безусловно.

– И ты расскажешь, где он находится?

Сайко даже показалось, что последние слова призрак про-

изнес чуть ли не ласково.

«Это все проклятый Л.Жу меня напугал, – одернул себя любитель зоопарков, – призраки не могут быть ласковыми, потому что это вообще ни в какие ворота не лезет. Ласковый призрак – полная чушь и бессмыслица».

– Конечно расскажу, – криво усмехнулся ЛСД. – Приду к твоей госпоже и все подробно расскажу. Ты, главное, проводи меня к ней.

– Вместе с собакой?

– Лучше одного. Вيني у нас создание нежное и не выносит чрезмерного насилия.

– Боишься, что она упадет в обморок от вида семи палачей?

– Настоящий палач должен быть один, – неожиданно серьезно ответил ЛСД. – Твоя хозяйка окружила себя выводком жалких подмастерьев, а мой господин – настоящий мастер.

– Тогда почему он послал тебя, а не пришел сам?

– Зачем марать руки о никому не известных выскочек? У моего повелителя есть дела поважнее. Конечно, если бы у него было время и желание, он непременно принял бы личное участие в охоте на всех этих глупых палачей и их королев. Но так как свободного времени нет, то, извините, – ЛСД притворно вздохнул, – придется вам пасть от руки не великолепного мастера, а всего лишь его преданного файта.

– Ты был прав насчет лавочника. – Совершенно неужи-

данно призрак переключился на Сайко. – Когда в сферу интересов какой-нибудь могущественной организации вторгнутся глупые любители с улицы, нужно действовать жестко и бескомпромиссно.

– Про любителей – в самую точку, – легко согласился ЛСД. – Про «жестко и бескомпромиссно» – тоже. Непонятно только, почему столь умный призрак служит какой-то глупой королеве? После того как все закончится, могу замолвить за тебя словечко.

– Не стану обещать того же.

– А тебе ничего и не нужно обещать, просто держись подалеже от бойни – и все будет хорошо.

«По крайней мере, это уже нечто конкретное, – с облегчением подумал Сайко. – Конкурирующие группировки наконец сойдутся в поединке не на жизнь, а на смерть, и тот, кто победит, может разобраться с котообразным господином. А потом... Пусть делают с зоопарком все, что угодно. Это будут уже не мои проблемы».

– Тогда пойдем со мной – и я представлю тебя сиятельной королеве, – предложил призрак.

– Жду не дождусь нашей встречи. – ЛСД был стопроцентно уверен в своих силах, поэтому мог позволить себе ничего не бояться.

Его хозяин считался чрезвычайно могущественным волшебником, одно только имя которого приводило в священный трепет многочисленных недругов и завистников. А кто

такая королева Семи Палачей? По большому счету – никто. Никому не известная дама, набравшая себе в помощники несколько глупых мясников и бестелесного призрака. Нет, определенно беспокоиться было абсолютно не о чем. Будь Вини поумнее и сообщи обо всех этих подробностях, Асванх Пиринизон не отказал бы себе в удовольствии лично разобраться с глупцами, посмеявшимися встать у него на дороге. Но безмозглая собачонка (ЛСД недолюбливал Вини) ничего толком не объяснила, и поэтому...

«Все, что ни делается, – все к лучшему, – подумал ЛСД, делая шаг навстречу призраку. – Развлекусь в одиночку. Сыграю сольную партию. Потом все расскажу господину и намекну, что он пропустил веселье из-за глупости никчемной дворняжки».

– Готов? – коротко спросил призрак.

И, получив утвердительный ответ, неожиданно «растекся» по полу туманным облаком, окружившим самоуверенного фэйта со всех сторон.

Прошло несколько секунд – и облако растаяло в воздухе. А вместе с ним исчез и ЛСД.

– Отправились выяснять, у кого яйца круче? – поинтересовался Сайко.

И хотя постановка вопроса была слишком грубой и прямолинейной, но суть происходящего отображала почти идеально. Два сильных противника (явно недооценивающих потенциал друг друга) отправились выяснять, кто круче. И хо-

тя ни призрак, ни фэйт в силу своей природы не имели половых признаков, но...

Существовали еще и палачи. Которые небезосновательно считали себя очень *крутыми мужиками*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– *Да, отправились*, – мысленно согласился фэйт.

– Как думаешь, кто победит? – Сайко по природе был чрезвычайно азартен, а в данном случае это был не просто интерес, а интерес, напрямую связанный с его жизнью.

– *Трудно сказать*. – В отличие от самоуверенного ЛСД собачка была сдержаннее. – *Если бы хозяин сам пришел на встречу, то поле боя осталось бы за ним. А ЛСД... Его практически невозможно убить, так как Асванх наделил слугу частью собственной силы, но эта странная королева... Она может преподнести массу неприятных сюрпризов.*

– Может, заключим пари? – Глаза Сайко заблестели от возбуждения.

– *Насчет чего?*

– Насчет исхода поединка.

– *А каковы будут ставки?*

– Деньги меня не очень интересуют, потому что их много, а вот безопасность... Это достаточно актуально.

– *Нельзя ли поконкретнее?*

– Конечно можно. Если я выиграю, ты будешь обязана один раз спасти мне жизнь.

– *А если проиграешь?*

– Скажи, что тебе нужно.

– *Это не в твоих силах.*

– Если ты не скажешь, то я не смогу определить, в моих это силах или нет.

– *Хорошо. На королевском пиру будет слепой старик с берестяной дудочкой».*

– Слепой старик и дудка на королевском приеме? Ты шутишь или говоришь на полном серьезе?

– *Я не шучу... Его зовут Глашатай Ветра.*

– Надо было сразу так и сказать. Этот человек известен всем. А по описанию «слепой старик с дудкой» сразу и не поймешь, о ком идет речь.

– *Я хочу, чтобы он сыграл что-нибудь.*

– Глашатая Ветра невозможно заставить ничего сыграть, если он не хочет. Это не под силу даже Ласковому Жу, а уж начальник тайной полиции может уговорить кого угодно.

– *Речь идет не о Ласковом Жу, а о твоей жизни. Которая все еще находится в опасности.*

– Н-да уж... Речь, конечно, идет о моей жизни, но как я смогу повлиять на Глашатая Ветра? Это же невозможно.

– *Во-первых, право первой ставки достанется тебе. От меня вообще ничего не будет зависеть. А во-вторых, слепой старик может захотеть сыграть просто так. Без каких бы то ни было просьб и уговоров.*

– Звучит, конечно, заманчиво, но что-то глубоко внутри мне подсказывает, что я не знаю правил этой игры.

– Ты сам предложил пари и сам можешь выбрать наиболее сильную сторону. А если не хочешь спорить, то не спорь.

Искушение было слишком велико, поэтому Сайко все же решился. Оставалось только выбрать, на кого поставить. С одной стороны была королева и семь здоровенных палачей, а с другой – неубиваемый слуга могущественного волшебника. Сайко видел, как легко проник мерзкий горбун в святая святых – королевский дворец. И поэтому был уверен в его силе. А королева послала какого-то жалкого призрака. К тому же все эти палачи могли оказаться деревенскими здоровяками, которые в испуге разбегутся от одного простенького заклинания. Нет, определенно посланец безумного волшебника выглядел более предпочтительно, чем вся эта непонятная команда королев, палачей и призраков.

– Ладно, я согласен на твои условия. Если победит непонятное животное.

– Его зовут ЛСД.

– Да, если победит ЛСД, то я выиграл. А если верх возьмет королева с выводком своих жирных слуг, то побеждаешь ты. Ну что, по рукам?

– Да.

– А как долго продлится схватка?

– Если в измерении, где находится королева, время течет так же, как у нас, то не больше десяти минут. Магические поединки в отличие от рыцарских скоротечны.

– А если время течет по-другому, тогда мы можем не

успеть до королевского пира?

– Да, мо...

– Всё, уже не можем...

Появившийся в углу комнаты призрак расставил все точки над «і».

– Справедливости ради стоит отметить, что этот заносчивый выскочка бился не так уж и плохо. Один из палачей даже получил небольшую рану...

– Значит, ЛСД проиграл? – похоронным голосом поинтересовался Сайко, кляня в душе свою глупость.

Надо было ставить на семерых палачей! Как он мог так сглупить, поверив нахальному уроду?

– Не знаю, как звали это недоразумение, но его останки были отправлены хозяину. И теперь, когда все вопросы улажены, нам уже ничто не мешает подписать новый договор.

Два очередных пергамента материализовались прямо перед Сайко, и, не колеблясь ни секунды, молодой человек поставил свою подпись и дату.

– Лавочнику все равно, кому платить, – извиняющимся тоном прокомментировал он свои действия.

– Согласен, – легко согласился призрак, забирая пергаменты. – И, кстати, великодушная королева не видит ничего плохого в том, чтобы шавка оставалась при тебе.

– Спасибо...

– Не за что.

Даже не попрощавшись, призрак растаял в воздухе.

– А у палачей-то причиндалы оказались покруче, чем у твоего самоуверенного приятеля, – вздохнул Сайко с явным сожалением. – Насчет Глашатая Ветра все уладим. Я свои долги обычно возвращаю. А вот что будет с твоим господином, это уже другой вопрос.

«С ним ничего не будет, – печально подумала собачка. – С ним никогда ничего не бывает, потому что он слишком силен для того, чтобы позволить себе проиграть. ЛСД тоже не убили, а максимум, что сделали, – расчленили на части. Хозяину не составит особого труда их собрать. После чего он объявит королеве войну. Причем это будет не короткая решающая битва, а затяжная коварная игра. И закончится она только тогда, когда противник полностью уверится в своей безусловной победе. Поднимет фужеры с шампанским и, провозгласит тост за блестяще завершившуюся кампанию. И только когда королева осушит свой бокал до самого дна, она поймет, что проиграла».

Вини могла бы все это рассказать Сайко, но не стала. Со временем он и так все узнает. А сейчас нужно думать о предстоящем банкете. И о том, как заставить Глашатая Ветра сыграть на своем инструменте. Говорили, что прекрасная игра слепого музыканта может вернуть утраченную память. В это можно было верить или не верить, но в любом случае стоило лично убедиться, правда это или всего лишь глупые рассказы.

Обстоятельства складывались более чем удачно, и у хозя-

ина появилась новая забава (война-с королевой), а значит, сейчас ему не до слуги. Вيني точно знала – второго шанса у нее не будет. Только сейчас фэйт может попытаться вспомнить свое прошлое. То, кем он (или она) был (или была) до того момента, пока могущественный колдун не пленил его (или ее), сделав своей послушной игрушкой.

И если Сайко по какой-либо причине не выполнит своего обещания, то...

То паук, высасывающий проклятие Сантибарры, может ненадолго отлучиться. А когда вернется – будет уже слишком поздно что-либо исправить.

Глава 13

Этот самовлюбленный безумец Ульрих раз за разом ставил несчастного Мио в безвыходные ситуации. Сначала он вызвал карающего демона, что спровоцировало прелтов на сдачу крепости. А затем выдвинул ультиматум – жизнь заложника в обмен на исчезновение кредхов.

И что самое главное – ненормальный рыцарь не блефовал, потому что был слишком прямолинеен для блефа. К чему мелкое шулерство, если можно честно и прямо положить карты на стол и, глядя в лицо сопернику, просто сказать: «Я победил!» Причем не важно, сильная карта у тебя или слабая. Ты должен победить в любом случае – и точка.

Если бы у Мио было хотя бы несколько минут на размышления, то, вполне вероятно, он мог бы найти выход из положения или попытаться договориться с Ульрихом. Кинуть его людям аппетитную кость (золото), чтобы они передрались, словно собаки, забыв обо всем на свете, или провернуть какую-нибудь не менее блестящую комбинацию.

Но времени не оставалось, и это было тем более печально, что убрать кредхов можно за пару секунд, а для того, чтобы подготовить заклинание для вызова их обратно, понадобится не меньше часа.

– Я знаю, что ты задумал какую-то гадость, – голос Победоносного сорвался на визг, – поэтому считаю до трех! РАЗ!

Именно после этого крика Мио понял, что проиграл окончательно. Сейчас он будет вынужден убрать непобедимых кредхов, и тогда все, что у него останется, – это около сотни испуганных слуг и несколько заклинаний, которые не смогут остановить полторы тысячи воинов.

– ДВА! – произнес Ульрих, и смирившийся с поражением Мио легким движением пальцев превратил монстров в пыль.

– ТРИ!

Вместо того чтобы просто слегка надавить на меч, пропоров горло заложника, Победоносный приподнял его вверх. Обычно поверженный противник бывает закован в броню. И требуется определенное усилие, чтобы добить его. В данном случае не было необходимости отводить руку назад, чтобы вложить всю силу в удар, но привычка оказалась сильнее здравого смысла, что в конечном итоге спасло данное измерение от коллапса.

Краем глаза Ульрих заметил, что кредхи исчезли, и в самый последний момент сумел изменить направление движения меча. Острое лезвие, вместо того чтобы прошить незащищенное горло, вонзилось в щит...

– *Думаешь, Ульрих блефовал?* – осторожно спросил меня внутренний голос.

– *Н... не... з-знаю...*

– *Может, откроешь глаза?*

– *Н... не... хоч-чется...*

– КРЕДХИ ИСЧЕЗЛИ! – радостно закричал Победонос-

ный. – Путь к Ранвельтильской девственнице свободен!

– ВЕДИ НАС, УЛЬРИХ! – взревели рыцари.

– *Этот сумасшедший все-таки не блефовал...*

– *Т...ты... к...кого и...им-меешь в виду?* – Я все еще не мог отойти от кошмара последних минут.

– *Предводителя вооруженного сброда. Мио тоже, конечно, не подарок, но у него хватило ума выполнить все условия ненормального Ульриха.*

– ВЕ-ЕДИ НА-АС!

– *Идиотизм какой-то, честное слово,* – недовольно прокрипел внутренний голос.

Я был полностью согласен со своей второй половиной. Это действительно был законченный идиотизм.

Не радовало даже то, что на сей раз мне досталась не главная роль (прямой был не кто иной, как Ульрих). Но и второстепенная доставила массу незабываемых впечатлений.

Я достаточно долго играл по чужим правилам, и теперь мне хотелось только одного – чтобы все это безумие как можно скорее закончилось.

Резкий крик «символа» прервал мои невеселые размышления.

– Мерзкий некромант падет! – закричал Победоносный, увлекая за собой лавину воинов.

– НЕКРОМАНТ ПАДЕТ! – эхом откликнулись рыцари.

Мио можно было назвать кем угодно, но только не некромантом. По той простой причине, что хозяин башни Феник-

са не имел дела с ожившими мертвецами. После встречи с повелителем тьмы – Антопцем – я четко уяснил, кто некромант, а кто просто сумасшедший колдун. И как человек, компетентный в данном вопросе, мог с уверенностью сказать: называть Мио некромантом то же самое, что Ранвельтильскую девственницу – богиней плодородия.

Впрочем, соратники Ульриха не обращали внимания на подобные мелочи. Командир воодушевлял их собственным примером и задорными криками. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы они шли за ним в огонь и воду, не переставая кричать: «ВЕДИ НАС, УЛЬРИХ!»

«Скорее бы этот болван куда-нибудь привел свое глупое воинство», – устало подумал я. И так как непосредственной опасности не было, то набрался смелости открыть сначала один глаз, а затем и второй.

Оказалось, что я по-прежнему двигаюсь в авангарде отряда (по правую руку от Ульриха) и, судя по всему, остаюсь тем самым заложником, которого не задумываясь прикончат при первом же удобном случае.

Но рыцари поднимались все выше и выше, а никаких признаков обороны не было. Или кредхи были последней надеждой Мио, или коварный злодей заманивал противника в ловушку, из которой никто не уйдет живым.

– *Пока мы находимся в руках психически нестабильного Ульриха, никакие ловушки не помогут,* – подал голос мой вечный спутник. – *Если Мио отступил первый раз, то те-*

перь будет вынужден делать это снова и снова. До тех пор, пока бряцающая оружием банда идиотов не поднимется на самый верх.

– А что потом?

– Не знаю. Может быть, там никого не будет – колдун просто-напросто сбежит, прихватив с собой девственницу, а может быть, сдастся на милость победителей.

– Мне кажется, это не в его характере.

– Согласен. Вариант с бегством выглядит более предпочтительно.

Наверное, подавляющее большинство рыцарей думали так же, как я. И если первые несколько пролетов Ульрих подбадривал своих воинов зазорными криками, а они в свою очередь отвечали ему дружным «ВЕДИ!», то вскоре все замолчали. Если не видно противника, то достаточно трудно сохранить боевой настрой. К тому же у воинов накопилась усталость.

Подниматься по лестнице небоскреба (а башня Феникса была именно небоскребом) достаточно тяжело. А совершать подобный марш-бросок в стальных доспехах – еще тяжелее. Здесь уже не до радостных возгласов – нужно просто экономить силы и упорно шагать по ступенькам лестницы, которая упирается чуть ли не в небо.

Впрочем, гвардия Победоносного умела не только кричать, но и стойко переносить трудности. За сорок минут отряд благополучно достиг вершины башни, где и был прият-

но удивлен, обнаружив:

А) Ранвельтильскую девственницу в целости и сохранности.

Б) Не подающее признаков жизни тело Мио Четвертого.

В) Бесчувственного Компота (старик так и не пришел в себя после ударов повелителя иллюзий).

Г) И... больше никого. Абсолютно никого. Даже слуг.

Не знаю, как для всех остальных, но лично для меня самым тревожным было то, что пропал Билли. Загадочно и необъяснимо. Не оставив после себя никакого следа или слабой зацепки, с помощью которой можно было бы определить, что с ним произошло.

Если бы Мио был жив, можно было бы получить информацию из первых рук. Но, судя по виду колдуна, он умер и поэтому даже при всем желании не мог прояснить деталей исчезновения моего друга.

Правда, оставалась еще Ранвельтильская девственница, но задавать ей вопросы было бы неразумно. Судя по рассеяно блуждающему взгляду девицы, она находилась в далеком и прекрасном темпансцессе (точнее, в зверинце, набитом скопищем мерзких тварей). А там хватало и своих проблем, чтобы отвлечься на происходящее в реальной жизни...

В общем, пока я безуспешно пытался вычислить, что же произошло с Билли, жизнь не стояла на месте. У нее есть свои неписанные правила и свой бешеный ритм, в соответствии с которым должны двигаться те, кто хотел заполучить

теплое место на празднике жизни.

И хотя лично я ни разу не был на этом пресловутом празднике, но почему-то всегда думал, что там светит яркое солнце, плещется теплое море и полуголые красавицы разносят всем желающим бодрящие алкогольные напитки. В общем, этакий тропический рай без акул, скорпионов, нехороших болезней и агрессивно настроенных туземцев.

Не знаю, насколько мои представления о празднике жизни пересекались со взглядами Ульриха, впрочем, это не столь уж и важно. Главное то, что он делал все от него зависящее, чтобы попасть на праздник, а я висел на щитах, выступая в роли пассивного наблюдателя...

Победоносный одним из первых ворвался в зал и сразу же сориентировался в ситуации.

Надо отдать ему должное – когда надо, голова у предводителя рыцарства отлично работала. Вот и сейчас ей (голове) понадобилось всего несколько кратких мгновений, чтобы прийти к выводу, что формула «великолепный рыцарь, заколовший колдуна мечом» звучит намного лучше, чем «великолепный рыцарь, обнаруживший холодный труп колдуна».

– Когда речь идет о столь подлых и коварных личностях, как Мио, можно ожидать любой пакости. Сейчас он прикидывается мертвым, а в следующую секунду испепелит всех каким-нибудь особо мощным заклинанием.

Может быть, именно из этих соображений (хотя, вероятнее всего, все же из-за формулы «рыцарь, убивший колдуна».

на») Ульрих подбежал к креслу, в котором сидел преданный наемниками Мио, и со всего размаха всадил меч в неподвижного врага.

Удар был настолько мощным, что лезвие прошло сквозь тело, пробило спинку кресла и вышло наружу.

– Проклятый некромант повержен! – радостно вскричал «символ», и толпа рыцарей дружно взревела:

– СЛАВА ВЕЛИКОМУ УЛЬРИХУ!

– СЛАВА!!!

– СЛАВА!!!

– СЛАВА!!!

– *Не война, а какая-то малобюджетная постановка на древнеримскую тематику, – презрительно процедил внутренний голос. – Всего-навсего проткнули железной палкой мертвое тело несчастного сумасшедшего, а ликуют так, будто к их ногам пала столица великой империи.*

– Дай мне меч, солдат, – обратился Ульрих к ближайшему от него рыцарю, – я убью еще одну мерзкую гадину.

Я не сразу понял, о какой гадине идет речь, но, когда Победоносный направился в сторону бесчувственного Компота, сообразил, что имеется в виду несчастный старик.

– Погодите! – изо всех сил закричал я. – Это не гадина! Это пленник! Отвратительный некромант (если им нравилось называть Мио некромантом, я не имел ничего против) запытал до полусмерти моего друга! Он хороший! Честное слово!

Разумеется, крики о «хорошести» звучали достаточно глупо и никоим образом не повлияли бы на решение Ульриха прикончить беднягу Компота, но...

Победоносный только что уничтожил могущественного колдуна, освободил «жемчужину измерения» и блистательно завершил военную кампанию. Он со своим двухтысячным отрядом сделал то, что оказалось не под силу объединенным армиям шести королевств.

Может быть, этот старик был правой рукой Мио, но не исключен вариант, что он и правда всего лишь несчастный пленник. В любом случае не стоило пачкать руки о столь несущественную персону. Славы это убийство не прибавит, а если человек действительно окажется ни при чем, Ульрих запятнает себя убийством невинного.

– Ты ничего не напутал? – Вопрос, обращенный ко мне, являлся скорее страховкой, нежели желанием прояснить ситуацию.

– Нет, я ничего не напутал, – как можно увереннее ответил я. – Коварный некромант пленил нас. Меня против воли повесил на воротах, старика пытал, а что сотворил с Билли – вообще не знаю, он куда-то пропал.

Ульрих слушал не слишком внимательно, потому что все эти незначительные детали с пленными стариками и пропавшими узниками и прочие рассказы совершенно его не интересовали. Я был личностью достаточно известной (благодаря «Растворителю»), поэтому «символ» снизошел до разговора

со мной. Но больше чем на минуту его не хватило.

– Я с девственницей спускаюсь вниз, чтобы отдать ее в руки первосвященников; десять человек охраняют наших почетных гостей, – это про меня и Компота, – все остальные свободны.

Выражение «свободны» означало – приступайте, джентльмены, к грабежу. Вы это заслужили, поэтому не стесняйтесь и чувствуйте себя как дома – берите все, что хотите, но не забывайте, что определенный процент награбленного достанется вашему сиятельному командиру.

Десять рыцарей, оставшихся присматривать за телом мертвого колдуна и моей скромной персоной (Компот по-прежнему не приходил в себя), также не чувствовали себя обделенными. Они были абсолютно уверены, что получают свою долю трофеев. Справедливый дележ награбленного издавна практиковался в отряде Ульриха. Потому что отрубленная рука нагляднее всяческих слов и речей подтверждала нехитрую истину: нужно делиться с товарищами – и тогда все будет хорошо и все будут счастливы.

Воодушевленные рыцари отправились за трофеями, а их командир осторожно взял девственницу под руку и легко подтолкнул в направлении выхода. Заторможенный манекен, называемый жемчужиной измерения, покорно шагнул к дверям, но перед тем, как выйти, повернул голову в мою сторону – и на секунду наши взгляды встретились.

Один глаз у нее был мутным, как у свежемороженой

рыбы, а второй...

Второй подмигнул мне. И я понял: Мио не настолько глуп, чтобы позволить проткнуть себя мечом какому-то напыщенному идиоту.

Его крепость пала, и если бы волшебник бежал вместе с девственницей в другое измерение, то рано или поздно его бы обнаружили: Именно поэтому хитрый Мио остановил свое сердце и нырнул в темпансцесс. Я не знаю, находился ли он в сознании «жемчужины измерения» или в каком-нибудь другом месте, но отныне ничто не мешало ему лично наблюдать за поисками Ключа. А как только этот самый Ключ будет найден, коварный волшебник наверняка найдет способ выбраться из темпансцесса и завладеть каким-нибудь новым телом. Или захватит саму девственницу. В конце-то концов, у него всегда прослеживалась тяга к женскому нижнему белью, так почему бы в придачу к господству над миром не сменить и пол?

Вариант более чем удачный.

– Как ты думаешь, почему Мио открылся нам? – прервал мои размышления вечный спутник. – Мы ведь запросто можем его выдать.

– Не можем. Так как не знаем, что случилось с Билли. Судя по всему, сумасшедший колдун что-то с ним сделал, но что именно, знает только он.

– А если попросить помощи у победителей? В смысле, у волшебников альянса?

– Не думаю, что они воспылают желанием помочь нам. Максимум, на что их хватит, – отправить нас туда, откуда мы появились. Потому что держать в своем измерении настолько опасную бомбу, как мы, совершенно неразумно.

– Значит, ты не станешь выдавать Мио?

– Нет. Я не воспылал светлыми дружескими чувствами к этому ненормальному маньяку, а просто тревожусь за Билли. Старый товарищ слишком часто спасал мою жизнь, чтобы вот так просто обрубить все ниточки, способные вывести нас на его след.

– Уж не замыслил ли ты спасательную экспедицию?

– Нет, я ничего не замыслил, потому что мы еще не выбрались из этого дерьма. Но в дальнейшем нам придется вернуться и к теме Ранвельтильской девственницы, и к темпанцессу с его гадами, и даже к трансвеститу Мио.

– Какой-то не слишком веселый набор получается. Сплошь и рядом подводные течения, острые рифы и стаи голодных акул...

– Ты же сам любил повторять: «А кому легко?»

– Я вкладывал в это понятие несколько иной смысл.

– Сейчас безразлично, что ты вкладывал или выкладывал, главное – найти Билли.

– Неужели ты воспылал к толстяку настолько сильной любовью, что готов рискнуть ради него головой?

– Я не говорил о голове...

– И совершенно напрасно, потому что одна только про-

гулка по темпанцессу может кончиться более чем печально. А если прибавить к ней встречу с Мио, то... сам понимаешь. Добром это мероприятие не кончится.

– О каком вообще добре идет речь? – Я не удержался, рассмеявшись вслух. – У меня раздвоение сознания, в глазу сидит скорпион, в голове торчит нож, а в ухе покоится «Растворитель миров». Я даже не знаю, что еще нужно прибавить к этому списку, чтобы размышления о добре навсегда исчезли из наших разговоров.

Мой слегка истеричный смех не на шутку встревожил охрану. В принципе в этом нет ничего удивительного. Если человек с торчащей из головы рукоятью ножа начинает беспричинно смеяться, то это наводит на очень грустные мысли.

– Ты испугал рыцарей Ульриха.

– А-а-а... Наплевать. – Я с трудом удержался, чтобы не сделать вялую отмашку рукой. – Мне уже все равно.

Произнеся последнюю фразу вслух, я безвольно откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. Напряжение последних часов оказалось слишком большим. У любого человека существует определенный запас прочности. И если до конца исчерпать его, то можно сломаться. Вероятно, я вплотную подошел к границе своих возможностей, вследствие чего в организме сработал некий защитный механизм и я погрузился в какое-то странное оцепенение. Это нельзя было назвать сном или явью. Скорее неким пограничным состоянием...

Мне чудилось (а может быть, это происходило наяву), что комната наполнилась людьми, среди которых было несколько магов. Их можно было без труда опознать по одежде и поведению. Убеленные сединами старцы задавали какие-то вопросы, на которые у меня не было ни сил, ни желания отвечать. Затем чья-то рука попробовала вытащить нож из моей головы, но ничего не вышло. Вся эта кутерьма и мельтешение продолжались достаточно долго, а под самый конец у меня зарябило в глазах – и я вдруг непонятно каким образом очутился в темпансцессе. Но только это было не туманное болото, наполненное грязью и всякого рода кровожадными тварями, а вполне милое и пристойное место. Не знаю, отчего я вдруг решил, что увитая плющом беседка в тихом саду находится в темпансцессе, но после того, как рядом со мной очутился Мио, все сомнения разом отпали.

Мы немного поболтали и расстались вполне довольные друг другом. Мне даже показалось, что мы договорились о чем-то важном или, более того, заключили какую-то сделку. Но о чем шел разговор, я так и не смог вспомнить.

Покинув темпансцесс, я вновь очутился в той же самой комнате, но только на этот раз, кроме магов и Компота, в ней никого не было. Трое старцев выстроились в линию, а четвертый встал за моей спиной. Некоторое время они бормотали какие-то невнятные заклинания, а под конец вскинули руки вверх и...

Больше я ничего не видел и не помню, но когда снова при-

шел в себя, то обнаружил, что нахожусь в тех самых покоях Фромпа, из которых нашу команду похитил повелитель иллюзий.

Если бы не отсутствие Билли и не лежащий без сознания Компот, можно было подумать, что битва за Ранвельтильскую девственницу, штурм башни Феникса, самовлюбленный Ульрих и экзальтированный Мио – не более чем пьяный кошмар.

Но, вскинув руку к голове и нащупав рукоять ножа, я понял – все эти ужасы не были плодом моего больного воображения, а происходили на самом деле.

– Неплохое приключеньице вышло, – произнес я вслух с единственной целью – услышать собственный голос и до конца поверить, что это не сон.

Голос оказался слегка охрипшим, но все же принадлежал именно мне.

– Ладно, с одной проблемой разобрались, – я продолжал размышлять вслух, – но все остальные никуда не делись.

Блуждающий взгляд случайно наткнулся на стол, и меня несказанно поразило, что за время нашего продолжительного отсутствия никто не позаботился убрать остатки ужина.

– Что за порядки царят во дворце, где прислуга не выполняет своих прямых обязанностей и не следит за чистотой в комнатах, отведенных почетным гостям?

Но затем я вспомнил, что время в различных измерениях течет по-разному. И если верить выкладкам Мио, то в Сар-

лоне наше отсутствие длилось...

Я прикинул в уме, как долго нас не было, и пришел к выводу, что не больше нескольких секунд. Разумеется, за столь ничтожный отрезок времени слуги короля не могли навести порядок в комнате. А наше внезапное исчезновение и столь же неожиданное появление остались незамеченными.

– Да-а уж, – задумчиво пробормотал я. – Мы посетили резиденцию психованного колдуна, поучаствовали в очередной великой битве, повеселились по полной программе – и как ни в чем не бывало вернулись обратно.

– Хотя, честное слово, лучше бы маги не возвращали нас! – в сердцах выругался я. – С огромным трудом выбрались из одного дерьма только для того, чтобы вляпаться в еще более серьезные неприятности. Это вообще когда-нибудь кончится?

Обычно в таких случаях оживало мое нестабильное подсознание и тоном занудного школьного учителя отвечало что-нибудь вроде: «Нет, это никогда не кончится».

Но на этот раз ничего подобного не произошло.

– *Что скажешь?* – напрямую обратился я к внутреннему голосу.

Но опять не услышал ни слова. Сначала я подумал, что он просто выдвывается. Но по прошествии пяти минут – когда стало окончательно ясно, что мое второе «я» безвозвратно исчезло, – я испугался уже по-настоящему.

Если бы внутренний голос был со мной, то наверняка бы

не преминул пошутить насчет того, что из похода за Ранвель-
тильской девственницей мы вернулись, потеряв Билли и по-
ловину собственного мозга. Но так как я остался в гордом
одиночестве, то шутить было некому.

– Абзац... Дошутились... – прерывающимся от волнения
голосом произнес я, дрожащей рукой наливая себе полный
фужер вина. – Еще пара таких шуток и...

Заканчивать мысль я не стал, чтобы не накаркать беду.

Впрочем, мог бы и закончить. По большому счету это
все равно ничего бы не изменило. Потому что впереди меня
ожидала не жалкая «пара» а целый «флеш ройял» поистине
королевских шуток.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

GAME

Глава 1

В королевском дворце творился форменный бардак. Никакое другое определение не может более точно охарактеризовать то, что на протяжении последних часов происходило в резиденции Фромпа.

Сначала в покои героев через магический портал проникла орда прелтов – наемников, готовых воевать где угодно и с кем угодно, главное, чтобы хорошо платили. Безобразие поистине вопиющее. Королевские апартаменты – это не проходной двор, а надежно защищаемая территория, на охрану которой, к слову сказать, не жалеют денег. Но как выяснилось – лучше бы деньги жалели. В таком случае было бы не так обидно, что хваленая защита оказалась насквозь дырявой. А какие-то никчемные прелты устроили форменный погром в покоях, отведенных гостям. Впрочем, гости из этой непростой ситуации вышли с честью. Герои, покоровшие стотысячные трибуны «Арены искупления», не ударили лицом в грязь и на этот раз. Прелты получили достойный отпор и были вынуждены отступить, понеся большие потери.

Но оказалось, что внезапная атака была только началом неприятностей. Вслед за прелтами по дворцу ураганом прошелся какой-то чрезвычайно могущественный колдун, вырезавший половину охраны. И сделал он это исключительно ради того, чтобы добраться до покоев, отведенных прохвосту Сайко. Для чего понадобилась столь глупая и дерзкая операция, осталось неизвестным. Новоявленный миллионер не захотел помочь следствию, а Ласковый Жу, связанный определенными обстоятельствами, не смог применить свое самое верное средство по развязыванию языков – пытку.

Затем в своем собственном кабинете был разрублен на части глава магов Сервел, что косвенно бросило тень уже на самого Фромпа, так как незадолго до этого король снял заслуженного мага с должности.

И самой последней каплей оказалось бесследное исчезновение одного из героев и пробитая голова юноши, называющего себя принцем Рента-лом. Вообще-то голова была не пробита в прямом смысле этого слова. Из нее просто торчала рукоять ножа. Но если из черепа торчит рукоять, значит, само лезвие застряло в мозгах. Подобный вывод трудно подвергнуть сомнению, не говоря уже о том, чтобы опровергнуть его.

Разумеется, глава тайной полиции сделал все от него зависящее, чтобы выяснить, кто стоит за всеми этими преступлениями. Но в распоряжении Ласкового Жу было слишком мало времени – до начала королевского пира оставалось полто-

ра часа. А в столь сжатые сроки невозможно раскрыть сразу несколько чрезвычайно запутанных дел.

Налицо было явное фиаско секретных служб. Поэтому на разговор к королю Л.Жу шел, что называется, с тяжелым сердцем.

Но как ни странно, Фромп выслушал доклад подчиненного совершенно спокойно. В эти минуты он напоминал усталого капитана, чей корабль неожиданно наскочил на коварные рифы и дал течь. Золото из трюмов пропало, а само судно предстояло разделить на две равные части во избежание бунта. Однако, несмотря на все эти потрясения и несчастья, железная воля капитана не была сломлена.

Будь на месте короля кто-нибудь другой, он бы наверняка погрузился в пучину отчаяния. Но Фромп был достаточно сильной натурой, чтобы не сломаться и не опустить руки при первом же шквальном порыве ветра. Он собирался бороться. И сделать все от него зависящее, чтобы полностью восстановить контроль и порядок на подвластном ему корабле.

Отбросив все лишнее, монарх сконцентрировался на решении главной задачи: **КАК ВЕРНУТЬ ПОТЕРЯННУЮ ПОЛОВИНУ КОРОЛЕВСТВА**. Может быть, именно этим и объяснялось спокойствие Фромпа – он думал о более серьезных вещах, чем то, о чем докладывал начальник тайной полиции.

– Среди магов возможно недовольство.

Ласковый Жу говорил очень тихо: несмотря на преклон-

ный возраст, король обладал замечательным слухом.

– Усиль наблюдение и во что бы то ни стало найди убийцу Сервела.

– Будет исполнено.

– Что еще?

– Сайко так и не поделился со мной информацией.

Это был явный намек на то, что неплохо было бы отдать наглеца в руки палачей, но король не придавал значения и этому делу.

– С ним разберемся позже, когда будет свободное время.

Ласковый Жу почтительно склонил голову, всем своим видом выражая полное согласие с мудрым решением короля.

– Один из героев пропал, второго не удалось привести в чувство, несмотря на все старания королевского врача, а в голове принца Рентала застряла рукоять ножа, и ее так и не смогли вытащить. Слуга, отвечающий за сервировку стола, сообщил об этом моему человеку. И я сделал все возможное, чтобы предотвратить появление слухов...

– А вот это уже плохо. Один герой пропал. Второй – без сознания, а юнец, вышедший с «Арены искупления» целым и невредимым, пробыл несколько часов в королевском дворце и умудрился схлопотать нож в голову. Черни явно не понравится такая история. Понятно, что самым главным считают Рентала, а оставшиеся двое – всего лишь слуги, однако нож в голове принца – это серьезно...

– Нетрудно распустить слух о мести богов или демонов.

Что-нибудь вроде «отметили своим знаком, вонзив проклятый нож в голову».

– Так бывает или ты все это на ходу сочинил?

– В жизни нет ничего невозможного... – уклонился от прямого ответа начальник тайной полиции.

– Для простого народа это слишком неправдоподобное объяснение. Мне хватает собственных проблем, а тут еще разбираться со взбунтовавшейся чернью.

– Тайная полиция не допустит...

– Их никто не будет спрашивать, эту твою идиотскую полицию. Сарлон не глухая деревня, оторванная от мира, где можно, опираясь на одну только грубую силу, диктовать свою волю забитым крестьянам. Этот огромный город похож на дикого зверя. С ним нужно быть предельно осторожным. Необходимо чередовать ласку и угрозы, наказания и поощрения. Один неверный ход – и все полетит к черту. Сейчас армия и полиция контролируют порядок на улицах, но армия нестабильна, твои агенты трусливы и продажны, маги колеблются, не зная, что подумать об убийстве своего предводителя. И во всей этой неразберихе нам не хватало только ножа, торчащего из головы народного кумира. Что он сам говорит о случившемся? Есть у него какое-нибудь нормальное объяснение?

– Ничего конкретного. Какие-то глупости насчет неосторожного обращения с холодным оружием.

– Дальше можешь не продолжать. Проблему с ножом мож-

но решить при помощи какой-нибудь шляпы или берета.

– Но рукоять торчит не из макушки, а сбоку.

– Значит, лихо заломите берет или шляпу набекрень! – взорвался король, разом утратив все свое бывшее спокойствие. – Столько людей занимается проблемой безопасности, а по дворцу нельзя спокойно пройти. Я НЕ ЧУВСТВУЮ СЕБЯ В БЕЗОПАСНОСТИ ДАЖЕ В СОБСТВЕННОЙ СПАЛЬНЕ! Это просто уму непостижимо! И плюс ко всему, я еще должен думать за всех, разжевывая такие элементарные вещи!

Ласковый Жу смиренно молчал. Он понимал, что у Фромпа выдался не лучший день в его жизни. А если быть до конца точным – то даже худший. Так что вспышка гнева вполне уместна и объяснима.

– Все, иди и работай, – устало сказал король. – Через час встретимся на площади Звезд. Надеюсь, там все пройдет гладко и не будет никаких неприятных сюрпризов.

– Будьте уверены, мой повелитель, на этот раз я лично прослежу, чтобы не возникло досадных недоразумений.

Ласковый Жу выполнил обещание – он действительно позаботился о том, чтобы торжества прошли без эксцессов, но опасность поджидала Фромпа в его же собственных покоях. А фраза «Я не чувствую себя в безопасности даже в собственной спальне» оказалась пророческой.

После разговора с начальником тайной полиции король зашел в роскошную опочивальню, чтобы через потайную

дверь перейти в личный кабинет, где хранилась одна чрезвычайно ценная вещь. Но мысли о каких бы то ни было вещах сразу же вылетели из его головы, как только он увидел собственную невесту.

В иных обстоятельствах в этом не было бы ничего удивительного – ну подумаешь, невеста поджидает будущего мужа в спальне. Что здесь такого? По большому счету – ничего. Но пикантность ситуации заключалась в том, что девушка была абсолютно нагой.

Учитывая свободу нравов современной молодежи, а также репутацию старого развратника Фромпа, в происходящем также не было ничего из ряда вон выходящего.

Но...

Король брал в жены юную принцессу, руководствуясь исключительно политическими соображениями. Ни о какой любви речи быть не могло. Это понимали все без исключения. И вдруг ни с того ни с сего – подобный демарш. Юная девушка (наверняка девственница) приходит в покои пожилого, нелюбимого человека, спокойно раздевается и в раскованной позе изысканной куртизанки дожидается прихода жениха.

Сказать, что это выглядело подозрительно, – значило ничего не сказать. Будь Фромп молодым, горячим жеребцом, то и в этом случае десять раз бы подумал, прежде чем броситься в объятия невесты. Но ему было далеко за пятьдесят, юношеский задор давно миновал, уступив место трезвому

взгляду на жизнь, а в сказки про любовь с первого взгляда он никогда и не верил.

Тем более что никакого взгляда не было и в помине: глаза принцессы Веи были закрыты.

Ситуация складывалась, мягко говоря, дурацкая. А если говорить грубее, дурацкая до невозможности.

Жених застаёт в своей опочивальне обнажённую невесту, но подозревает, что с ней что-то не так. Можно, конечно, вызвать охрану, чтобы компетентные в вопросах безопасности люди решили, все ли с принцессой так. Однако король, лишившийся половины королевства, продувшийся в пух и прах (десять миллионов золотом – очень приличная сумма) какому-то безродному проходимцу, и без того выглядит не лучшим образом. А если вдобавок ко всему он позовет в свою спальню стражу с целью осмотра голый принцессы, то это будет уже не просто фиаско, а политическое самоубийство. Даже если охранников быстро казнить, слухи все равно поползут. И эти грязные слухи окончательно уничтожат короля.

Был ещё один вариант: просто развернуться и уйти, буд-то ничего не заметив. Но Фромпу необходимо было попасть в свой кабинет. А в присутствии невесты он не мог этого сделать. Брак по расчёту не подразумевает столь близких и доверительных отношений, которые возможны между двумя по-настоящему любящими друг друга людьми. Поэтому ни сейчас, ни в дальнейшем король не собирался посвящать в свои тайные замыслы Вею. И оттого не хотел, чтобы она зна-

ла о потайной двери, ведущей в святая святых – личный кабинет короля.

«Придется рискнуть», – напряженно подумал Фромп и для начала осторожно прокашлялся.

Тихий старческий кашель не произвел никакого впечатления на юную принцессу. Или она его не услышала, или не захотела услышать. Кто знает, какие мысли будоражат умы молодых девушек? Никто. Даже сами хозяйки этих мыслей порой не отдают себе отчета в своих импульсивных желаниях и поступках. Что уж говорить о других.

– Дорогая... – Фромп резко сменил тактику, и теперь его голос звучал громко и требовательно. – Что ты здесь делаешь?

На сей раз король был услышан. Вея открыла глаза, а затем попыталась ответить на заданный вопрос. Но вместо слов из горла вырвался полузадушенный хрип, а бессмысленный взгляд свидетельствовал о том, что девушка не вполне осознает, где она находится и что происходит.

«Девчонку одурманили какой-то отравой или наркотиком, раздели и положили мне в кровать. – Несмотря на достаточно сложную ситуацию, Фромп не потерял самообладания. – Нужно немедленно вызвать врачей, чтобы оказали помощь принцессе, а затем узнать ответ на один-единственный вопрос: что здесь происходит?»

В отличие от охранников врачи не представляли опасности. Жених и невеста предавались любви, во время какого

занятия девушке неожиданно стало плохо. Вполне нормальная и естественная ситуация, связанная со стрессом, страхом перед потерей девственности или еще какими-нибудь чисто девичьими предрассудками.

Размышляя примерно в таком духе, Фромп склонился над кроватью, чтобы накрыть шелковым покрывалом обнаженное тело будущей супруги. Но сделал он это совершенно напрасно, потому что реакция «будущей супруги» оказалась абсолютно неожиданной.

В складках простыни было спрятано оружие. Не прошло и секунды, как в руках девушки оказался кинжал. Один быстрый взмах – и лезвие, прочертившее в воздухе широкую дугу, прошло в нескольких сантиметрах от лица короля.

Инстинктивно отшатнувшись, Фромп успел заметить, что глаза мнимой принцессы, выглядевшие до этого бессмысленно-мутными, вдруг вспыхнули неукротимой животной яростью. Мимолетного взгляда на жуткие глаза хватило, чтобы понять: на Фромпа напала не его невеста и даже не человек, а какая-то жуткая тварь, пришедшая сюда исключительно ради того, чтобы убить короля. И, судя по ее решительному виду, не успокоится она до тех пор, пока не исполнит задуманное.

Плох тот авантюрист, который не в состоянии предугадать надвигающуюся опасность. Как правило, такие люди долго не живут. До этого дня Сайко считал себя отличным авантюристом, способным выпутаться практически из любой ситуации. Но досадная оплошность с проклятым зоопарком не только поколебала его уверенность в себе, но и чуть было не стоила жизни.

Впрочем, после того как он разродился блестящей концепцией «лавочника, которому все равно, кому платить», былая уверенность в собственных силах вернулась. А вместе с ней пришло и обостренное чувство опасности. Именно оно-то и навело Сайко на мысль, что оставаться в отведенных ему покоях небезопасно. Сюда уже проложили столбовую дорогу призраки, котообразные джентльмены и сумасшедшие горбуны с кровожадными невестами. И если вся эта разношерстная компания побывала здесь один раз (а призраку настолько понравилось, что он отметился дважды), то не исключена вероятность повторного визита.

И то, что концепция «лавочника» произвела впечатление на посланца королевы Семи Палачей, еще не значило, что так же безотказно она будет действовать и на всех остальных. Поэтому во избежание ненужных эксцессов Сайко нуж-

но было сменить место дислокации.

Королевские торжества (пир во время чумы) начнутся через час с небольшим. И все это время намного желательнее провести в какой-нибудь хорошей компании (на виду у людей), чем в гордом одиночестве (смышленная собачка не в счет).

После смерти одного Утешителя и серьезных травм у другого Сайко остался фактически без охраны. Любой желающий Мог прийти к нему в комнату и...

Углубляться в грустные размышления не хотелось. Ни к чему хорошему это все равно бы не привело. Поэтому, отбросив в сторону все лишнее и как следует поразмыслив, молодой человек пришел к выводу – во дворце есть только одна «хорошая компания», с которой можно найти общий язык.

Трое героев, вышедшие живыми с «Арены искупления», повергли в прах скопище ужасных монстров и под конец одолели даже бесплотного демона. Если подружиться с этими непобедимыми воинами, можно будет на некоторое время забыть о вопросах безопасности.

– Решено, – вслух произнес Сайко, обращаясь к собачке. – Мы идем в гости к тройке отважных героев. Познакомимся, поболтаем... Выпьем чего-нибудь крепкого... Может быть, даже подружмся...

Молодой человек не был уверен, что прославленные воины захотят с ним общаться, и скорее успокаивал себя, чем объяснял мотивы собственного поведения умному псу.

– Если тебя захотят найти, то найдут где угодно.

– Ну и пусть находят, если им так хочется. Я до смерти устал сидеть в этой крысиной норе, дожидаясь, пока придет очередной посетитель и заведет разговор о гребаном зоопарке!

– Я тебя понимаю.

«Да не можешь ты меня понять!» – чуть было не сорвался на крик Сайко, но сумел взять себя в руки.

– Хорошо, что понимаешь, – раздраженно пробормотал он, направляясь к выходу.

Выплеснув накопившуюся злость на ни в чем не повинную дверь (от резкого рывка она чуть было не слетела с петель), любитель хороших компаний шагнул в коридор.

Двое охранников не слишком обрадовались, увидев персону, которую должны были защищать. Заступив на пост вместо убитой пары, новая смена не получила четких инструкций. О каких вообще инструкциях могла идти речь, когда во дворце творилось черт знает что? Охранники не знали, что делать. С одной стороны, Сайко являлся почетным гостем короля и поэтому имел право на свободное перемещение, а с другой...

Наверняка Ласковому Жу не слишком понравится сообщение о том, что человек, опустошивший казну на десять миллионов, разгуливает по дворцу, будто у себя дома.

В конечном итоге страх перед начальником тайной полиции превозмог прочие соображения.

– Вам что-нибудь нужно? – Голос человека, вставшего на пути Сайко, звучал не слишком уверенно.

– Хочу выгулять собачку.

– Выгулять собачку? – Было очевидно, что такой поворот событий явился полной неожиданностью для часового.

– Да, выгулять моего четвероногого друга.

– А зачем? – Вопрос был наиглупейшим, но ничего другого не пришло в голову охранника.

– Видите ли, любезный, – к Сайко вернулась его былая уверенность в себе, – у моего пса существует ряд естественных потребностей, и он предпочитает справлять их на улице.

– На улице?

– Да. Именно там и нигде больше. Роскошное убранство королевских апартаментов угнетающе действует на психику моего бедного пса. С одной стороны, ему хочется справить нужду, а с другой – он отдает себе отчет в том, что это может быть чревато крупными неприятностями.

Как будто в подтверждение слов хозяина, собачка села на попу и несколько раз утвердительно кивнула.

– Вот видите, – обрадованно воскликнул Сайко. – Я абсолютно уверен, теперь у вас не осталось сомнений в том, что *крупные неприятности* никому не нужны.

После того как половина дворца была залита кровью убитых стражников, тысяча маленьких собачек могли очень долго справлять большую и малую нужду – и этого бы никто не заметил. А если бы даже и заметил, то не придал бы

особого значения. И уж никак бы не вспомнил ни о каких неприятностях.

Будь у часовых, преградивших дорогу Сайко, время подумать, они бы наверняка пришли к подобному выводу. Но времени не было. Во дворце творился форменный хаос, а Ласковый Жу отправился на площадь Звезд, чтобы лично проследить за безопасностью предстоящей церемонии.

Можно было попытаться найти нового начальника караула (старого убили), но поиски могли затянуться на неопределенное время. А проклятая собака не станет ждать...

– Во время чрезвычайных ситуаций слугам и гостям запрещено покидать пределы дворца. – Лицо одного из часовых озарилось радостной улыбкой – он вспомнил спасительный пункт инструкции.

– Значит, на улицу я выйти не могу?

– К сожалению, это невозможно.

– Но в пределах дворца можно свободно передвигаться?

От этого простого вопроса стражник пришел в явное замешательство. Не существовало никаких инструкций или правил, согласно которым гости должны были находиться исключительно в отведенных им комнатах.

– Вы не можете заходить на королевскую половину.

– Я не собираюсь тревожить сиятельного монарха. Просто хотел бы поговорить с принцем Ренталом – и буду очень признателен, если вы проводите меня в его покои... Разумеется, – Сайко предвосхитил какие бы то ни было возраже-

ния, – вы можете охранять меня и там. Последнее время во дворце не очень спокойно, поэтому лучше держаться группами – как гостям, так и стражникам.

«А как же собачка?» – чуть было не спросил охранник, но в последний момент все же сдержался.

Как и где помочится смышленная дворняга, его не касалось. Они с напарником проводят гостя до покоев принца Рентала. И останутся на новом посту до тех пор, пока их подопечный не решит вернуться в свои апартаменты. Никакие инструкции при этом не будут нарушены, а значит, охрану нельзя будет ни в чем упрекнуть.

– Мы проводим вас.

– Буду признателен! – Лицо Сайко озарилось искренней улыбкой.

После того как все недоразумения были улажены, небольшой процессии не понадобилось слишком много времени, чтобы миновать несколько коридоров и достигнуть Розовых покоев – места отдыха прославленных героев.

Сайко коротко постучал, но так как никто не ответил, все же набрался смелости открыть дверь.

Внутри было тихо, как в склепе. В креслах неподвижно застыли две фигуры. Изрядно побитый старик, судя по всему, был жив, но рукоять ножа, торчащая из головы принца Рентала, свидетельствовала о том, что он мертв.

«Зашел переждать опасность к отважным героям, – удрученно подумал Сайко, – а вместо этого обнаружил свежий

труп и...»

Закончить мысль не удалось, потому что «труп» медленно повернул голову в направлении вошедшего и открыл глаза.

– *Это вообще человек или что?* – мысленный вопрос был обращен к умной собачке.

– *Человек, но какой-то странный. Как будто у него вырезали половину мозга...*

– *Ножом?*

– *Нет. Но это не имеет значения, потому что...*

Вини показалось, что она уловила какой-то слабый импульс, показавшийся смутно знакомым.

– *Почему это не имеет значения?*

– *Мне нужно сконцентрироваться, я потом все объясню.*

– *А со мной ничего не произойдет за то время, пока ты концен...*

– *Ничего.*

Сайко ничего не оставалось, как завязать беседу с принцем.

– Вот, зашел познакомиться и лично выразить свое восхищение. – Разговаривать с человеком, у которого из головы торчит нож, было непросто. Сайко переминался с ноги на ногу, с трудом подбирая слова. – Высказать восхищение... Победой... блестящей... на арене... В общем, все было здорово...

Вини напрягла все свои ментальные способности – и в конечном итоге определила, кому принадлежит слабый им-

пульс, показавшийся ей смутно знакомым.

В комнате находился еще один файт Асванха Пиринизона, и это была...

– Клара, я вычислила тебя, можешь не прятаться.

У колдуна было несколько фактов, которые выполняли те или иные приказы хозяина. При этом они очень редко пересекались между собой. А если даже встречались, то ничего не знали о заданиях друг друга.

– Клара, я знаю, что ты здесь!

– Все было здорово... И мне очень понравилось... – Сайко уже исчерпал весь запас своего красноречия, но так и не наладил дружеского контакта.

– Этот парень меня вообще слышит? – мысленно обратился он к собачке. – *Ато я начинаю беспокоиться.*

Вини тоже начала беспокоиться, потому что молчание пиявки Клары выглядело более чем подозрительным.

– Я не могу точно сказать, слышит он тебя или нет.

– Из-за того, что он странный? – догадался Сайко.

– И поэтому тоже... Клара, я знаю, что ты здесь и слышишь меня. Просто ответь что-нибудь!

Но пиявка продолжала упорствовать. В принципе это могло означать все, что угодно, но Вини очень не нравился этот непонятный парень и необъяснимое поведение файта.

– Нам нужно как можно скорее уходить! Здесь что-то нечисто.

Сайко уже и сам понял, что здесь не просто «что-то нечи-

сто» – здесь НЕЧИСТО АБСОЛЮТНО ВСЕ.

И для собственной же безопасности будет лучше как можно скорее убраться из этого странного места. Он уже начал пятиться к двери, но в этот момент блуждающий взгляд страшного принца остановился на незваном госте и...

– СТОЙ! – отрывисто приказал человек с наполовину ампутированным мозгом.

«Хотел пообщаться с хорошей компанией, – затравленно подумал разом вспотевший от страха Сайко, – вот и пообщался».

Глава 2

Фромп не был трусом, и даже более того – имел за своими плечами опыт военной кампании. Еще будучи принцем, он участвовал в завоевательном походе на север (отец всегда ратовал за расширение империи). Но одно дело сражаться с людьми, и совершенно другое – с непонятным монстром, выглядящим как твоя собственная невеста.

Король начал пятиться назад, не упуская из поля зрения лжепринцессу. Ему хотелось развернуться и побежать, но он усилием воли подавил в себе этот малодушный порыв. Потому что прекрасно знал – от ножа, брошенного в спину, не убежишь.

Застигнутый врасплох, Фромп медленно отступал, а обнаженная девушка явно не торопилась форсировать события.

«Она могла прикончить меня сразу, – неожиданно понял король. – Но решила позабавиться».

Словно кошка, играющая с мышью, убийца мягко ступала босыми ногами по роскошному ковру. При этом в ее крадущейся походке проскальзывало нечто звериное. Нечто такое, отчего становилось не по себе, даже если забыть о проклятом кинжале и нечеловеческих глазах.

Конечно, можно было закричать и вызвать охрану, но в таком случае развязка наступила бы мгновенно. Не нужно было участвовать в завоевательном походе на север, сражать-

ся со свирепыми варварами и потратить целый год жизни на освоение армейских премудростей, чтобы осознать одну простую вещь – перед Фромпом был профессиональный убийца. Для профессионала не составит особого труда перерезать человеку горло настолько быстро, что жертва ничего не успеет понять.

– Может, договоримся по-хорошему? – Несмотря на безвыходность ситуации, Фромп не потерял присутствия духа. – Скажи, сколько тебе заплатили, и я дам в пять раз больше.

Предложение, вне всякого сомнения, было заманчивым, но, судя по кривой усмешке убийцы, она не меняла коней на переправе, предпочитая выполнить заказ и спокойно получить заработанные деньги, нежели встать на скользкую дорогу предательства.

– Я дам тебе денег и обеспечу безопасность.

Король и сам не верил в то, что говорил. Однако надо было говорить – даже глупости, – чтобы притупить бдительность фурии с ножом и попытаться достичь потайной двери...

Королевская спальня представляла собой анфиладу из трех больших комнат. Огромная кровать находилась в третьей, последней комнате, и там же была потайная дверь в личный кабинет могущественного владыки.

Но кроме этой двери существовала еще одна, которая вела в сеть коридоров и лестниц, пронизывающих сверху донизу весь дворец.

Если достигнуть нужного участка стены, коснуться перстнем определенной точки и резко рвануться в спасительный мрак пыльного коридора, то можно спастись. Стена сойдется за спиной короля вне зависимости от того, встанет ли на ее пути преграда в виде постороннего тела.

– Тебя ведь послали купцы, недовольные повышением налога на вывоз? – Вопрос звучал как полнейшая нелепость, законченный бред и невообразимая чушь. Но Фромпу нельзя было молчать, и поэтому он говорил. – Наверняка инициатива идет не с самого верха, а из низов. Верхушка настолько труслива, что не может даже подумать о том, чтобы высказать вслух свое недовольство, не говоря уже о каких-то решительных действиях.

Король и убийца миновали первую комнату...

– Я знаю об их возможностях и уверен – больше двадцати тысяч эти подонки собрать не смогли. А что такое жалкие двадцать тысяч в наше тяжелое время? Ничего. Я же могу предложить миллион...

Лицо мнимой принцессы в очередной раз исказила кривая усмешка, а из открывшегося рта неожиданно выплеснулась темно-зеленая жижа, напоминающая болотную грязь. Белоснежная девичья грудь оказалась запачканной отвратительной жидкостью. Но убийцу абсолютно не интересовали подобные мелочи – она продолжала наступать.

«Хамелеон Черных болот!» – догадался Фромп.

Ему ни разу не приходилось сталкиваться с этими чрез-

вычайно редкими существами, обитающими на окраине мира, но в военных походах молодости он успел наслушаться всяких историй про этих коварных тварей. Однако король не мог себе даже представить, что когда-нибудь лично встретится с одной из них. И не просто встретится, а окажется в роли жертвы.

«Ласкового Жу нужно было давно повесить, – желчно подумал король. – Зачем держать многочисленную армию тайных агентов, если во дворце зреют заговоры, о которых монарх получает информацию буквально из рук собственного убийцы? А всех этих хваленых магов, отвечающих за безопасность, – посадить на кол, чтобы... Маги! – догадка блеснула, словно яркая вспышка молнии. – Во всем виноваты придворные маги! Это они решили воспользоваться неразберихой, возникшей после разделения королевства, и под шумок захватить власть. Наверняка атака прелтов, а также сумасшедший маньяк, вырезавший половину охраны, их рук дело. Предатели сами запустили врагов во дворец, именно этим объясняется легкость преодоления магической защиты. Да и Сервела тоже прикончили они же – больше некому. Мудрый старик наверняка не захотел ввязываться в подобные авантюры и, как опасный свидетель, был зверски убит. Осталось только убрать короля руками наемного убийцы, а все остальное будет вопросом техники: создание правящего совета или какой-нибудь другой ерунды – вплоть до выяснения обстоятельств гибели королевской особы».

Будь Фромп на месте магов – поступил бы точно так же. Самый простой сценарий – еще не значит самый худший. Примеры истории наглядно свидетельствовали, что в большинстве своем дворцовые перевороты не отличались оригинальностью...

– Тот, кто нанял тебя, не оставит в живых убийцу короля. – Фромп отбросил в сторону глупые байки о купцах и был теперь абсолютно серьезен. – Ты даже не сможешь покинуть стены дворца, потому что знаешь слишком много того, чего не должна была знать...

Изо рта мерзкой твари выплеснулась очередная порция болотной жижи.

Король и убийца миновали вторую комнату...

Спасительная потайная дверь была уже рядом, но теперь, зная, кто перед ним, Фромп начал сомневаться – успеет ли он хотя бы прикоснуться перстнем к стене, не говоря уже о том, чтобы попасть внутрь спасительного коридора. Хамелеоны Черных болот были на редкость проворными созданиями. Тягаться с ними в скорости не могли даже молодые сильные воины, не говоря уже о пожилом человеке, давно утратившем былую форму.

«Шансов нет, но попытаться все равно стоит, – затравленно подумал король. – Если ничего не предпринимать, то после того, как дойду до конца комнаты и упрусь в стену, эта мерзкая тварь зарежет меня, словно свинью...»

Где-то невдалеке раздалась нежная трель хрустального

колокольчика...

«Вспорет живот, выпустив наружу кишки. А затем уйдет так же спокойно, как и пришла...»

Король сделал еще один шаг назад и только после этого заметил, что убийца резко остановилась, а ее ужасные глаза остекленели. Создавалось такое впечатление, как будто лжепринцессу неожиданно околдовали.

Впрочем, что именно произошло с отвратительным созданием, было не так уж важно. Главное, у Фромпа появился шанс, и король не собирался его упускать.

Отбросив ненужные сомнения, он стремительно развернулся на сто восемьдесят градусов, намереваясь рвануться к спасительной двери... Но увидел входящего Деста – нового главу придворных магов.

Сзади находилась парализованная убийца, а впереди – тот, кто послал ее.

«Пришел лично убедиться, что все прошло гладко», – с ужасом подумал король.

Ему даже показалось, что маг криво усмехнулся, перед тем как вскинуть руку и произнести отрывистое заклинание, пославшее в лицо Фромпу целый рой игл.

«Проклятый предатель!» – хотел закричать обреченный монарх, но не смог этого сделать.

Все произошло слишком быстро. Зловещий рой за доли секунды достиг лица жертвы, не оставив на нем живого места, – и смерть наступила мгновенно.

Иголок было настолько много, что голова распростертого на полу тела напоминала дикобраза или швейную подушечку, в которую легкомысленная рукодельница воткнула чересчур много игл...

* * *

Какое-то время я пребывал в прострации, не до конца отдавая себе отчет, где нахожусь и что со мной происходит. И только неожиданный визит незнакомца с собачкой привел меня в чувство.

Сначала я не понимал, что он вообще говорит. Видел, как открывается рот, и слышал какие-то звуки, но не мог связать их в единое целое.

Моя голова напоминала огромный улей, в который набилось слишком много жужжащих пчел. Странный непрекращающийся гул мешал сконцентрироваться. Я уже совсем было отчаялся понять, что хочет сообщить гость, но тут гул неожиданно прекратился – и я разобрал окончание фразы...

– Все было здорово... и мне очень понравилось...

Он еще немного постоял, переминаясь с ноги на ногу, а затем начал медленно пятиться к двери, явно намереваясь покинуть комнату.

– СТОЙ! – Это был не совсем приказ, но и не просьба.

Так, нечто среднее.

Может быть, я слишком резко произнес фразу или выглядел не очень приветливо (сказывался нож, торчащий из головы), но было очевидно, что гость испугался.

– Тебя что, смущает нож? – Вопрос был из разряда «безоговорочный победитель конкурса на самую дурацкую фразу».

Но я еще не настолько пришел в себя, чтобы задавать нормальные вопросы.

– Ну-у, – опасливо протянул гость, – не то чтобы меня так уж сильно тревожил твой нож, а вот...

– Сам я?

– Да! Сам ты пугаешь меня намного больше. – Несмотря на то что Сайко по-прежнему боялся, он все же сумел выдать из себя некое подобие улыбки.

«Хорошо, что он не знает про скорпиона в глазу, – мимоходом подумал я, – иначе парень испугался бы до такой степени, что напрочь лишился бы дара речи».

– Да со мной вообще-то все нормально... – начал я беззаботно.

Этакое по-ковбойски залихватски-веселое: «Взбесившийся бык насквозь пропорол мне обе ляжки, а я, истекая кровью, дополз до салуна, чтобы пропустить пару стаканов, пофлиртовать с красотками из кабаре и перекинуться с парнями в картишки...»

– ...просто один сумасшедший колдун не очень удачно

пошутил.

– Сумасшедший колдун?

– Да.

– Не горбун ли, случаем, с красавицей невест... – Сайко замаялся, вспомнив, что рядом находится Вины, представляющая интересы того самого горбуна, которого он только что обозвал сумасшедшим.

– *Я вообще-то не это имел в виду*, – мысленно обратился он к умной собачке.

– *Я поняла.*

– *Нет, правда! На самом деле я не считаю...*

– *Все понятно. Не мешай мне работать...*

– Нет, мой сумасшедший колдун предпочитал не красивых невест, а некрасивых девственниц.

– Разве такое бывает?

– Нож в голове видишь?

– Да.

– Значит, сам можешь ответить на свой вопрос – бывает такое или нет.

По большому счету Сайко было намного легче представить нож в голове, чем любителя некрасивых девственниц. Но так как речь шла о ненормальных колдунах, то с некоторой натяжкой он все-таки принял данное объяснение.

– А ведь ты Сайко! – Я только сейчас понял, откуда знаю этого парня.

– Да, это я. – Гостю польстило, что его узнали.

– Тогда, может быть, посидим, выпьем?.. – Мне не хотелось оставаться одному (бесчувственный Компот был не в счет), поэтому я искренне обрадовался неожиданному визитеру.

– Почему бы и нет? – От бывшего страха не осталось следа. – Всегда приятно посидеть в хорошей компании. Кстати, а что со стариком? Он спит или...

– Скорее или... чем спит. Его серьезно отделал демон.

– На арене?

– Нет, другой демон. – Я разлил вино по фужерам. – Понимаешь ли, это долгая история, расскажу как-нибудь в другой раз.

– Понимаю, – кивнул Сайко, хотя на самом деле ровным счетом ничего не понимал.

– *Вини, а ты что-нибудь понимаешь?*

– *Не совсем...*

«Ну, если даже такое умное животное ничего не понимает, значит, и понимать особо нечего», – философски решил Сайко, поднимая бокал.

Первый фужер опустел достаточно быстро, за ним последовал второй, третий, а затем...

Мне вдруг стало легко и весело, как будто вокруг не существовало никаких опасностей, сумасшедших колдунов, ненормальных девственниц, злобных королей и прочих неприятных личностей.

Рядом сидел отличный парень, не жалеющий денег ни на

праздники, ни на зоопарки...

– За зоопарк! – провозгласил я очередной тост, восплавав неожиданной любовью ко всем диким животным, вместе взятым. И хотя речь шла об ужасных монстрах, собранных со всех измерений, в моем представлении зоопарк являлся пристанищем грациозных зверей, а не безобразных чудовищ. – За зоопарк и его спонсора! – для пущей убедительности повторил я – и только после этого заметил, что лицо моего гостя стало белым как мел. – Я что-то не так сказал? – Несмотря на то что голова слегка кружилась от выпитого, я понял – тост, мягко говоря, не прошел.

– Тебе что-нибудь нужно? – Вопрос Сайко откровенно застал меня врасплох.

Но еще больше удивила меня его собачка. Создавалось впечатление, что безродная дворняга изучает меня, пытаюсь понять, представляю ли я для нее какой-нибудь интерес.

– Да, в общем-то, мне ничего не нужно. Тем более именно ты пришел ко мне в гости...

– Тогда почему ты вдруг вспомнил о зоопарке?

– Не знаю даже. Просто к слову пришлось. Птицы там всякие... звери... и все такое...

Если сделать скидку на рукоять ножа, застрявшую в голове, и некоторые другие странности принца Рентала, можно было принять данное объяснение. С некоторой натяжкой, но все-таки можно.

– Прости. – Было хорошо видно, что раскаяние Сайко ис-

креннее. – Меня с этим идиотским зоопарком все уже настолько достали, что дальше некуда. Вот посмотри. – Он задрал вверх рубаху, обнажив грудь, так что стал виден отвратительный паук с раздувшимся брюхом.

– Твой друг? – осторожно поинтересовался я.

– Бери выше, – крива усмехнулся Сайко.

– Подруга?

– Не настолько высоко...

– Что-то среднее между другом и подругой?

– В самую точку.

– Оригинально...

– Не то слово...

– За это можно выпить еще. И, кстати, можешь спрятать своего мохнатого полудруга-полуподругу. Не то чтобы он мне не нравился... но, понимаешь... к подобной картине нужно привыкнуть...

– Твой нож в голове тоже не самое приятное зрелище. В том смысле, – быстро поправился Сайко, – что слабонервным на тебя лучше не смотреть.

– Ну, парня с пауком-кровососом на груди слабонервным явно не назовешь, так что я за тебя спокоен.

– Я тоже за себя спокоен, – улыбнулся Сайко, после того как допил вино. – А знаешь, ты оказался вполне нормальным героем. Ну, без всяких там идиотских заморочек и прочей ерунды. Вышел на арену, победил демонов, выиграл полководства – и не зазнался.

– Я вообще-то много еще интересного сделал, но это – тсс! – Я приложил палец к губам, невольно скопировав интонации Мио. – Бо-ольпа-ая та-айна.

– Понимаю, – пьяно кивнул Сайко. – У меня самого тайн за плечами...

– *Не стоит раскрывать наши маленькие секреты, – предупредила Вина. – И пить больше тоже не надо. Если ты вдруг забыл, то напомню. Согласно нашему договору, ты должен заставить спеть Глашатая Ветра.*

– *А если у меня не получится?*

– *Я попрошу паука ненадолго отлучиться.*

– *В каком смысле?*

– *В прямом. Прогуляться и подышать свежим воздухом. Поохотиться на мух, пофлиртовать с бабочками.*

– *Но... Но почему?*

– *Потому что ты проиграл пари. И теперь должен вернуть долг.*

– *А я-то считал тебя другом, – обиженно подумал Сайко.*

– *Друзья никогда не обманывают друг друга. Я уверена, что ты выполнишь свое обещание, а про паука пошутила, чтобы ты не слишком активно налегал на алкоголь.*

– *Просто пошутила?*

– *Да.*

Перед мысленным взором пьяного авантюриста возник образ шутника горбуна и шутницы невесты. Жизнерадостная парочка, залитая кровью с ног до головы, – это были

те еще юмористы. И, судя по всему, их смышленная собачка недалеко ушла от хозяев в этом плане.

– В таком случае ты по-прежнему остаешься моим другом, а проблему Глашатая Ветра мы попытаемся уладить прямо сейчас.

– Попробуй.

Несмотря на предупреждение собачки, Сайко налил себе еще вина и, залпом опустошив фужер, сразу же перешел к делу.

– Ты уже загадал заветное желание? – в лоб спросил он.

– О чем речь? – Я не сразу понял, про какое желание меня спрашивают.

– Ну... Те, кто выйдет живым с арены... Они могут что-то там загадать... И, – Сайко игриво махнул рукой в воздухе, – вуаля, ваше желание исполнено.

– Ах, ты про это. Нет, еще не загадал.

– А вообще-то имеются какие-нибудь планы? Если, конечно, это не секрет.

У меня не было никаких планов относительно загадывания желания, в чем я чистосердечно и признался, опустошая очередной бокал.

Мне казалось, что я уже достаточно пьян, но вино – такая коварная вещь... Его можно пить очень долго, и потом... потом...

– А чего-нибудь тебе хочется? – Настойчивый голос собутыльника вернул меня из заоблачных далей на грешную

землю.

Немного подумав, я пришел к выводу, что самым заветным является желание обезопасить нашу компанию (меня и Компота) от мести злобного короля.

– Контракт с Утешителями... пожизненный... Вот чего бы мне хотелось...

– А вытащить нож из головы, чтобы тебя девушки не пугались?

– Это, конечно, само собой, но, боюсь, с ножом ничего не получится. Один очень грамотный парень утверждает, что нож вытащить не получится.

– Даже магам?

– Вообще никому.

– *Поближе к теме, пожалуйста,* – деликатно напомнила Вини, оставившая бесплодные попытки связаться с Кларой и переключившаяся на проблему Глашатая Ветра.

– Значит, ты бы обрадовался контракту с Утешителями? – Сайко чувствовал, что основательно перебрал, но, может быть, это было и к лучшему.

В таком состоянии было проще вести дела. А сделки заключались намного легче и быстрее, чем на трезвую голову.

– «Обрадовался» – не то слово. Я был бы просто счастлив.

– Так у тебя же есть половина королевства!

– Утешителям нужны только наличные, а денег у меня нет.

– Можно продать земли.

– Бесплодную пустыню и голые степи?

– Н-да, за них много не дадут. Ну а желание?

– По дороге во дворец какой-то маг предложил нам подумать о желании, но сообщил об ограничениях, связанных с королевской семьей, с деньгами и еще с чем-то. Не помню уже сейчас с чем.

– Получается, что, с одной стороны, ты жутко богат, а с другой – ничего не имеешь?

– Что-то типа того.

– И если бы желание не было связано с деньгами, ты наверняка подписал бы контракт с Утешителями?

– Скорее всего – да.

– В таком случае наши интересы полностью совпадают!

– В каком смысле? – Я не совсем улавливал, куда клонит собеседник.

Или он слишком туманно изъяснялся, или же я выпил чересчур много. А может быть, на мое восприятие влияло и то та другое.

– Оружие, которым ты дрался на арене, еще здесь?

– Да, валяется где-то в соседней комнате.

– Тогда мы можем поменяться.

– На что?

– Я воспользуюсь твоим правом загадать желание и забираю оружие, а взамен предлагаю пожизненный контракт с Утешителями.

– Тот самый, который стоит миллион золотом? – тупо пе-

респросил я, совершенно ничего не понимая.

– Он самый.

– А какая тебе с этого выгода?

– Ну, видишь ли... – Сайко на мгновение замялся, а потом с пьяной решимостью мотнул головой и, отбросив в сторону все сомнения, произнес: – На королевском пиру будет один старец, которого все знают под именем Глашатай Ветра. Я, правда, ни разу не слышал, но знающие люди говорят, что, когда он начинает играть на своей дудке, у всех сердце от восторга останавливается...

– Этот старик – наемный убийца? – предположил я.

– Нет, н-никакой он не убийца, – слегка заплетающимся (от волнения) языком опроверг мои домыслы Сайко. – Т-та-лантливый самородок. Ж-жемчужина...

– Про ж-жемчужин, пожалуйста, не надо, – настойчиво попросил я, совершенно не к месту вспомнив Ранвельтильскую девственницу. – У меня на ж-жемчуг аллергия в последнее время...

– Х-хорошо, – легко согласился мой новый приятель.

– Ещ-ще вина?

– С-соглас-сен.

Как ни странно, но после очередного фужера мой слегка заплетающийся язык пришел в норму.

– Так что ты говорил про жемчужину? – Я попытался вернуться к начатому разговору.

– Хочу его услышать.

– Кого?

– Старика... Который жемчужина...

– И что тебе мешает?

– Ничего. Но он, подлец этакий, играет, только когда сам захочет.

– А если его как следует попросить?

Сайко отрицательно закачал головой.

– Не-ет. Ни в какую.

– А если загадать желание... – Мои глаза загорелись огнем понимания. – Маги поколдуют чего-нибудь или надавят на него как следует, и старичок сыграет как миленький!

– В... великолепно! – Сайко икнул от наплыва эмоций.

– *Тебе больше пить нельзя.* – Вини, внимательно следившая за хаотично пьяными бреднями, наконец решила вмешаться.

– *А как ты мне сможешь запретить?*

– *По-разному. Могу сделать очень больно или наука убе-
ру. Вариантов в принципе масса, но так как мы по-прежнему
остаемся друзьями, я тебя по-хорошему прошу – больше
не пей.*

– Решено! – Во мне все бурлило и клокотало от счастья (или от чересчур большого количества выпитого). – Я отдаю тебе право желания и наше оружие, а ты подговариваешь... Нет, приглашаешь... Опять нет... Подписываешь – вот, точно!.. Подписываешь Утешителей на нашу пожизненную охрану. По рукам?

– Возьмите в свидетели Зету, – приказала Вини.

– Кого?

– Зету. Просто скажи: «Беру в свидетели Зету, что выполняю свою часть договора».

– А почему ты не взяла эту Щету...

– Зету.

– Т-точно, Зету в свидетели, когда заключала сделку со мной?

– На тебя у меня есть рычаги воздействия, и Зета в нашем случае была не нужна. Ее имя упоминают только тогда, когда речь идет о действительно крупных сделках.

– Ни р-разу не слышал.

– Твои мелкие аферы ее не касались.

– Тогда почему-му король не взял в свидетели эту...

– Зету.

– Да, Зету.

– Король, давший слово при ста тысячах подданных, не может нарушить его, потому что это грозит ему потерей престижа и короны.

– П-понял.

– П-предлагаю взять в свидетели нашего договора Ще... Зету, – нетвердым голосом произнес Сайко.

Я находился в таком состоянии, что понимал собеседника с полуслова. Образно выражаясь, наши сознания плыли на одной пьяной волне, и я сразу же сориентировался в ситуации.

– Беру в свидетели Щ... Зету, – торжественно начал я, – что не нарушу свою часть договора. А... – Я чуть было не забыл, о чем мы вообще договаривались, но вовремя вспомнил. – А я... отдам наше оружие и право загадать желание в обмен на контракт с Утешителями.

– П-пожизненный, – уточнил Сайко, подняв вверх указательный палец.

– П-пожизненный, – легко согласился я.

– С-со своей стороны, обещаю выполнить...

– *Обязательства по поводу Утешителей. Беру в свидетели Зету.*

– Обязательства по поводу Утешителей. – Сайко собрал волю в кулак и произнес клятву практически без запинки. – Беру в свидетели Зету.

– Тоже беру в свидетели Зету. – Я поставил финальную точку в договоре, после чего предложил: – Обмоем сделку века?

Сайко подозрительно покосился на сидящую неподалеку собачку, но, так как с ее стороны никаких возражений не последовало (сделка была совершена), утвердительно кивнул.

– А... з-зачем теб-бе о-оружие? – Моя голова стала какой-то уж слишком тяжелой, а язык начал заплетаться.

– П-продам... – искренне ответил Сайко.

– Д-дорого?

– О-о-о...чень...

– А-а-а... К-кто... Ку-у...пт?

– Б-бз п-пнятия... Но!.. К-колццнеры вы...ывалят днег ку...учу.

– Н-н...ормально.

С каждым новым предложением слова давались все труднее и труднее, а глаза наливались свинцовой тяжестью, становясь все тяжелее и тяжелее. Королевское вино оказалось или слишком крепким, или отравленным, а может быть, я просто ослаб.

Сайко еще что-то бормотал, но я уже не слушал его, откинувшись на спинку кресла и устало смежив глаза.

«Кого может заинтересовать какая-то глупая железка?» – напоследок подумал я, но, так и не найдя ответа на этот вопрос, провалился в глубокую душную яму пьяного забытья.

Где спокойно провалялся не больше четверти часа. А затем пришел следующий гость, который действовал не столь робко, как Сайко, а с ходу, что называется, взял быка за рога.

(Так как рогов у меня не было, посетитель взялся за нож, торчащий из головы.)

И...

Вечеринка продолжилась.

Глава 3

Несколько секунд Фромп не мог сдвинуться с места. Он был настолько уверен в том, что рой игл, выпущенных магом, предназначался ему, а не хамелеону, что даже не сразу понял – жив ли он вообще или уже нет.

– Ваше величество, с вами все в порядке? – Вопрос Деста привел короля в чувство.

– Думаю... Да... Теперь уже все в порядке... А как ты узнал, что мне угрожает опасность?

– Я не знал. – Не отводя взгляда, маг честно смотрел в глаза своего повелителя. – Слуга сообщил, что вы ожидаете меня.

– В спальне? – Фромп уже взял себя в руки, поэтому задал вопрос как бы между прочим.

– Да.

«Врет настолько убедительно и спокойно, что даже сам верит собственной лжи», – мимоходом отметил король.

– Ну что ж, может быть, все так и было. – Фромп задумчиво потер лоб, как будто пытаясь вспомнить о чем-то чрезвычайно важном. – В любом случае, я рад, что ты появился вовремя. Это избавило меня от массы неприятностей.

– Ваше величество слишком высоко оценили мой скромный поступок, я всего лишь расправился с безмозгой тварью.

«Пока ты не околдовал ее звоном хрустального колокольчика или чем-то другим, эта безмозглая тварь выглядела достаточно умной, чтобы вспороть мне живот», – с ненавистью подумал король, никак внешне не проявляя своего гнева.

За долгие годы правления он в совершенстве освоил науку притворства, и сейчас вряд ли кто-нибудь смог бы догадаться, что в душе Фромпа зреют черные замыслы мести...

Два сильных человека стояли на расстоянии вытянутой руки, глядя в глаза друг другу. Маг ни на секунду не сомневался, что король инсценировал покушение с какой-то одному ему ведомой целью. Слишком уж все было натянуто и шито белыми нитками. Сначала вызов в спальню, затем парализованная убийца, выглядящая как принцесса, хотя одного внимательного взгляда было достаточно, чтобы понять – это вообще не человек. И под конец – спокойный разговор, как будто речь шла не о покушении на жизнь сиятельной особы, а о глупой мелочи, не стоящей особого внимания.

Король тоже был уверен, что Дест лжет. Слуга, который якобы вызвал мага, уже мертв, чудесное появление в самый последний момент выглядело просто смешно, и вообще вся эта затея с покушением – не более чем плохо разыгранный фарс, призванный убедить Фромпа в лояльности магов...

– Да, но расправился с безмозглой тварью ты достаточно ловко! – Владыка позволил себе широкую беззаботную мальчишескую улыбку. – Вж-жик, – рука прочертила в воздухе линию, повторяющую полет иголок, – и убийца повер-

жена! Очень впечатляет! Нужно будет обязательно ввести новый орден – «За спасение члена королевской фамилии».

«Явно переигрывает», – подумал Дест, не понимая, с какой целью собеседник затеял весь этот глупый спектакль.

Фромп был известен как расчетливый и жестокий правитель. Убийство Сервела окутала пелена тайны, однако ни у Деста, ни у других магов не возникло даже тени сомнения, что эта смерть каким-то образом связана с королем. В столь трудном положении, когда судьба государства висела на волоске, начинать уничтожение магов – своей главной опоры... Это было не только глупо, но и бессмысленно. Раньше Фромп никогда бы не пошел на столь опрометчивый шаг.

«У старика начали сдавать нервы, – подумал Дест. – Слишком большая нагрузка. Хотя не исключено, что покушение всего лишь часть какой-то многоходовой комбинации. В принципе все может быть...»

– Почту за честь получить награду из рук короля.

– Вот и молодец! – Казалось, радости Фромпа не будет конца. – А сейчас ступай на площадь Звезд и подготовь все необходимое к праздничному пиру.

– Что-нибудь еще?

– Нет, ничего больше. Именно для этого я и пригласил тебя.

«Наверное, все-таки это нервы, – подумал Дест, покидая спальню короля. – Никакого другого объяснения подобной глупости у меня нет...»

«Ну что ж... – Фромпа в буквальном смысле слова душила бессильная ярость. – Враги настолько уверены в своих силах, что не боятся в открытую насмеяться над могущественным владыкой... Подождите. – Не обращая внимания на труп, король направился в спальню. – Дайте мне только вернуть себе утраченные земли – и я разберусь со всеми. У Ласкового Жу будет очень много работы. А те, кто бросил мне вызов, тысячу раз пожалеют об этом».

Потайная дверь пропустила Фромпа в святая святых – кабинет, где среди многочисленных документов, книг и вещей хранился чрезвычайно древний пергамент. Осколок давно забытой эпохи, не рассыпавшийся в прах лишь потому, что был пронизан неведомой магией. Этот пергамент достался королю в наследство от отца. А тот получил его от своего. Не было доподлинно известно, как долго передавалась эта магическая вещь из поколения в поколение, но Фромпа сейчас не интересовали подобные мелочи. Главным было получить ответ на один-единственный вопрос.

Рука короля поднесла свернутый в трубку свиток к свече, и пламя сначала робко лизнуло край, а затем, почувствовав свою силу, начало разгораться сильнее.

«Если этот пергамент поджечь в темной комнате, – объяснял Фромп Первый своему сыну, – на стене появится Тень Прошлого. Я не знаю, что это такое. Твой дед, передавая мне свиток, так же не сказал ничего определенного. Но самое главное то, что, пока горит волшебный пергамент, колеблю-

щаяся на стене Тень Прошлого сможет ответить на один твой вопрос. Не важно, кого и чего он будет касаться – успеха ли в военной кампании или точной даты твоей смерти. Главное помнить – один правильно сформулированный вопрос, пока не погасло пламя и на стене колеблются тени...»

С того памятного разговора прошло сорок с лишним лет, но король до сих пор помнил слова отца.

Откровенно говоря, он не предполагал, что когда-нибудь придется воспользоваться древней магией, но обстоятельства оказались сильнее его. И поэтому Фромп решился на этот отчаянный шаг.

Пламя разгоралось все сильнее, дойдя уже чуть ли не до середины свитка, а король медлил. «Тень прошлого» могла не прийти или оказаться не более чем глупой выдумкой. А вопрос, казавшийся простым и понятным, может быть неверно истолкован или...

– Как мне вернуть потерянную часть королевства? – Создавалось впечатление, что охрипший от волнения голос принадлежал какому-то другому человеку.

– *Сыграй в карты.*

Фромпу показалось, что он ослышался.

– Что сделать? – удивленно переспросил он.

Но, как и следовало ожидать, ничего не услышал. Тень Прошлого могла ответить только на один конкретно поставленный вопрос.

Если бы король поинтересовался, кто стоит за покушени-

ем на его жизнь, убийством Сервела или беспорядками во дворце, то мог бы узнать много интересных вещей.

Например, то, что королева Семи Палачей, воспользовавшись телом принцессы Вей, намеревается рассорить своего будущего супруга с магами, чтобы убрать с игрового поля самые сильные фигуры короля, а затем сделать из Фромпа послушную марионетку и захватить власть в столице объединившихся измерений.

Тень могла бы объяснить и смысл древнего пророчества о том, что однажды наступит момент, когда «звезды закружатся в безумном хороводе, сети Дауры наполнятся уловом, короли падут ниц, а звери и птицы потеряют свободу, оказавшись в плену многоликого Виру. И тот, кто отыщет ключ к несуществующему замку, станет великим наследником Трона».

Тень знала ответ и на вопрос о том, почему было необходимо письменное подтверждение Сайко о передаче прав на строительство зоопарка. И о том, с какой стати трое могущественных колдунов (Аспирин, Зоул и королева Семи Палачей), словно клубок разъяренных змей, дерутся из-за каких-то «загонов для животных». А еще Тень могла рассказать о Мио Четвертом, слившемся в загадочном темпансесе с Ранвельтильской девственницей ради поисков таинственного ключа и...

Много чего могла бы поведать Тень Прошлого, если бы ее об этом спросили. Но по условию договора можно было

задать только один вопрос. А так как Фромп даже не догадывался о существовании названных лиц и его интересовало только собственное королевство, то он спросил именно об этом. И получил короткий, но исчерпывающий ответ.

– Выиграть в карты, – задумчиво пробормотал монарх, глядя на догорающий свиток. – Что ж. Неплохое предложение. Значит, так и поступим – сыграем по максимальным ставкам. И если Тень Прошлого уверена в том, что я выиграю, значит, победа заранее предрешена. Осталось только убедить мерзких героев в том, что в их же собственных интересах согласиться на игру. Впрочем, за этим дело не станет. У меня всегда найдутся прекрасные доводы, чтобы убедить кого угодно и в чем угодно. А после того, как я выиграю...

Зловещая усмешка исказила лицо Фромпа. «После этого будет совсем не трудно расправиться с негодяями, бросившими вызов существующей власти. Вернем утраченную половину королевства, повесим героев, разберемся с магами, устроим пышную свадьбу – и заживем лучше прежнего», – весело подумал король, к которому окончательно вернулось хорошее настроение.

Капитан снова взял штурвал в свои руки, вернув контроль над потерявшим было управление судном. А все негодяи оказались за бортом, среди скопища голодных акул. И пускай враги еще не подозревают о своей страшной участи, а острые зубы безжалостных хищников не рвут на части их агонизирующую плоть. Это ровным счетом ничего не меняет. Тень

Прошлого убедила капитана в том, что его победа неизбежна, и, значит...

Все это скопище хитрых ублюдков, считающих себя самыми умными и ловкими, в конечном итоге окажется в чреве ненасытных акул...

* * *

Задача, поставленная королем перед Лаонтисом, звучала предельно кратко. Заручиться согласием героев на большую игру, ставкой в которой будет целое королевство.

– Если не справишься с ответственным поручением, – пообещал Фромп, отрублю тебе голову. А сделаешь все правильно – будешь осыпан дарами.

И если расплывчатое «осыпать дарами» можно было интерпретировать как угодно (один из вариантов – «подарю тебе жизнь»), то «отрублю голову» говорило однозначно: голова будет непременно отрублена.

Лаонтис сегодня уже встречался с героями. Причем знакомство произошло настолько неудачно, что он чуть было не погиб. А теперь ему предстояло повторно испытать судьбу, попытавшись убедить Рентала и компанию (его странные слуги не очень-то походили на верных подданных) в необходимости игры.

«Интересно, как Фромп вообще представляет себе этот разговор?» – подавленно размышлял Лаонтис, направляясь к Розовым покоем – месту отдыха славных героев. – Здравствуйте, я Лаонтис, зашел предложить вам перекинуться в картишки... На что будем играть? О, сущие пустяки – поставим на кон половину королевства... Согласны? Так я и думал... Прекрасно – встретимся позже»...

А если невинное предложение «перекинуться в картишки» будет с ходу отмечено?

«Некогда нам, героям, такой ерундой заниматься! У нас дела и поважнее имеются. Например, как наладить управление новыми землями. Предлагаешь сыграть в карты на наши земли? Чтоб никаких проблем не осталось? Ха-ха-ха! Ишь чего захотел, мерзкий проходимец! Убирайся, пока мы не разозлились по-настоящему! Ах, ты не можешь – король пообещал отрубить тебе голову?! ХА! Подожди, не уходи. Мы вместе с тобой пройдемся. Интересно посмотреть, как тебя слегка укоротят! ХА-ХА-ХА!...»

С какой стороны ни посмотри, ситуация вырисовывалась, мягко говоря, скверная.

Лаонтис даже начал размышлять о возможных путях отхода (панического бегства), но, чтобы еще больше не расстроиться, отбросил эти несбыточные фантазии.

Под началом Ласкового Жу состояло достаточно шпионов и тайных агентов, чтобы в самые кратчайшие сроки обнаружить беглеца. И вот тогда-то просто отрубленной головой

уже не отделаешься: так легко и так быстро Лаонтису никто не позволить умереть. Для начала его основательно помучают (неделю-другую), а только потом придумают какую-нибудь изощренную казнь.

Нет-нет. Ни о каком побеге не может быть и речи! Нужно во что бы то ни стало убедить принца согласиться на игру.

Терзаемый подобными мрачными мыслями королевский посланник достиг Розовых покоев – и обнаружил у дверей четырех стражников вместо положенных по уставу двух.

– Усилили охрану? – спросил Лаонтис, не для того чтобы услышать ответ, а чтобы хотя бы ненадолго оттянуть решающий момент.

– Никак нет, – четко, по-военному ответил часовой. – В покои сиятельных особ пожаловал королевский гость.

– Какой еще гость? Никаких гостей во дворце нет, потому что пир перенесен на площадь Звезд.

– Владелец десятиmillionного состояния.

Часовой мог бы сказать – тот самый парень, который ловко «обул» короля на круглую сумму, но предпочел выражаться строго официально.

– Сайко?

– Именно он.

Можно было выместить свой гнев на часовых, но это все равно ни к чему бы не привело. Задача, стоящая перед королевским посланником, и без того казалась практически невыполнимой, а после того, как он узнал, что в гостях у ге-

роев находится этот прожженный плут...

– Проклятье! – в сердцах выругался Лаонтис. – Что они делают и о чем говорят, вы, конечно, не знаете?

Стражник отрицательно покачал головой.

– Ладно, разберемся без вашей помощи, – процедил на ходу удрученный посланник и, сделав глубокий вздох, как будто собирался броситься в глубокий омут, рывком открыл дверь.

Оказавшись внутри, Лаонтис за пару секунд оценил ситуацию. Она складывалась более чем удачно. Все присутствующие в комнате находились в бессознательном состоянии, что было весьма и весьма кстати.

Старик так и не очнулся, несмотря на вмешательство врача, пытавшегося привести его в чувство за полчаса до прихода парламентаря. Но так как он был всего лишь слугой, разменной пешкой в большой игре, то не представлял особого интереса.

Ключевой фигурой предстоящей партии, как ни посмотри, должен был стать принц. И то, что Рентал на пару с Сайко оказались мертвецки пьяными...

Иначе как подарком судьбы это было и не назвать.

– Подарок судьбы! – почти ласково прошептал Лаонтис, склонившись над спящим принцем. – Я спасен!

И если бы этот человек не был настолько воодушевлен неожиданно свалившимся в руки подарком судьбы (парой бесчувственных пьяниц), то наверняка бы заметил собачку,

внимательно наблюдавшую за его манипуляциями.

В данном случае у Вины имелся свой, сугубо личный интерес. И если каким-то образом сфера ее интересов пересечется с намерениями этого господина, она найдет достаточно убедительные доводы, чтобы несчастный горько пожалел о своем визите.

Но пока все оставалось в рамках приличий, и поэтому Лаонтис продолжал тормозить спящего принца.

– Проснитесь, уважаемый. Просыпайтесь, пора вставать... Его величество Фромп Второй хочет сделать вам заманчивое предложение... Уважаемый... Это всего лишь я – Лаонтис... ваш добрый друг, посланец короля... Мы уже сегодня встречались... помните?

В мутных глазах с трудом разлепившего веки принца не читалось даже слабого намека на воспоминание. Но то, что Рентал очнулся, уже само по себе являлось несомненным прогрессом.

«Еще немного усилий, – подумал Лаонтис. – Последний решительный рывок – и стороны, наладив контакт, вплотную приблизятся к заключению обоюдовыгодного договора...»

* * *

Я не сразу понял, кто трясет меня за плечо и зачем пона-

добилось будить человека, собиравшегося немного поспать перед ответственным мероприятием, проводимым в его собственную честь.

– Меня зовут Лаонтис. Мы уже встречались сегодня. Нападение прелтов. Жуткая резня. Вы еще мне жизнь спасли. Помните?

За последнее время мое несчастное тело участвовало во всех мало-мальски приличных битвах. Резней можно было назвать любое сражение, и поэтому...

– Прелты! – наконец вспомнил я. – Это... такие много-рукие... типа обезьян... И еще отрубленная нога... мерзкой твари торчала у тебя изо рта...

– Вы что-то спутали, принц, – как можно деликатнее ответил королевский посланник. – Никакие ноги у меня изо рта не торчали.

После этого наивного заявления мне стало настолько смешно, что я хрипло рассмеялся:

– Еще как торчала. Я собственными глазами видел!

Совершенно некстати Лаонтис вспомнил свои недавние страхи: «Ах, не можешь, потому что король пообещал отрубить тебе голову?! ХА! Подожди, не уходи. Вместе пройдемся. Интересно посмотреть, как тебя слегка укоротят!»

Совершенно произвольно его лицо исказила то ли гримаса, то ли судорога, но представитель Фромпа быстро взял себя в руки.

«Идея насчет того, что пьяного принца будет намного лег-

че уговорить поставить на кон половину королевства, была не такой уж блестящей», – удрученно подумал он.

– Значит, вы меня вспомнили, принц.

– О да! Такие встречи не забываются. Поверь мне на слово, эта нога...

Лаонтис почувствовал, что, если прямо сейчас не выпьет, его просто-напросто стошнит. Все эти подробности об оторванных конечностях и прочих гадостях были невыносимы.

– Вам налить? – с трудом сдерживая рвотные позывы, спросил «пожиратель ног».

– Благодарю, не стоит. Мне еще нужно прийти в себя после встречи с этим замечательным Сайко. Вообще-то можно разбудить и его. Он мировой парень. Нет, правда. Второго такого еще поискать нужно...

В планы моего собеседника, видимо, не входило искать такого же второго или будить «мирового парня», поэтому он отрицательно покачал головой и, налив себе полный фужер, в несколько жадных глотков осушил его.

– Полегчало? – участливо спросил я.

– Да.

– Ну и правильно. Оторванная нога во рту – это еще что. Так, мелочи, о которых и вспоминать не стоит в приличном обществе. Вот у Сайко есть кое-что действительно интересное...

Вини не успела предпринять что-либо, так как последующие события произошли очень быстро. С неожиданной для

пьяного человека скоростью принц вскочил с кресла, сделал два быстрых шага и, оказавшись рядом со спящим Сайко, задрал вверх его одежду.

Сумбурная выходка могла бы показаться странной, если бы не один немаловажный факт. После того как Рентал обнажил торс Сайко, взору изумленного Лаонтиса предстал отвратительного вида паук, присосавшийся к груди спящего.

– Ну как? Впечатляет? – Я был доволен произведенным эффектом и не скрывал этого.

Глаза стоящего напротив меня человека округлились от удивления, а щеки раздулись, словно у хомяка, набившего их пшеном.

– Это вам не ноги оторванные жрать. Прошу прощения, кушать. Здесь все намного серьезней и грамотней!

Сдерживаться далее было просто выше человеческих сил. Лаонтис и так крепился очень долго, но этот ужасный паук добил его окончательно. Королевский посланник согнулся и...

И выблевал все, что только было возможно. А затем еще немного подумал – и «стравил» остатки желудочного сока.

– Эк нехорошо получилось, – укоризненно протянул я, после того как прекратились рвотные спазмы стоящего рядом человека. – Запачкали, понимаете ли, вполне добротный ковер. И что теперь подумают слуги и часовые? Напились двое безответственных молодых людей и, словно свиньи какие-нибудь непорядочные, нагадили там, где поели.

«Это конец, – отрешенно подумал несчастный Лаонтис. Ему было очень худо. – После такого позора заводить разговор о разделе королевства просто невыносимо. Надо идти к королю и без каких бы то ни было разговоров класть голову на плаху. К чему ненужные объяснения, если и так все яснее ясного».

– Неплохо было бы сообщить часовым, кто устроил это... – мне не сразу удалось подобрать нужное слово, – недоразумение.

– Не беспокойтесь, ответственность за недоразумение я возьму на себя.

– Благородный поступок! – с искренним восхищением воскликнул я.

Может быть, в глазах собеседника проскользнула какая-то человеческая искра, но именно после его слов «возьму на себя» я вдруг подумал, что не такой уж и плохой этот парень.

Да, служит гадкому королю, и на лице у него написано, что он жулик и вор. Но если человек способен честно ответить за свои слова и поступки, значит, он не законченный негодяй.

Лаонтис развернулся и, понуро опустив плечи, медленно побрел к двери.

– Эй, а зачем ты вообще приходил? – Я все еще оставался слишком пьяным, чтобы стесняться глупых вопросов. – Никто не спорит, съеденные ноги, мерзкие пауки и заблеваный ковер – достаточно веские причины, чтобы навестить старых друзей, но, может быть, есть что-то еще? То, что осталось

за кадром? Впрочем, что такое «кадры», ты, наверное, не в курсе...

– Король предложил тебе сыграть в карты, – не останавливаясь, бросил через плечо несчастный Лаонтис. – Тот, кто выиграет, станет полноправным владельцем всего королевства.

Он открыл дверь и остановился на пороге.

– Попрошу минуту внимания, – проговорил он, обращаясь явно к часовым, а не ко мне. – В комнате произошло небольшое недоразумение и... В общем, меня стошнило. По просьбе принца Рентала довожу это до вашего сведения. И во избежание каких-либо недоразумений или кривотолков прошу всю ответственность за происшествие списать на мой счет.

Четверо стражников посмотрели на Лаонтиса, как на душевнобольного. В том, что одному из доверенных лиц короля неожиданно стало плохо, не было ничего из ряда вон выходящего. Как говорится, все мы люди – с кем не бывает. Но подобное заявление... Оно, мягко говоря, настораживало.

Впрочем, человеку, который практически распрощался с жизнью, было уже все равно, кто и что о нем подумает. Фромп никогда не бросался пустыми обещаниями: раз он сказал, что в случае провала переговоров отрубит голову, значит, все так и будет.

«Странный он какой-то, – подумал я. – Пришел для того, чтобы предложить сыграть в карты на королевство, а вместо

этого запачкал ковер и ушел. Если бы я его не спросил, он, наверное, вообще ничего бы не сказал».

Я был достаточно пьян, чтобы подписаться на любую авантюру, но при этом отдавал себе отчет в том, что:

А) Половина королевства мне не нужна.

Б) Фромп наверняка будет играть краплеными картами и заранее уверен в победе.

В) Не согласись я на игру, нас с Компотом все равно обманут и в конечном итоге прикончат.

Г) В случае проигрыша нас тоже могут убить, но могут и не тронуть. Личных претензий к героям не будет, а значит, их можно оставить в покое.

Д) Проиграв свою половину королевства, мы разом избавимся от массы проблем, станем свободными, как ветер, и сможем попытаться найти Билли.

Если подумать, можно было найти еще массу причин, но мне хватило и этих.

– Постой! – Нетвердой походкой я преодолел расстояние до двери, но, увидев, что Лаонтис скрылся за углом, обратился к часовым: – Догоните его, пожалуйста, и сообщите, что я согласен сыграть в карты на королевство.

За неполный час стражники насмотрелись и наслушались разных странных вещей, но последнее заявление и вовсе ни в какие ворота не лезло.

– На что сыграть?!

– Верните его, мне нужно поговорить с королевским по-

сланником. Если не захочет возвращаться, просто скажите, что я на все согласен! – Мне стало предельно ясно – никакие объяснения в данном случае не помогут.

Судя по лицам стражников, они не горели желанием исполнить мою просьбу.

– Король будет очень недоволен, если узнает, что вы неуважительно отнеслись к его гостю! – добавил я.

«Сегодня все вокруг с ума посходили», – недовольно думал стражник, побежавший догонять Лаонтиса. Королевский посланник шел медленно, поэтому настигнуть его не составило большого труда.

– Принц просил передать, что он согласен на все...

– Прекрасно, – автоматически ответил приготовившийся к смерти человек.

Часовой повернулся и отошел на несколько шагов, и только после этого до Лаонтиса наконец дошел смысл сказанного.

– На что согласен Рентал?

– Он нес какую-то чушь насчет игры, королевства и карт, но, судя по тому, насколько принц пьян, думаю...

Не дослушав окончание предложения, Лаонтис развернулся и побежал в сторону Розовых покоев.

Трое охранников и принц все еще стояли у дверей.

– Это... это... – Запыхавшийся от бега человек настолько разволновался, что не мог говорить. – Это правда? – наконец выдавил он.

Откровенно говоря, я не понимал, отчего слуга короля так распереживался. Впрочем, его проблемы меня не касались, поэтому я предпочел не отвлекаться на мелочи и расставить все точки над «і».

– Да, я хочу сыграть в карты, поставив на кон принадлежащую мне половину королевства.

Видя ошеломленные, недоверчивые лица столпившихся вокруг людей, для большей убедительности я добавил:

– Беру в свидетели Щ... Зету. Теперь все? Или надо чем-нибудь еще подтвердить свое горячее желание?

– Все... – потрясенно пробормотал Лаонтис, которому только что подарили жизнь. – Теперь уже точно все.

Решив, что разговор окончен, я закрыл дверь и направился в соседнюю комнату, где лежали небрежно сваленные в кучу доспехи и мечи.

«Перекинемся в картишки, загадаем желание, послушаем веселую песенку упрямого Глашатая Ветра, а затем посмотрим, как дорого Сайко сможет продать наше оружие. Напоследок подпишем контракт с Утешителями, – неторопливо размышлял я, вытаскивая из груды амуниции наши легендарные мечи, – и повеселимся на королевском банкете. Чувствую, предстоящая ночь будет на редкость удачной...»

Если бы я только мог знать, что, согласившись на игру, подписал себе и Компоту смертный приговор, а остаток ночи проведу в камере смертников, то, наверное, не был бы так спокоен.

Но ничего этого я не знал. И поэтому оказался совершенно неподготовленным к обрушившемуся на меня несчастью.

Глава 4

Лаонтис принес Фромпу то, чего монарх так страстно желал, – согласие принца. Но, как оказалось, это было еще далеко не все. Хитрец все устроил таким образом, что инициатива игры исходила лично от Рентала.

В присутствии пятерых свидетелей принц громогласно заявил о намерении «сыграть в карты, поставив на кон принадлежащую ему половину королевства».

Получалось – не король предлагал игру, а *ему* предлагали игру. А с точки зрения простого обывателя, это были две совершенно разные вещи.

Разумеется, стражников практически сразу сняли с поста и, выдав на руки каждому по пять золотых (якобы за успешную службу), отправили в город выпить и повеселиться (а на самом деле рассказать «по секрету» всем и каждому о намеряющейся игре).

«Не перевелись еще светлые головы в моем королевстве! – удовлетворенно подумал Фромп, дописывая короткое послание главе магов. – Так ловко провернуть практически безнадежное дело! Надо будет как-нибудь отблагодарить Лаонтиса. Но сейчас есть дела поважнее. Нужно успеть подготовить большую игру».

Поставив под документом свою подпись, Фромп вызвал курьера. Надежный слуга доставит приказ короля лично в

руки Десту, а тот должен будет немедленно связаться с Бесстрастными Близнецами, чтобы они прибыли на праздничный банкет и провели самую большую игру в истории всех измерений.

Бесстрастными Близнецами называли пятерых вилмов – странных карликов из небольшого горного племени, расположенного на задворках захудалого измерения Суен. Эти карлики с непропорционально длинными руками и маленькими головами так бы и остались никому не известными, если бы не владели «Черной Улыбкой Фортуны» – магическим артефактом, бережно передаваемым из поколения в поколение.

Вообще-то эта небольшая коробочка, по форме напоминающая губы, была никакой не черной, а серой. Да и упоминание Фортуны было скорее поэтическим символом. Но так как подобные мелочи никого не интересовали, а вилмы владели магическим предметом, то этого было вполне достаточно, чтобы Фромп пригласил их на большую игру.

Уникальность «Улыбки» заключалась в том, что в ней находилась нескончаемая колода карт. Почему колода никогда не кончалась, никто не знал. Если хотите, это одна из тайн мироздания, которую невозможно разгадать. Зато всем было доподлинно известно, что если пригласить на игру Бесстрастных Близнецов, то ни о каком обмане или шулерстве не может быть и речи. Вилмы брали один процент от выигранной суммы, но гарантировали стопроцентно честную иг-

ру. Карты, брошенные в отбой, рассыпались в прах, поэтому ни о какой подмене речи быть не могло.

Около пятисот лет назад один ловкий колдун попытался совершить подлог. Он спрятал две карты из магической коробки в рукаве, а на две фальшивые наложил заклинание...

Фальшивки рассыпались в прах, как и положено, но истинные карты Фортуны, оставшиеся в рукаве, не обратились в пыль. Вместо этого они превратились в бритвы, которые безжалостно искромсали неудавшегося шулера.

Колдун скончался от потери крови – и с тех пор никто не пытался шутить с этими странными картами. Все предпочитали играть честно. А пятеро близнецов (все карлики были на одно лицо) продолжали бесстрастно взирать на драматические поединки, заканчивающиеся обогащением одних и низвержением других в пропасть отчаяния. Их не интересовало ничего, кроме процента с выигрыша. И в этом равнодушном созерцании определенно присутствовало некое величие, неподвластное пониманию простых смертных.

«Улыбку Фортуны» дважды пытались выкрасть, и оба раза похитители умирали при загадочных обстоятельствах, а магическая коробка неизменно возвращалась к владельцам.

В конечном итоге все успокоились и пришли к выводу, что с Бесстрастными Близнецами лучше играть честно или не играть вовсе.

Разумеется, Фромп не собирался менять давно устоявшиеся правила. В его намерения входило играть только честно,

потому что он был уверен в исходе поединка. А конкретно – не сомневался в своей победе.

Каким образом Тень Прошлого узнала о том, что «Улыбка Фортуны» окажется благосклонной к королю, а не его противнику, было не столь уж и важно. Главное то, что над Фромпом сегодня уже достаточно поиздевались и теперь пришло время вспомнить про кое-какие неоплаченные счета.

«Хорошо смеется тот, кто смеется последним» – прекрасное выражение, как нельзя более подходящее к данной ситуации. Очень скоро к точно такому же выводу придут все участники грандиозной вечеринки в честь великих героев. И вот тогда-то улыбка Фромпа ослепит всех безумцев, посмевавшихся встать поперек дороги могущественному и жестокому королю.

И хотя до начала торжеств оставалось чуть меньше часа, король не сомневался в том, что Бесстрастные Близнецы, успеют к назначенному сроку. Когда речь идет о том, чтобы получить процент великой империи, любой разобьется в лепешку, лишь бы успеть к точно назначенному сроку. Десту вполне хватит получаса, чтобы слетать в измерение Суен и вернуться обратно с пятеркой близнецов...

– Мне нужно привести Рентала и Сайко в норму. Недопустимо, чтобы на банкет эти двое завалились вдрызг пьяными, – отрывисто приказал Фромп придворному лекарю. – У вас имеются средства, способные привести в чувство наших

гостей?

Вопрос был задан с единственной целью: услышать положительный ответ.

И лекарь не обманул ожиданий своего повелителя.

– Мне понадобится не больше пятнадцати минут, чтобы гости стали трезвыми как стекло, – почтительно склонив голову, произнес он.

– Отлично! – К Фромпу постепенно начало возвращаться хорошее настроение.

Это пока еще нельзя было назвать радостью или ликованием, а вот предчувствием чего-то по-настоящему светлого – вполне.

– Пятнадцать минут на процедуру, пятнадцать – на сборы и десять – на дорогу. После всего этого останется еще минут двадцать до начала праздника. Лаонтис, – король обратился к своему преданному слуге, – лучше тебя никто не справится с подобным заданием. Я отправляюсь на площадь Звезд, подготовлю гостей к большой игре, а ты отвечаешь за наших гостей.

Король не уточнил, чем именно отвечает слуга, но всем было прекрасно известно, что отвечают обычно головой.

«Да кончится это когда-нибудь или нет? – подумал глубоко несчастный Лаонтис. – Целый вечер я, словно мальчик на побегушках, ношусь от короля к героям и обратно, при этом ежеминутно подвергаясь смертельной опасности. Меня избивают, кормят ногами волосатых обезьян. Затем демон-

стрируют отвратительных пауков и жестоко смеются, когда мой несчастный желудок приходит в расстройство от всех этих потрясений...»

– Ваше величество, я безмерно рад, что вы остановили свой благосклонный взор именно на мне.

– Иди уже. – Фромп знал: прохвост умеет льстить, как никто другой, но сейчас на все эти глупости просто не было времени.

Уже по дороге Лаонтис еще раз спросил у лекаря:

– Вы действительно сможете привести их в норму за пятнадцать минут?

Вопрос был тем более уместен, что через сорок минут герои должны были появиться на торжественном мероприятии, устроенном в их честь.

– Безусловно. – Лекарь позволил себе короткую усмешку. – Две денвеунские пиявки к вискам, четыре – на позвоночник и три – в область паха. Это избавит от алкогольного токсикоза даже закоренелого пьяницу.

На секунду впечатлительному Лаонтису показалось, что его опять вырвет. Картина трех денвеунских пиявок, присосавшихся к паху, выглядела не намного приятнее мохнатого паука-кровососа. Но огромным усилием воли «королевскому фавориту» удалось подавить рвотные позывы.

– Рад, что все проблемы решаются настолько просто.

– Ну, просто – не просто, а держать человека все-таки нужно. Денвеунская пиявка кого хочешь может расстроить.

– В каком смысле?

– В прямом. Она сама по себе страшная как смерть, а если человеку вдобавок сказать, что ее повесят на чресла, его реакция может быть непредсказуемой.

– Значит, нам понадобится помощь охраны? – борясь с головокружением, тошнотой и слабостью, прошелестел Лаонтис.

– И чем больше, тем лучше.

– И за этот бардак я вынужден отвечать головой? Какой ужас!

Если бы Лаонтису довелось увидеть денвеунскую пиявку, то он понял бы, что такое настоящий ужас.

Но, к счастью, до столь шокирующих крайностей дело не дошло. Когда импровизированный передвижной вытрезвитель, состоящий из лекаря, кучи пиявок и шести мощных стражников, прибыл в Розовые покои, оказалось, что приводить в чувство уже некого. Рентал и Сайко выглядели если не абсолютно трезвыми, то по крайней мере – вполне вменяемыми.

– Я вижу, вы здесь времени даром не теряли! – Лаонтис был искренне рад, что не пришлось применять насилие, а самое главное – обошлось без вмешательства ужасных пиявок.

– Да и ты, как я посмотрю, успел отметить. – Сайко мрачно кивнул на темное пятно на полу недалеко от кресла. Слуги замыли ковер, но пятно все равно осталось. – Хорошо, что промазал, а так бы заблевал с ног до головы спокойно от-

дышающего человека. И что за народ пошел, – продолжал сокрушаться любитель зоопарков, – не успеешь глаз сомкнуть, как какой-нибудь молодчик обязательно рядом отметится.

«Он все еще пьян! – с отвращением подумал Лаонтис. – Надо проучить негодяя, посадив на него выводок пиявок».

– *Я не советую тебе предпринимать опрометчивые шаги,* – прозвучал в голове доверенного лица короля чуждый голос.

– Ты... Ты кто? – Опешивший от неожиданности человек задал вопрос вслух.

– Я тот, кого ты чуть было не запачкал, – хмуро ответил Сайко. – А вот зачем ты притащил сюда столько народа, мне, откровенно говоря, не совсем ясно.

– *Не важно, кто я, важно то, что будет с тобой, если не послушаешься дружеского совета,* – ответил голос.

«Бред какой-то, – подумал несчастный Лаонтис. – Полный законченный бред».

– Уходи.

– Через десять минут мы отправляемся на площадь Звезд. Попрошу быть готовыми к этому времени.

– Мы уже готовы. – Создавалось впечатление, что Сайко мучает тяжелое похмелье.

– Молодому человеку не помешают несколько пиявок, – прошептал лекарь. – Судя по его нездоровому виду, он находится в промежуточной стадии...

– Помешают, – с ненавистью прошипел Лаонтис, – я уве-

рен, что помешают! Лучше повесь этих тварей на свои чресла! Двое часовых берут на руки бесчувственного слугу принца, – во всеуслышанье приказал он, – и несут к карете, ожидающей нас у входа. Встречаемся через десять минут внизу. Принц, можно вас на минуту... строго конфиденциальный разговор. Лучше пройти в соседнюю комнату. У вас нет тайн от друга? Понимаю. В таком случае позвольте вам предложить замаскировать нож. Видите ли, у приглашенных на банкет могут возникнуть определенные подозрения.

– И не только у приглашенных, – хмуро заметил Сайко.

– Да, и не только у приглашенных. Поэтому было бы лучше как-нибудь скрыть рукоять. Полностью разделяете мое мнение? Вот и замечательно. Тогда самое лучшее, что можно придумать, – надеть треуголку Четвейских пиратов. Не знаете, кто это такие? Странно. Разбойники южных морей известны далеко за пределами нашего измерения. У лучезарного короля никак не доходят руки положить конец их бесчинствам. А так как вам достанется южная часть королевства, то, как говорится, – и карты в руки... Может быть, не достанется? Ну что вы... Я уверен, что любимцу Судьбы «Черная Улыбка Фортуны» подарит свою благосклонность. Не понимаете, о какой улыбке идет речь?

«Я тоже ничего не понимаю, – мысленно простонал Лаонтис. – Если ты не знал о магическом артефакте Бесстрастных Близнецов, то какого черта вообще соглашался на игру?»

– Про «Улыбку» я расскажу по дороге, – сказал он вслух. –

Ну, так что насчет треуголки? Согласны? Вот и прекрасно! Тогда в путь? Великолепно! Чему я так радуюсь? Жизни, – абсолютно искренне ответил сам себе закоренелый лжец. – Я просто радуюсь жизни. Это самая светлая и чистая радость, какую только можно придумать...

В тот момент мне показалось, что я понимаю, о чем он говорит. Но прошло несколько часов – и, оказавшись в камере смертников, я пришел к выводу, что ровным счетом ничего не понимал.

Впрочем, как обычно и бывает, озарение пришло слишком поздно.

* * *

Однажды Клара приводила меня в чувство после того, как я «слегка перебрал» (напился вдрызг). Метод пиявки был достаточно шокирующим, но действовал безотказно. Несколько минут дикой боли – и я стал трезвым как стеклышко.

Было бы в высшей степени некрасиво заявиться на вечеринку, устроенную в честь героев, пьяным. Исходя из этих соображений, я попросил верную подругу прочистить мне мозги. Клара выполнила мою просьбу (как обычно, было очень больно), так что к приходу Лаонтиса с группой под-

держки я уже чувствовал себя вполне нормально.

Понятия не имею, каким образом протрезвел Сайко, но, судя по его изрядно помятому виду, могу предположить – процедура была достаточно болезненной. Не знаю, как остальным, а лично мне было ясно – без помощи любимца (в данном случае четвероногого) здесь явно не обошлось. Конечно, можно было напрямую спросить, как моему новому другу удалось столь быстро прийти в себя. Но в клубе настоящих джентльменов подобные вещи не принято обсуждать вслух. Я не стал задавать вопросов, а Сайко не счел нужным посвящать кого бы то ни было в свои тайны...

Карета, ожидавшая нас у входа, оказалась достаточно вместительной, чтобы в ней вольготно разместилась вся наша компания, включая и бесчувственного Компота.

Старик мог прийти в себя в любую минуту (а мог вообще никогда не прийти), поэтому было разумнее взять его на банкет в качестве некоего сюрприза, терпеливо ожидающего в карете своего звездного часа.

По дороге на площадь Звезд Лаонтис надел на меня треуголку (почти как у Наполеона), а также вкратце объяснил, что из себя представляет «Черная Улыбка Фортуны».

Из его сумбурного рассказа я уяснил только одну вещь – у Фромпа нет крапленых карт. Это не вязалось ни с репутацией короля, ни с тем, что о нем рассказывали Компот и Билли. Но факты свидетельствовали о том, что старый негодяй собрался играть честно.

– То, о чем говорит Лаонтис, правда? – Я обратился к Сайко как к единственному человеку, заслуживающему доверия.

– Если ты спрашиваешь про «Улыбку Фортуны», то да.

– Значит, за всю историю этого черного ящика не было случаев жульничества?

– Одна попытка была. Но после того, как карты превратились в бритвы и разрезали шулера на куски, любителей легкой наживы заметно поубавилось.

– Насколько поубавилось? – не сразу понял я.

– Они вообще исчезли. Не в том смысле, что совсем, – поправился Сайко, – просто перестали обращаться к услугам Бесстрастных Близнецов.

– Это карликов, владеющих чудо-коробкой?

– Не стоит называть их карликами. Могут и обидеться.

– Понял. Что-нибудь еще можешь рассказать про «Улыбку»?

– Больше ничего. Наш сопровождающий, – Сайко кивнул на Лаонтиса, – все подробно объяснил.

– Значит, игра будет честной? – Я до сих пор не мог поверить в то, что Фромп решился на столь отчаянный шаг.

– Во-первых, Близнецы слишком дорожат своей репутацией, чтобы игра была нечестной, а во-вторых, даже сами владельцы загадочного артефакта не знают, как устроена их чудо-коробка.

– Звучит убедительно, однако всем известно, – я подозрительно покосился на слугу короля, но все же закончил пред-

ложение, – что Фромп тот еще...

«Негодяй», – хотел было сказать я, но в последний момент передумал:

– ...тот еще парень.

– Что верно, то верно, – легко согласился Сайко, – но даже у тех *еще парней* иногда случаются заскоки, толкающие их на самые отчаянные авантюры. Кстати, об авантюрах. Мне кажется, лучше заранее подготовить королевских магов к тому, каким будет мое желание.

– О чем речь? – вежливо поинтересовался Лаонтис, до сих пор не вмешивавшийся в разговоры о короле.

– Тот, кто выйдет живым с «Арены искупления», может загадать желание, которое маги короля обязаны будут исполнить. Я бы хотел услышать божественную игру Глашатая Ветра. Это и есть предел моих желаний.

«Сегодня все походили с ума, – устало подумал Лаонтис. – А может быть, со мной случилось нечто ужасное – и я стал ненормальным? Хотя нет. Этого не может быть. Со мной все в порядке. ВСЕ... В ПОЛНОМ... ПОРЯДКЕ!»

– Желание достойное, я обязательно передам королю, а он, в свою очередь, сделает все от него зависящее...

– ...чтобы его исполнить, – с нажимом произнес Сайко.

– Да.

– Я *предпринял все возможное, чтобы выполнить свою часть договора*, – мысленно обратился авантюрист к собачке, скромно сидящей в ногах. – *Что скажешь? Мы в расче-*

те?

– *Да, мы в расчете,* – легко согласилась Вини, потому что не сомневалась – король пойдет на все, лишь бы не упасть лицом в грязь на глазах подданных.

– *Отлично.* – К Сайко начало возвращаться хорошее настроение.

Несмотря на то что он потерял миллион золотых (контракт с Утешителями для принца) и на груди по-прежнему оставался паук, высасывающий проклятие Сантибарры, жизнь уже не казалась столь мрачной, как пару часов назад.

«Магический супермеч», которым повергли в пыль могущественного демона, можно продать за очень приличную сумму. Пускай это будет не миллион, но меньше чем за пятьсот тысяч Сайко его не отдаст. Два остальных меча будут копироваться чуть дешевле, но все равно продажа оружия вернет часть утраченных капиталов.

«Я просто радуюсь жизни. Это самая светлая и чистая радость, какую только можно придумать», – так сказал Лаонтис.

Прямо сейчас Сайко мог не задумываясь поставить свою подпись под этим изречением. И, немного подумав, добавить: «Нет таких денег в мире, которые было бы жалко отдать за эту чистую радость...»

Остаток пути проехали молча. Каждый думал о своем. К тому времени, как мы достигли площади Звезд, собравшиеся там люди уже были в курсе предстоящей игры. Да что

там гости – вся столица гудела, словно растревоженный улей. Шутка ли – поставить на кон целое королевство! Такое даже представить трудно, не говоря уже о том, чтобы решиться на столь отчаянный шаг.

А король не просто пошел ва-банк, а сделал это на глазах у всех. Посреди празднично украшенной площади возвышался помост, на котором стояли небольшой стол и два обычных деревянных стула. Отсутствие помпезности как бы говорило – это просто игра. И ничего более. Не стоит придавать большого значения ставкам. Два человека сели перекинуться в карты, и тот, кто выиграет, получит целую империю, а проигравший не станет огорчаться. Ведь все в этой жизни преходяще. Сегодня выиграл королевство, завтра проиграл, главное то, что ты до сих пор дышишь и можешь радоваться жизни...

Прежде чем мы покинули карету, у меня состоялся разговор с достаточно неоднозначной личностью по имени Ласковый Жу. Начальник тайной полиции полностью оправдал свое прозвище. Правда, его ласковость была какой-то не слишком естественной. Но я был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как несоответствие внешности и занимаемой должности.

Аспирин выглядел как милый старичок с пухлыми щечками и нежной ямочкой на подбородке, а был тем еще психопатом. Мио Четвертый носил стринги. Антопц являлся олицетворением древнего зла.

Среди всех этих величественных фигур какой-то начальник тайной полиции выглядел не более чем жалкой пешкой. И тот факт, что его откровенно боялся Лаонтис, лично мне ничего не говорил.

Л.Жу сразу же понял: в рейтинге принца Рентала его котировки низки, как никогда. Но оказался достаточно умным, чтобы не показать своего раздражения.

– Король предлагает сначала сыграть, а затем устроить банкет. – Начальник тайной полиции говорил тихо, как будто приоткрывал завесу над государственной тайной. – Публика слишком возбуждена, поэтому не сможет в полной мере насладиться атмосферой праздника до тех пор, пока не прояснится ситуация с победителем.

– И что требуется от меня?

– Согласие.

– Сначала сыграть, а только потом отпраздновать успех или поражение?

– Да.

– А как насчет желания? – неожиданно встрял Сайко.

– Какого желания? – Л. Жу не сразу понял, о чем речь.

– Вот тебе и здравствуйте! – Любитель зоопарков всплеснул руками. – Герои не жалеют жизнью, бьются на «Арене искупления», затем выходят победителями и, вместо того чтобы загадать желание, вынуждены улаживать толпу, играя в карты.

Начальник тайной полиции подарил Сайко свой самый

«ласковый» взгляд и в который уже раз вспомнил о доктрине.

– У меня не было возможности передать королю волю героев, – неожиданно подал голос Лаонтис, – и поэтому его величество не в курсе, что самое заветное желание принца Рентала – услышать игру Глашатая Ветра.

Ласковый Жу удивленно поднял вверх бровь, всем своим видом выражая безмерное удивление.

– Сумасшедшего старика, играющего на дудке? – не удержался он от вопроса.

– Я бы не стал столь категорично выражаться по поводу талантов всеми уважаемого старца, – тактично ответил Лаонтис.

Начальник тайной полиции уже и сам понял, что сказал глупость. И чтобы замаять собственную ошибку, уточнил:

– Значит, я могу передать королю: после того как мы насладимся игрой Глашатая Ветра, можно будет начать игру?

– Да, – коротко кивнул я. – С моей стороны нет возражений.

– Я передам эти пожелания королю и приду за вами через десять минут. Вы можете прогуляться, но я бы настоятельно рекомендовал остаться в карете. Толпа слишком возбуждена и хочет увидеть кумиров.

– Мы останемся...

– Благоразумное решение. До скорой встречи.

После ухода Л.Жу все разговоры сами собой стихли. Не

знаю, о чем думали спутники, но лично меня волновала не столько предстоящая игра, сколько таинственное исчезновение Билли и тревожное состояние Компота.

Да, старик не сделал мне ничего хорошего. А если разобратся, то был повинен во всем том дерьме, которое свалилось на мою несчастную голову. Но, как ни странно, я начал испытывать к нему нечто наподобие дружеских чувств. После того как проходишь с человеком сквозь нескончаемую череду смертельных опасностей, поневоле привыкаешь к нему. Уже не так болезненно реагируешь на его многочисленные недостатки и начинаешь беспокоиться о здоровье...

Занятый подобными мыслями, я не заметил, как быстро пролетело время.

Пунктуальный Л.Жу вернулся ровно через десять минут и сообщил, что все готово к игре. К самой великой игре в истории всех измерений. Ставкой в которой было не больше и не меньше, как целое королевство...

Глава 5

После «Арены искупления» я уже не столь болезненно реагировал на повышенное внимание толпы, поэтому совершенно спокойно чувствовал себя на помосте посреди огромной площади, до отказа забитой самой изысканной публикой.

Королевское приглашение получили только избранные. Но даже их набралось более полутора тысяч. И все разделись так, словно решили стать выставочными экспонатами ювелирного магазина.

Площадь играла и переливалась множеством огней. Блики, отбрасываемые бриллиантами, слепили, словно вспышки фотокамер. Изысканные красавицы демонстрировали умопомрачительные вечерние платья с такими глубокими декольте, при одном взгляде на которые у темпераментных мужчин останавливалось сердце. А не темпераментные были слишком стары, чтобы вообще обращать внимание на женщин.

И если даже отбросить потрясающие декорации, роскошное убранство площади, ослепительный блеск бриллиантов и так далее, оставив только сногшибательных красавиц в вечерних платьях, то и тогда можно было бы сказать – банкет удался. Эта вечеринка стоила того, чтобы стремиться на нее обязательно попасть. А быть главной звездой вечера, ловя

на себе манящие взгляды прелестниц, это... Это... В общем, словами данное состояние не передать. Поэтому не буду даже пытаться.

Что интересно, из всех участников светской тусовки хуже всех выглядели я и король. Со мной было все понятно – перед тем как пойти на званый вечер, я наспех переоделся в первое, что попало под руку. И поэтому выглядел, мягко говоря, не очень. Плюс ко всему на голове болталась дурацкая треуголка, кое-как скрывающая рукоять ножа. В общем, вид был еще тот. Но король переплюнул даже меня, появившись на «сцене» в холщовом рубище – обыкновенном мешке с дырками для головы и рук.

Ни дать ни взять – сцена из мюзикла «Принц и нищий». Король в рубище и лжепринц с наполеоновской треуголкой на голове. А вокруг сотни разодетых мужчин и феерически роскошных женщин.

Если бы не отличная школа арены, я бы наверняка смутился. Но, пережив массу приключений (злключений и мытарств), юный герой стал более раскованным и пластичным и чувствовал себя уверенно даже в таких неблагоприятных условиях. Фромп тоже явно не стеснялся своего дурацкого рубища, лишний раз подтверждая банальную истину: «Даже голый, король остается королем».

Говорю положа руку на сердце – мне хотелось как можно скорее закончить игру и выпить в компании какой-нибудь местной красавицы. Но начала игры пришлось ждать долгих

пятнадцать минут, и, как ни странно, повинным в задержке оказался не кто иной, как я.

Не знаю, каким образом магам удалось склонить Глашатая Ветра сыграть на дудке, думаю, это не так уж и важно. Главное, что сначала во всеуслышание объявили желание героя, а затем древний старец вышел к помосту, достал свою дудку и затянул бесконечно нудную мелодию.

Я так и не понял, зачем Сайко понадобилось платить миллион золотом за столь утомительную музыкальную композицию (растянувшуюся на пятнадцать бесконечных минут). Честное слово, лучше бы нанял табор цыган. По крайней мере, было бы весело. Но мой новый друг производил впечатление парня с устойчивой психикой, поэтому наверняка извлек какую-то выгоду из нашей сделки.

Не знаю, как насчет Сайко, но за время выступления Глашатая я обнаружил в толпе пару «старых друзей». Причем все произошло совершенно случайно. Мое внимание привлекла потрясающая женщина, а рядом с ней стоял...

Стоял...

Стоял...

Можно еще тысячу раз повторить это дурацкое «стоял», но все равно рано или поздно придется открыть страшную тайну. Рядом с красавицей стоял толден. Воин тени. Наемный убийца. Рыцарь без страха и упрека. Он выглядел разодетым в пух и прах джентльменом, но я сразу узнал его по каким-то необъяснимым признакам, осанке, внимательному

взгляду или, если хотите, по ауре, которая окружала этого сильного человека.

Звучит глупо – узнал по ауре. Но если вас, словно дикое животное, преследуют безжалостные охотники (двоих из которых вы прикончили собственноручно), то начинаешь узнавать своих преследователей не то что по ауре, а чуть ли не физически ощущать их присутствие.

«Толдены вернулись, – напряженно подумал я, ни на секунду не усомнившись, что это не единственный воин тени, присутствующий на площади Звезд. – А зачем они вернулись? Уж не потому ли, что смерть каждого воина должна быть жестоко отмщена? А я, если не ошибаюсь, прикончил не одного, а двух...»

После этих неприятных мыслей унылое завывание дудки почтенного старца показалось особенно тягостным. И, что самое главное, пропало всякое желание рассматривать женщин.

Будь со мной внутренний голос, можно было бы перекинуться с ним парой фраз. Но кроме сидящего напротив короля, рядом никого не было, а разговаривать с Фромпом мне не хотелось.

К счастью, Глашатай Ветра наконец закончил свою заунывную композицию, и площадь разразилась громовыми аплодисментами. Все присутствующие были настолько рады окончанию сольного выступления, что хлопали от чистого сердца.

Овадии оказались настолько бурными, что в голову закралась мысль о возможности выхода на «бис». Но, к счастью, мои страхи не оправдались. Отвесив достойный поклон, старец удалился. После этого уже ничто не мешало объявить начало игры.

Самой глупой и страшной игры в моей жизни...

* * *

Это был обычный покер. Во всяком случае, быстро пробежав глазами первые несколько строчек объемистого пергамента, я пришел к такому выводу. Те же комбинации и те же раскладки. Единственное различие – возможность ставок. Я читал быстро, поэтому не вник во все тонкости. Впрочем, ставки в покере – не самое главное. Приходит хорошая карта – ты на коне. Нет – в полном дерьме. Конечно, возможны варианты, но они скорее чисто теоретические, нежели осуществимые на практике.

Королевство насчитывало около сорока крупных городов, и поэтому каждая сторона получала по двадцать фишек. Разумеется, все это было чистой условностью, но так как мы не кидали монетку, а играли в карты, то нужно было придерживаться определенных правил.

Импресарио объявил о том, что игроки ознакомлены с

правилами, согласны с условием Бесстрастных Близнецов и отдают себе отчет в том, что нечестная игра может быть опасна для жизни.

А затем «Черная Улыбка Фортуны» выдала пять карт мне и столько же Фромпу.

Еще одна особенность этих карт в том, что никто, кроме самого игрока, не может их видеть. Как только противники «ложились», достоинство карт могли увидеть все желающие. Но до этого момента их видел лишь игрок, которому они выпали.

С первой раздачи мне пришли две дамы, девятка, семерка и туз.

Фромп, даже не посмотрев в свои карты, добавил в банк еще девять фишек.

– Рисково играешь, – не удержался я от комментария.

Но король не отреагировал на мою реплику, а сделал знак импресарио – и заранее проинструктированный человек объявил:

– Король считает свою жизнь неотделимой от жизни королевства. Если ему суждено проиграть – он умрет. За полчаса до игры его величество Фромп Второй выпил яд. Только лишь боги властны над судьбой королей. В случае если Судьбе будет угодно отобрать у него корону, наш владыка удалится в родовой склеп, где и окончит свой бранный путь. Все соответствующие распоряжения на случай кончины уже отданы...

«ВАУ!» – подумали чуть ли не все присутствующие зрители.

«Это конец!» – подумали обезумевшие от горя брокеры. Потому что с таким настроением на игру король непременно проиграет. Никто не видел карты, поэтому ставки принимались в течение всей игры, но если Фромп начал уповать на судьбу и ставить втемную, то это ни к чему хорошему не приведет.

До игры котировки удерживались на позиции полтора к одному – в пользу короля. Но после «объявления по стадиону» о яде, склепе и прочей унылой погребальной тематике на принца Рентала ставили уже десять к одному. А кое-где и пятнадцать...

Я мог сменить карты и после этого решать, продолжить игру или «лечь».

Туз и мелочь были сброшены в отбой и рассыпались в прах. Среди трех новых карт оказались еще две дамы и король. Таким образом, у меня на руках были четыре дамы, то есть каре, что практически стопроцентно гарантировало победу. А если учесть, что Фромп даже не посмотрел на свои карты, то... У него не было практически ни единого шанса.

Если бы карты были обычными, рядом не застыли неподвижными изваяниями пятеро близнецов и т. д. и т. п., то, разумеется, я бы подумал, что это элементарная «разводка». У короля в рукаве лежат четыре туза, и он просто играет на публику своими заявлениями о подготовке к смерти.

Но все говорило о том, что игра идет честная и Фромп не может знать, какие карты лежат на столе.

Я кинул девять фишек и как ни в чем не бывало спросил:

– Теперь мы можем вскрываться?

– Нет...

Ответ сидящего напротив человека откровенно застал меня врасплох.

– Я еще не вскрывался и поэтому могу удвоить ставку, полностью сменив все пять карт.

«Может быть, яд начал действовать?» – удивленно подумал я.

Ведь в поступках короля не прослеживалось даже крупицы здравого смысла. У меня были четыре дамы, и я чувствовал себя настолько уверенно, насколько это вообще возможно при игре в покер. А у короля не было ничего, и он собирался сменить пять карт, поставив на кон все, что имел. Включая жизнь.

Те брокеры, которые еще не покончили с собой до сих пор, сделали это сейчас. Ставки на короля упали до пятидесяти к одному, а некая таинственная личность поставила на кон четверть миллиона...

Пять карт рассыпались в прах (никто так и не узнал, что там было), а очередные пять легли на стол перед Фромпом.

– Теперь я могу положить в банк оставшиеся десять фишек – и мы вскроемся? – Мне успел надоест этот дешевый фарс, поэтому я хотел как можно быстрее закончить игру,

выиграть королевство и начать веселиться.

– Существует одно правило, – совершенно неожиданно ожила одна из пяти «карликовых статуй». – Если игрок дважды играет втемную и выигрывает, то становится абсолютным победителем.

– Что значит «абсолютный победитель»?

– Абсолютный победитель получает все, включая и жизнь поверженного игрока.

Только сейчас я понял коварный замысел Фромпа. Он выпил яду, напичкал себя какими-нибудь возбуждающими таблетками, возомнил себя богом – и решил взять противника «на слабо».

Десять фишек я уже поставил. И если, имея отличную комбинацию на руках, не доставлю еще десять, то король выигрывает. А в следующем сете соперник поступит точно так же. Однако при новой раздаче ко мне может прийти не каре, а полный ноль. И тогда я уже точно проиграю.

Конечно, невелика беда потерять королевство, с которым не знаешь, что делать. Но одно дело – быть героем в глазах толпы сногсшибательных красавиц, и совершенно другое – малодушным трусом, спасовавшим перед накачанным медикаментами зомби в дурацком холщовом рубище.

– Я принимаю вызов, – спокойно ответил я, кинув в банк недостающие десять фишек. – Теперь все королевство на кону – и можно вскрываться. Игра получилась слишком быстрой, но это даже к лучшему.

Не видя никакого смысла в промедлении, я кинул карты на стол, и собравшейся публике сообщили о том, что у принца Рентала каре из четырех дам.

Если бы можно было делать ставки после вскрытия одного из игроков, то на короля не поставили бы даже миллион к одному.

К счастью для брокеров (тех, кто остался в живых), до подобных глупостей никто не додумался.

– Будете вскрываться или не глядя скинете карты в отбой? – Мысль о том, что я выиграл целое королевство, ударила в голову, словно шампанское.

Вместо ответа король протянул руку к столу и перевернул первую карту.

– Девятка трэф, – объявили «по стадиону»

Вторая карта последовала вслед за первой.

– Трефовый король...

Толпа судорожно вздохнула, и все взгляды устремились на нового короля (на меня то есть). Так как в колоде всего четыре короля, а один находился у меня, то перебить мою ставку Фромп просто не мог.

Ну или мог, если здесь играли с джокером.

Фромп протянул заметно дрожащую руку к третьей карте и открыл... джокера.

– Мило, – раскованно улыбнулся я. – Осталась самая малость: вытащить еще пару королей – и победа будет у вас в кармане.

После того как король открыл джокера, что-то в его взгляде неуловимо изменилось. Появилась уверенность, которой не было раньше.

– Думаешь, это мило? – Первый вопрос за всю игру прозвучал несколько странно.

– Думаю, да. – Нехорошее предчувствие сжало холодными тисками мое сердце, но я постарался отогнать его прочь и даже смог выдавить из себя улыбку.

– Тогда скажи мне, что ты здесь видишь?!!

Король взял не одну карту, как прежде, а подался всем корпусом вперед, двумя руками взял пару карт и поднял их на уровень моих глаз. Он видел только рубашки, а номинал предстал моему взору.

– Что ты здесь видишь? – требовательно повторил он, вглядываясь в мое побледневшее лицо. – Не смерть ли свою?

Я тупо смотрел на двух королей и никак не мог поверить, что проиграл не только целое королевство, но и свою жизнь.

«Даже голый, король все равно остается королем», – сам не зная почему, подумал я, и...

И игра кончилась. А вместе с ней кончилось и все остальное...

* * *

Я проиграл не только свою жизнь, но и жизнь Компота.

(Один за всех и все за одного – прямо как в классической истории про д'Артаньяна и трех мушкетеров.)

Прямо с банкета меня проводили в темницу, сообщив, что на рассвете казнят. А на робкие попытки воззвать к разуму, сообщив о «Растворителе миров», находящемся в моем организме, никто не прореагировал. Разница во времени между измерениями на этот раз сыграла против меня.

К тому же не стоит забывать о шансах – пятьдесят на пятьдесят. Может быть, экстремально девельтипированная пули-визация увенчалась успехом. Кто знает...

В подземелье произошло еще одно интересное событие. Двое охранников, которые без всяких церемоний волокли за ноги бесчувственного старика, так неудачно ударили его о выступ стены, что бедняга неожиданно пришел в себя.

Много воды утекло с тех пор, как он потерял сознание. Из королевского гостя, прославленного героя и любимца толпы колдун неожиданно превратился в обреченного на смерть узника.

Естественно, такой поворот событий не мог обрадовать Компота. Сначала он выразил робкий протест, затем начал сопротивляться, потом произошла некрасивая потасовка, во время которой мой спутник потерял много зубов, а меня избили чуть ли не до потери сознания, а после всего этого мы очутились в сырой камере на холодном полу.

– Ну что, доигрался? – Я даже не сразу понял, что этот

вопрос задал внутренний голос.

– *Пожалуй, да. А ты вернулся посмотреть, чем дело кончится? Или меня так сильно били по голове, что...*

– *Разве я куда-нибудь пропал?*

– *Не знаю. Может, мне просто показалось...*

– ТЫ ..... КВИНТЭССЕНЦИЯ ГЛУПОСТИ! – прервал мои невеселые размышления взбешенный колдун.

– Что такое квинтэссенция? – зачарованно спросил я, пытаюсь собраться с мыслями и хотя бы ненадолго отвлечься от боли.

В последующие полтора часа мне в подробностях объяснили и про квинтэссенцию, и про меня самого, и...

Я догадывался о том, что у колдуна нездоровая фантазия, но не мог даже предположить, что настолько...

В конце концов меня утомили его вопли, и я перестал не только реагировать на ругательства, но и вообще слушать истеричного старика. Было намного интересней вспомнить былые подвиги и приключения, чем внимать нескончаемому потоку изощренных ругательств.

Не знаю, как долго длился вечер воспоминаний, могу сказать одно – к жестокой реальности меня вернули шаги палача.

Тот, кто остановился около двери, слишком долго возился с ключами, никак не находя нужный, поэтому я успел заметить, как в щель под дверью в камеру начала подтекать

струйка свежей крови.

– На работу, как на праздник, – всегда с топором и...

– Заткнись!!!

Дверь с противным скрипом отворилась, и на пороге возникла громадная фигура, заслонившая чуть ли не весь проем.

– 3-3-здравс... – Я попытался вежливо поздороваться, но не успел – огромный кулак, стремительно увеличиваясь в размерах, за долю секунды преодолел расстояние, отделяющее его от меня, и врезался в грудную клетку.

Мое обмякшее тело отлетело на несколько метров и ударилось о стену темницы. В глазах вспыхнула ослепительно яркая молния, а потом все окончательно погрузилось в непроглядную тьму.

Но ненадолго. Еще один удар привел меня в чувство, и только тогда я понял, что передо мной...

Что передо мной – Гарх!

– Старый друг пришел спасти товарищей, – сплюнув накопившуюся во рту кровь, с натугой прохрипел я. – Как это благородно!

Два горящих безумием глаза вперились в меня, как будто намеревались выжечь мозги, после чего «старый друг» произнес фразу, от которой я разом вспотел:

– Сам погибай, а товарища выручай... Должок за тобой числится.... Крупный должок...

Я даже не мог представить, какие долги имелись в виду и

кто послал Гарха, но был уверен в том, что:

А) Он окончательно сошел с ума.

Б) Компота нужно зачислить в список должников (чтобы мстительный Фромп не разделался с бедным стариком).

Не знаю почему, но после этих умозаключений мне вдруг стало ужасно весело.

– Возьмем колдуна! – истерично-радостно предложил я. – Он тоже должен немерено!

– Возьмем, – согласился Гарх не задумываясь. – Чем больше должников, тем лучше.

– Кому лучше? – не понял я.

– Всем, – коротко ответил безумный полусмертный и, взяв в охапку два худосочных тела, потащил их туда, где лучше всем.

Не знаю, было там лучше всем или не всем, но я искренне верил: хуже, чем в камере смертников, уж точно не будет.

Хотя, может быть, я ошибался, а сумасшедший монстр со сваренными вкрутую мозгами тащил меня в по-настоящему кошмарное место.

– Думаешь, это когда-нибудь кончится? – как всегда, совершенно некстати ожил внутренний голос.

– Время покажет, – философски ответил я.

И время действительно ПОКАЗАЛО.

Но честное слово – лучше бы я переждал это ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ ШОУ в камере смертников.

Так было бы лучше для всех. И самое главное – спокойнее

для меня...

Конец третьей книги